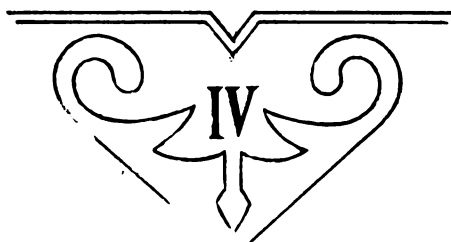
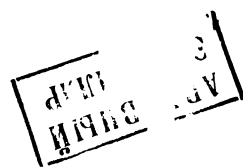


АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им.Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК.
КИРГИЗСКОЙ ССР

ТРУДЫ
КИРГИЗСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ



Под редакцией
Г. Ф. ДЕБЕЦА



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва - 1960



Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКИЙ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ
В 1954 ГОДУ**

ВВЕДЕНИЕ

Планомерное археологическое изучение Южной Киргизии, включающей современную Ошскую область Киргизской ССР, началось совсем недавно, хотя сведения о памятниках старины стали появляться еще в конце прошлого столетия. Первые раскопки в Южной Киргизии были произведены Н. И. Веселовским в 1885 г. на городище средневекового Узгена во время путешествия по Ферганской долине¹.

Археологическое изучение Южного Киргизстана, занимающего предгорные и горные районы вокруг Ферганской долины, на всех этапах было тесно связано с развитием археологических работ в Фергане. Наибольшее внимание в дореволюционный период привлекали прекрасные архитектурные памятники Узгена, Сапид-Буланда и другие², а также эпиграфические находки — преимущественно надгробные камни с эпитафиями — кайраки³.

В советский период изучение узгенских и других архитектурных памятников возобновилось в 20-х годах. Обследование их проводилось специалистами-искусствоведами, историками архитектуры и археологами на строго научной основе. В этих работах участвовали Б. П. Деника, Б. Н. Засыпкин, П. Е. Корнилов, М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский и другие⁴. М. Е. Массон, кроме того, обследовал сами развалины средневекового города.

В эти же годы появилась значительная литература по истории горного дела на территории Южной Киргизии (Хайдаркен, Охна, Тюя-Муюн, вер-

¹ Отчеты Археологической комиссии (далее — ОАК) за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. LXI—LXXX.

² Изучением их занимались Н. Г. Маллицкий, Домбровский, Н. Н. Щербина-Крамаренко, Н. А. Северцов и др. Основные работы указаны в кн. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950.

³ П. П. Иванов. Надписи на древних камнях в селении Узгента Андижанского уезда. ПТКЛА, т. II, 1897. Приложение к протоколу от 16 октября 1897, стр. 5—7, 8; М. О. Аттая. Арабские надписи из Ферганской области. «Археологические известия и заметки», вып. VI, 1898, стр. 30—31; В. В. Бартольд. Текст (и перевод) первой надписи в Варухском ущелье. ПТКЛА, т. IX, 1904, стр. 46—47; Л. Зимин. Мусульманское сказание о г. Ош. ПТКЛА, т. XVIII (XVII), стр. 9; П. Е. Кузнецов. О таджиках Наманганского уезда. «Изв. Туркестанского отд. Русск. геогр. об-ва» (далее — ИТОРГО), т. XI, вып. 2, ч. 1, 1915.

⁴ См. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии.

ховья р. Касана и пр.), в которой рассматриваются также данные о древних разработках и археологических находках⁵.

Регистрацией монетных находок на территории Южной Киргизии занимался М. Е. Массон⁶.

Важное значение имели работы Б. А. Латынина, проведенные в Восточной Фергане в 1933—1934 гг. Они позволили наметить схему периодизации культурного развития древней Ферганы⁷.

В 1939 г. во время работ на трассах каналов в равнинной Фергане археологи посетили некоторые соседние районы Киргизии. Участники экспедиции археологического надзора на Большом Ферганском канале во главе с М. Е. Массоном обследовали замечательные наскальные изображения Аравана и Айрымачтау возле Оша и другие памятники в этом районе⁸. В этом же году небольшая Горно-Ферганская экспедиция в составе М. Э. Воронца и Т. Г. Оболдуевой совершила поездку по долинам Соха, Хайдаркена и Охны, где открыла несколько городищ, тепе и древних выработок на киргизской территории. Материалы этой экспедиции не были опубликованы⁹. Все эти работы не намного обогатили наши знания по древней истории Южной Киргизии.

Начало систематическому изучению этой территории положили полевые работы, проведенные в 1941 г. А. Н. Бернштамом в Ошском оазисе и в Узгене. В результате обследования появилась предварительная классификация поселений этого оазиса с хронологическими определениями и социально-экономической характеристикой¹⁰. В 1944—1945 гг. А. Н. Бернштам расширил территорию обследования, посетив Алайскую долину и Узгенский оазис. Небольшие разведывательные раскопки на Узгенском городище были подготовкой к развертыванию там стационарных работ и позволили составить общее представление о периодах развития города.

В послевоенные годы (1946—1948 и 1950—1952) экспедиция, руководимая А. Н. Бернштамом, продолжила планомерную последовательную разведку памятников по основным дорогам в долинах Алая и Чон-Алая, Хайдаркена и Баткен-Бужума, Кугарта, Касана и др. За несколько лет работы экспедиции исследованием были охвачены почти все районы юга Киргизии.

Широкая разведка сопровождалась вскрытием курганов разного типа и небольшими раскопочными работами на городищах, тепе и селищах,

⁵ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии, Л.—М., 1932; М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. «Материалы Таджикско-Памирской экспедиции», 1933, вып. XX, Л., 1934 (подробная библиография); М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953; В. Т. Сургай. К истории горного промысла в Киргизии. Фрунзе, 1951.

⁶ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 1917 по 1927 г. «Изв. Средазкомстариса», вып. IV, 1928; его же. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930 и 1931 г. «Мат-лы Узкомстариса», вып. 5, 1933; его же. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 года. «Тр. Ин-та языка и литературы (далее — ИЯЛИ) Киргизского филиала АН СССР», вып. 2, 1948, стр. 135—139.

⁷ Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане. «Изв. Гос. академии истории материальной культуры» (далее — ГАИМК), вып. 110, 1935, стр. 120—158.

⁸ М. Е. Массон. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. ҚСИИМК, вып. 4, 1940; его же. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане. «Тр. ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР», вып. 2, 1948, стр. 135—140.

⁹ М. Э. Воронец. Археологические исследования Узбекстанского комитета по изучению памятников материальной культуры в 1939 г. ВДИ, 1940, № 1, стр. 208.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.

а также изучением наскальных изображений (Араван, Саймалы-Таш)¹¹. В изучении Южной Киргизии принимали активное участие в послевоенные годы и местные археологи (Б. М. Зимма — 1946 г.¹², А. Кибиров и П. Н. Кожемяко — 1949—1952 гг.¹³, Ю. Д. Баруздин — 1953—1954 гг.).

В Южной Киргизии исследованы преимущественно погребальные памятники (курганы) кочевого населения. Всего вскрыто около 150 погребений, которые датируются от середины первого тысячелетия до н. э. и до X—XI вв. н. э. Это могильники Чакмак, Шарт, Кукьялда в Алае, Арчабулак, Кургак, Мааша, Кызыл-Туу, Дараут-курган в Чон-Алае, Тюлейкен возле Оша, Боркорбаз и Джангаил на границе с Узбекистаном, в долине Чаткала и др. Наибольшее количество погребений приходится на древний период, особенно на первые века н. э. Совершенно не изучены курганы эпохи бронзы и чрезвычайно мало исследованы памятники такого важного периода, как средневековье.

Оседлые поселения изучены также крайне недостаточно. За все предшествующее время проведены разведывательные раскопки на следующих памятниках: на селищах у Кызыл-кургана в Алае и у Дараут-кургана в Чон-Алае, на тепе в Гульче и Безымянном тепе в 11 км от Оша, на средневековом Узгене, а также в Чаткальской долине. Итоги изучения Южной Киргизии за послевоенные годы опубликованы в монографии А. Н. Бернштама «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая». Эти «Очерки» наряду с его работой «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии...» являются единственными специальными исследованиями по археологии юга Киргизии. В «Очерках» дана классификация памятников и намечена периодизация развития культуры Ферганы и Памиро-Алая и таким образом заложены основы археологического изучения этой территории.

Археологическое изучение Южной Киргизии имело преимущественно разведывательный характер. Естественно, что в ходе работ разведывательного порядка памятники кочевого и оседлого населения были изучены недостаточно и неравномерно по периодам и по территории. Таким образом в археологическом изучении Южной Киргизии еще много существенных пробелов. Из-за малочисленности письменных и археологических источников в настоящее время нельзя ставить на обсуждение такие вопросы, как проблема происхождения южных киргизов и особенности их развития по сравнению с населением Северной Киргизии. На археологических материалах еще невозможно конкретно охарактеризовать взаимоотношения кочевого населения с земледельческой Ферганой и другие вопросы. Для того, чтобы ликвидировать пробелы в наших знаниях по истории древнего населения юга Киргизстана и истории его культуры, необходимо расширение археологических работ по всем периодам, изучение имеющихся письменных источников и привлечение данных других наук. Эти цели и преследовались при создании Киргизской археолого-этнографической комплексной экспедиции Академии наук СССР, в составе которой был выделен специальный отряд для изучения Южной Киргизии: Узгенский в 1953 г. и Южнокиргизский в 1954 г.

¹¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, МИА, вып. 26, 1952 (библиография работ экспедиции); см. также А. Кибиров. Археологическое изучение Киргизии. «Изв. Киргизского филиала АН СССР», вып. II—XII, 1954, стр. 59—69.

¹² Б. М. Зимма. Некоторые выводы по вопросу изучения наскальных изображений Киргизии. «Тр. Киргизского гос. педагогического ин-та», серия историч., 1950 (1951).

¹³ А. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. «Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II, 1959, стр. 3—62.

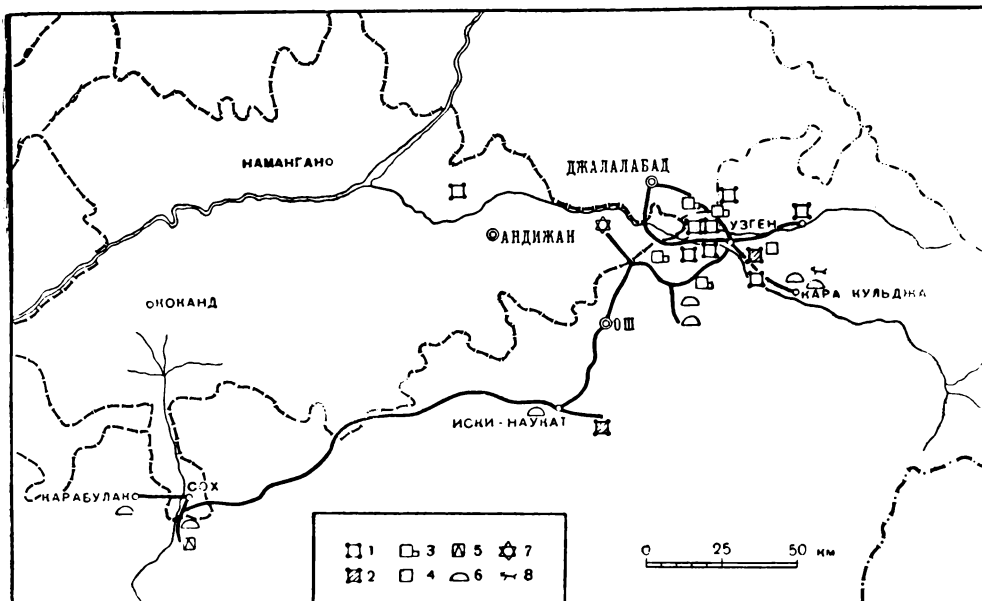


Рис. 1. Маршрут Южнокиргизского отряда в 1954 г.

1 — городище древнего периода; 2 — многослойное городище; 3 — группа тепе; 4 — тепе; 5 — поселение; 6 — курган; 7 — поселение эпохи бронзы; 8 — наскальные изображения

В 1953 г. отряд под руководством Н. Н. Забелиной начал раскопки на Узгене и провел обследование памятников в его окрестностях. Здесь была открыта группа тепе в Карадарьинском оазисе, изучение которой поможет в дальнейшем осветить развитие древнего орошения Узгенского оазиса. Большой интерес представляет исследование курганов, особенно открытие погребения катакомбного типа, являющегося одним из ранних в Средней Азии памятников этого рода.

В 1954 г. Южнокиргизский отряд в новом составе в известной степени продолжил работы, начатые в 1953 г., которые в свою очередь были продолжением многолетних исследований, проводившихся экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры (ЛОИИМК) Академии наук СССР под руководством А. Н. Бернштама.

Полевые работы в 1954 г. проводились с 24 июля по 20 сентября. Отрядом были поставлены раскопки на трех городищах Узгенского оазиса: Шурабашат, Дунбулак и средневековый Узген. Кроме того, проводилось обследование Дальверзинского поселения эпохи бронзы и были организованы раскопки курганов. Для выявления и регистрации памятников и составления археологической карты Южной Киргизии отрядом было принято также несколько маршрутных обследований¹⁴ (рис. 1).

¹⁴ В состав отряда позднее вошла отдельная группа Т. Г. Оболдуевой. В работах участвовал сотрудник Ошского областного музея Ю. Д. Баруздин, оказавший большую помощь, за что и приносим ему благодарность. Во многом содействовала успешному выполнению плана хорошая работа студентов Института им. И. Е. Репина — А. С. Рабуха, Г. Г. Кравцова, Н. Г. Анипенко, Т. К. Кустодиевой, Института им. В. И. Мухиной — В. В. Козлова и Ф. Т. Прибыщенко, а также Восточного факультета Ленинградского университета — Б. А. Бородина, В. С. Кузнецова, Е. А. Кычанова. Чертежи и рисунки к отчету выполнены В. В. Козловым и И. М. Павлюченко. Фотографии вещей исполнены М. Г. Агаронян.

ДАЛЬВЕРЗИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Первое в Ферганской долине — Чустское поселение эпохи бронзы со своеобразной расписной керамикой было открыто в 1950 г. В последующие годы в результате раскопок М. Э. Воронца (1951)¹⁵ и, особенно, В. И. Спришевского (1953—1954)¹⁶ были добыты ценные материалы, характеризующие хозяйство, культуру и быт населения Чустского поселения. Оно является одним из наиболее ранних среди известных в настоящее время оседлых поселений в Фергане.

Для расширения наших знаний о культуре бронзового века в Ферганской долине значительный интерес представляет обнаружение еще одного поселения этого периода.

Это — Дальверзинское поселение, расположенное в восточной части Ферганской долины, в 150 км по прямой к востоку от Чуста. Оно было открыто нами в 1952 г. во время археологической разведки в Андижанской области. На поверхности поселения собрано большое количество керамики, которая поступила в Андижанский краеведческий музей. Среди найденной керамики встретился один фрагмент с расписным орнаментом в виде решетки, нанесенной черной краской по коричневому фону. Сравнение находок из Дальверзина с керамикой Чуста позволило уже тогда говорить о сходстве обоих памятников и предположительно отнести открытое поселение к эпохе бронзы (II тысячелетие до н. э.)¹⁷. М. Э. Воронец после ознакомления с нашими находками поддержал эту датировку¹⁸.

Повторное обследование поселения в 1954 г. подтвердило сходство этого памятника с Чустом¹⁹.

Поселение находится на левом берегу р. Кара-Дарьи в 2 км восточнее с. Аим и на расстоянии более 5 км от русла Кара-Дарьи. Оно занимает всю площадку низкого холма (размером 560 × 360 м), который возвышается среди низины на западной окраине больших болот. В прошлом этот холм, вероятно, находился посреди болот и представлял собой галечный останец или намытый островок в древней пойме р. Кара-Дарьи. Край древней береговой террасы в этом месте четко не выражен и начинается примерно на 300 м южнее, за дорогой. В результате осушения этой местности за последние годы площадь болот сильно уменьшилась. Большие болота сохранились только к востоку от поселения. Из болот выведен большой мелиоративный канал, который проходит с восточной и южной сторон холма поселения. Высота площадки над окружающей местностью немно-

¹⁵ М. Э. Воронец. Археологическая рекогносцировка 1950 года по Наманганской области. «Изв. АН Узбекской ССР», 1951, № 5, стр. 95; е го ж е. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук Узбекской ССР на территории Ферганы в 1950—1951 годах. «Тр. Музея истории Узбекской ССР», т. II, 1954.

¹⁶ В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. (Раскопки 1953 года). «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 69—76; е го ж е. Чустское поселение эпохи бронзы. (Из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 40—49.

¹⁷ Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат канд. диссертации. Л., 1954, стр. 7.

¹⁸ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии..., стр. 56.

¹⁹ Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 50—57; В. А. Шишкин. Археология и этнография Средней Азии на Московском совещании в апреле 1955 г. «Изв. АН Узбекской ССР», т. 8, 1955, стр. 100; Сессии, посвященные итогам экспедиционных работ 1954 г. «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 156. История Узбекской ССР, т. I, 1955, стр. 30.

гим более 5 м. Поселение неправильной формы и не имеет четкого контура. Оно вытянуто в широтном направлении. По условиям расположения Дальверзинское поселение сходно с Чустским. Площадь его равняется приблизительно 20 га (410 × 210 м.) т. е. гораздо больше, чем Чустского поселения. В настоящее время значительная часть поселения занята фруктовым садом, посевами, а также кладбищем. Площадку в разных направлениях прорезает несколько арыков.

В 1954 г. был снят план поселения, заложено два небольших шурфа в его юго-западной, несколько более повышенной части и собран подъемный материал. Керамика на поверхности холма разбросана повсеместно, но особенно много ее встречается в выбросах земли на кладбище, в центральной части поселения. В разных частях поселения подобрано несколько плоских небольших зернотерок.

Первый шурф (размером 3 × 2,30 м) заложен на краю площадки в юго-западной части поселения. Культурный слой здесь начался с глубины 20—40 см. Он содержал керамику, мелкие обломки костей и угольки. В северной части шурфа на глубине 1,3 м найдено на участке в 60 см несколько обломков круглодонного кухонного горшка, обломок дна другого подобного же сосуда с отпечатком ткани на внутренней поверхности. Вместе с кухонной керамикой встречались также обломки нерасписной посуды, покрытой красной облицовкой. Ниже уровня залегания горшка начался слой плотного лёссовидного суглинка без культурных остатков. В северо-западном углу шурфа вскрыта часть хозяйственной ямы, в которой на глубине 2—2,05 м найдены четыре фрагмента расписной керамики. Под ними на глубине 2,10 м появился галечный слой.

Второй шурф (1,5 × 1 м) был заложен в 100 м к востоку от первого, на обрыве, где расположено кладбище. Шурф не доведен до материка. В верхних слоях его обнаружено несколько больших обломков керамики и венчик хума с зашипами по краю явно более позднего времени. На глубине около 1 м найдена нерасписная керамика и один обломок с росписью.

Вся собранная на поселении керамика относится к двум типам. Керамика первого типа — посуда, покрытая красной облицовкой, подразделяется на две группы: расписную и грубую нерасписную. Керамика второго типа — сероглиняная посуда с дресвой (кухонная).

Вся керамика Дальверзинского поселения — ручной лепки. Сосуды первого типа изготовлены из плохо промешанной массы, излом черепка неровный. Для отощения глины примешивали песок и слюду. Шамот добавляли только при лепке сосудов больших размеров. Посуда изготовлялась ленточным способом. Это особенно хорошо заметно на одном фрагменте, у которого отпала часть такой ленты — полоска глины шириной в 3 см. Обжиг сосудов был недостаточно сильным, поэтому в изломе черепок серого цвета. Характер обжига говорит о примитивности обжигательных печей. Посуда этого типа покрывалась красной облицовкой и иногда подвергалась лощению. Только после этого сосуды расписывались черной краской. Очень часто сквозь черный узор проглядывает красная облицовка. При обжиге на поверхности сосуда появлялись пятна различных оттенков, начиная от светло-коричневых до черноватых, что составляет характерную особенность ферганской керамики бронзового века.

Основная масса керамики Дальверзина представлена фрагментами нерасписной посуды первого типа. В собранной коллекции, насчитывающей больше сотни черепков, оказалось только семь фрагментов с росписью (рис. 2). Примерно такое же соотношение количества расписной

и нерасписной керамики отмечено и в Чустском поселении. По фактуре черепка и массе эта посуда мало отличается от расписной. Обе поверхности ее покрыты облицовкой желтоватого, оранжево-красного и буро-красного оттенков с темными и коричневыми пятнами обжига (рис. 3).

Восстановлены следующие формы сосудов.

1. Чаши большого диаметра (44—46 см) с изгибом вертикального бортика при переходе от корпуса (рис. 4, 1). Верхний край чаши неровный. Бортик расписан двумя рядами треугольников, которые соединены так, что

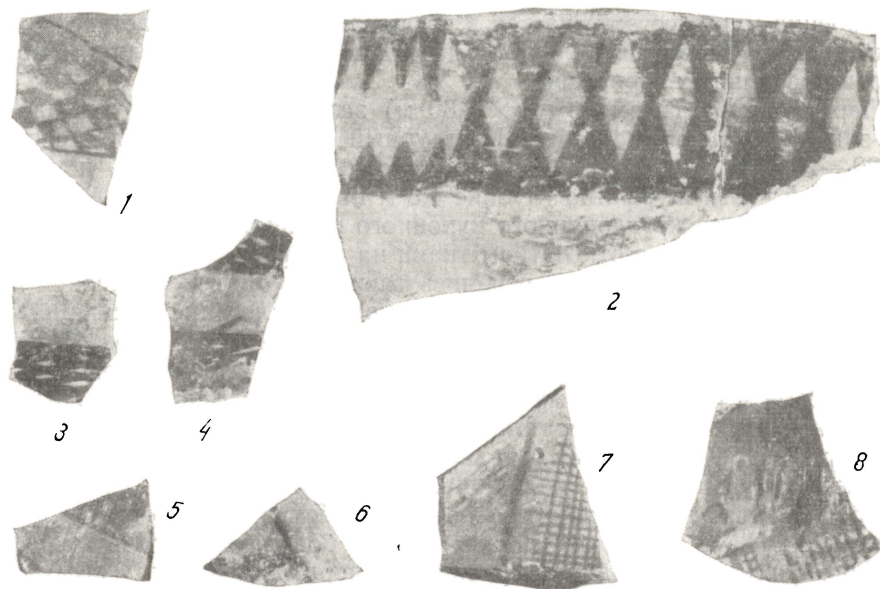


Рис. 2. Расписная керамика из Дальверзинского поселения: Находки 1952 г. (8) и 1954 г. (1—7)

образуют ромбовидные просветы. В левой части вершины треугольников свободно свисают и не соединены друг с другом. Эти чаши по форме аналогичны чашам Чуста, имеющим меньший диаметр (29 см)²⁰. Сходной формы чаши найдены в Намазга-тепе²¹.

2. Корчага с плавно отогнутым наружу и неровно срезанным по верху краем. По характеру излома можно заключить, что закраина изготовлялась отдельно и затем налеплялась на корпус сосуда. Диаметр корчаги 46 см (рис. 4, 12).

3. Сосуды, стенки которых расширяются кверху в виде раструба (диаметр 24 см). По форме (рис. 5, 1, 3, 5) они напоминают сосуды из Чуста и Намазга-тепе.

4. Сосуды шаровидной формы с невысоким, отогнутым наружу венчиком разной профилировки (рис. 4, 10, 11). Близкие по форме сосуды имеются в Чусте²².

²⁰ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 2—17.

²¹ Б. А. Литвинский. Намазга-тепе. По данным раскопок 1949—1950 гг. «Сов. этнография», 1952, № 4, рис. 5, 8.

²² В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 2, 14, 18.

5. Небольшие кувшинчики с отогнутым венчиком и с перегибом стенок (рис. 6, 6—21). Подобную форму имели также некоторые сосуды больших размеров (рис. 4, 10—14).

6. Небольшие плоскодонные кубки, диаметр дна одного из них 6 см (рис. 5, 3).

7. Плоскодонные горшки с диаметром дна 15—17 см (рис. 5, 4, 5).

Несмотря на малочисленность находок расписной керамики на Дальверзинском и Чустском поселениях, такая керамика составляет наиболее

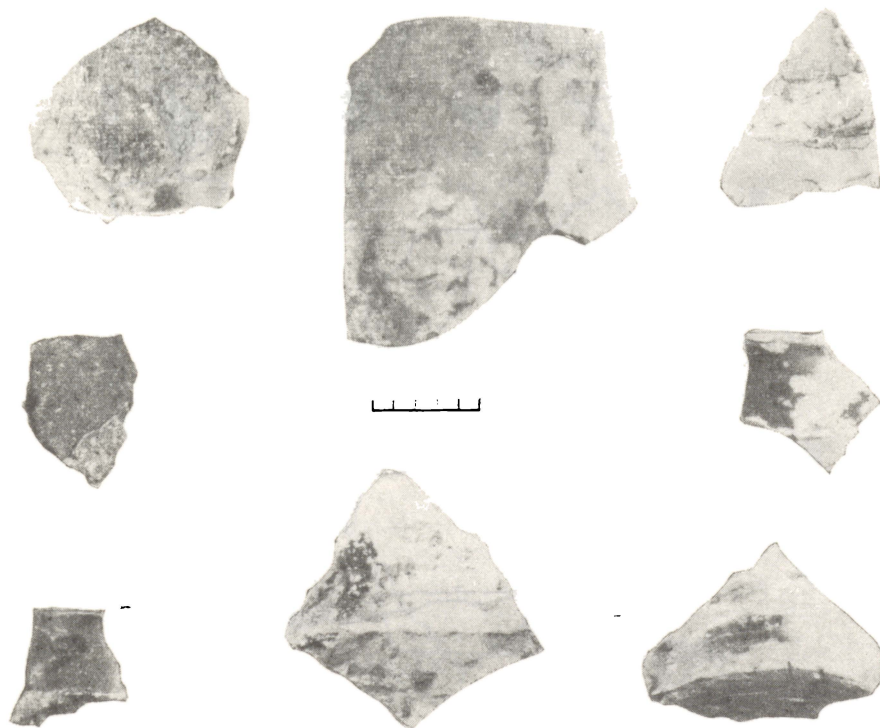


Рис. 3. Керамика с красной облицовкой. Дальверзинское поселение

характерную особенность культуры Ферганы бронзового века. Расписной орнамент встречается на толстостенных (8—11 мм) сосудах больших размеров и на тонкостенных (5 мм) чашах. Последние изготовлены более тщательно: их поверхность хорошо заглажена и залощена, орнаментация более аккуратная.

Керамика второго типа — кухонная — также изготовлена ленточным способом с применением матерчатого шаблона. Тесто с большой примесью песка. Поверхность ее серая. Эта посуда представлена следующими формами.

1. Круглодонный горшок (рис. 6, 1).
2. Горшок с остатками носика-слива на линии перехода стенок к венчику (рис. 6, 2). Горшки, имеющие носики-сливы, найдены в Чусте.
3. Плоскодонные массивные жаровни с невысоким прямым бортиком (рис. 6, 5).

На одном фрагменте кухонного горшка заметны отпечатки ткани.

Изготовление посуды на матерчатом шаблоне характерно и для керамики Чуста. Прием этот был широко распространен в керамическом производстве эпохи бронзы, особенно в области распространения андроновской культуры (Алексеевское поселение, Алакульский могильник, Южное

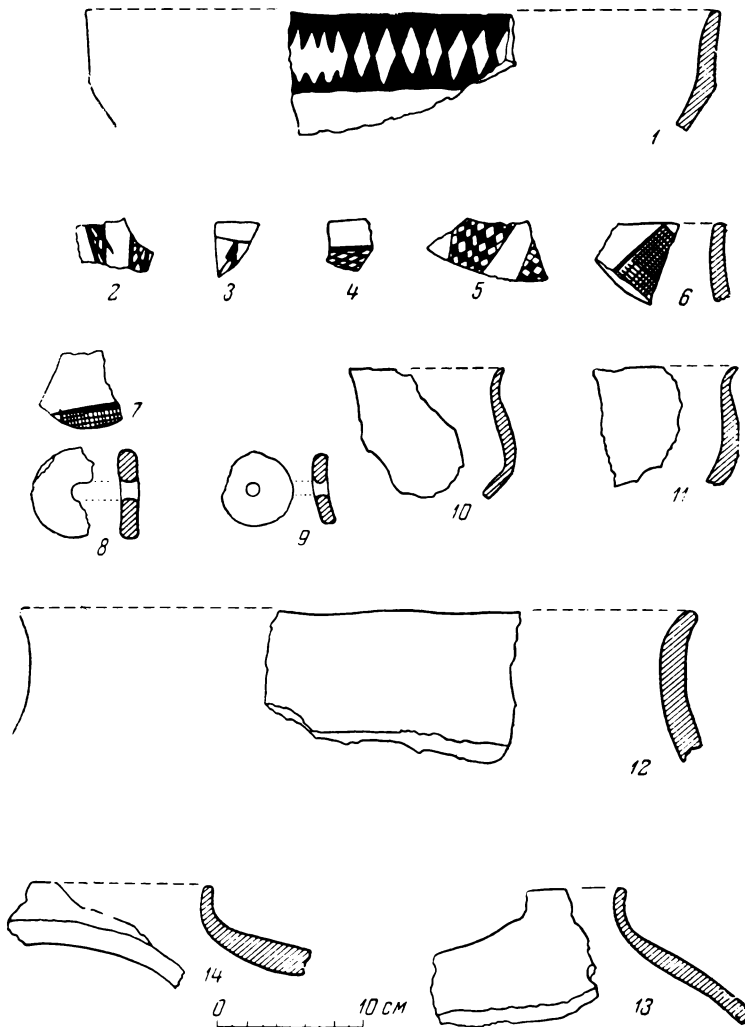


Рис 4. Расписная керамика (1—7), грузики (8, 9) и керамика с красной облицовкой (10—14) из Дальверзинского поселения

Зауралье)²³. Керамика с отпечатками ткани найдена и в Южной Туркмении (Келифский Узбой).²⁴

Глиняная посуда на матерчатом шаблоне встречается в Фергане и на более поздних памятниках. Можно насчитать около 20 пунктов, в кото-

²³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Тр. Гос. исторического музея» (далее — «Тр. ГИМ»), т. XVII, 1948, стр. 143; К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, вып. 24, 1952, стр. 68; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, вып. 21, 1951, стр. 124 и др.

²⁴ С. А. Ершов. Археологическая коллекция с Келифского Узбоя. «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1951, № 3, стр. 89.

рых найдена керамика с отпечатками ткани (в том числе на Эйлатанском городище, относящемся к середине I тысячелетия до н. э.).

В Средней Азии во второй половине I тысячелетия до н. э. этот прием был особенно широко распространен в Семиречье и на Тянь-Шане²⁵,

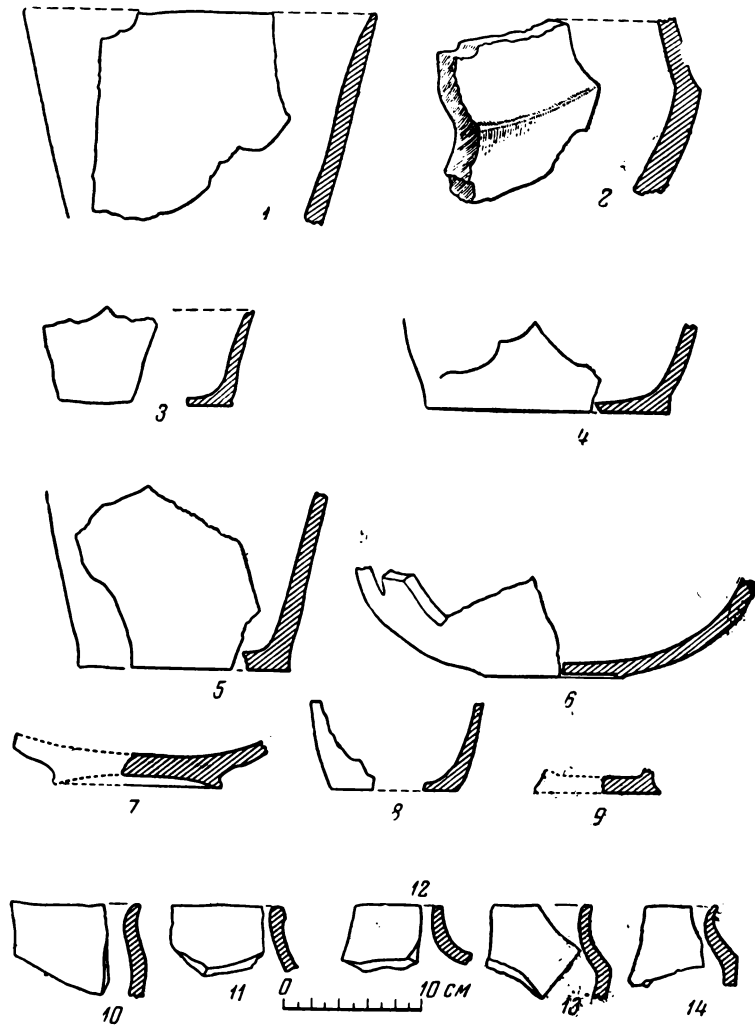


Рис. 5. Керамика с красной облицовкой. Дальверзинское поселение

в Ташкентском оазисе (бургулюкская культура²⁶ и культура Каунчи²⁷), в Согде (Афрасиаб I²⁸, хотя здесь, вероятно, в меньшей степени) и в Фергане. Некоторые исследователи предполагали, что этот технический прием характерен только для усуньской культуры и на основании находок керамики с отпечатками ткани говорили о распространении усуньской культуры, в частности, в Ферганской долине²⁹. Накопление нового материала,

²⁵ МИА, 14, 1950, стр. 63, 108 и др.

²⁶ А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. «Изв. Узбекского филиала АН СССР», 1940, № 9, стр. 33.

²⁷ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа. (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 6.

²⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 155.

²⁹ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. ВДИ, 1949, № 1, стр. 107.

свидетельствующего о применении этого приема в эпоху бронзы и во второй половине I тысячелетия до н. э. в разных областях Средней Азии, позволяет отвергнуть утверждение о принадлежности его исключительно культуре усуней.

При сравнении керамики Дальверзина с посудой Чустского поселения обнаруживается сходство и даже тождество приемов изготовления посуды

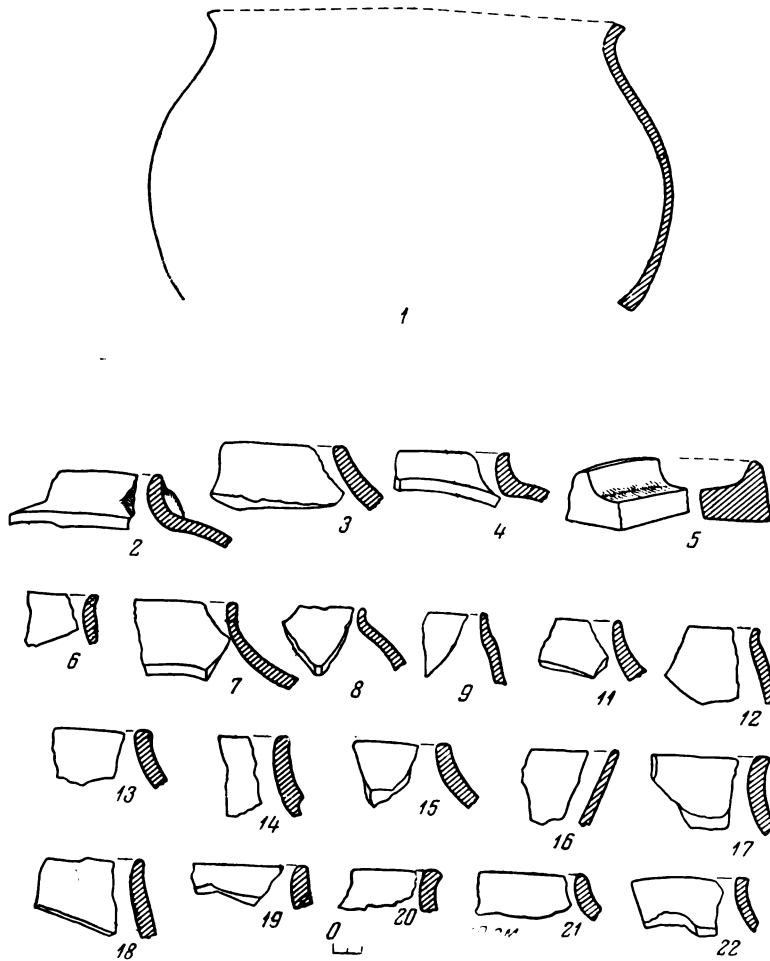


Рис. 6. Сероглиняная (кухонная) посуда (1—5) и керамика с красной облицовкой (6—21)

(ленточным способом, а некоторых видов — на матерчатом шаблоне). Сходны также состав массы и покрытие, приемы и характер орнамента. По цвету и элементам орнамента они почти тождественны. Так, например, орнамент на сосуде из Чуста идентичен орнаменту керамики из Дальверзина³⁰. Близки также и формы сосудов: шарообразные кувшины, чаши с перегибом бортика, сосуды с раструбом, кружки. Однако при общем сходстве керамики имеются и некоторые различия. Так, в Дальверзине отсутствуют чаши с вогнутой закраиной, а в чустской керамике нет

³⁰ В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., рис. 6, внизу.

кольцевых поддонов, известных в Дальверзине. В обоих поселениях встречены прясла-грузики, изготовленные из обломков посуды (рис. 4, 8, 9).

На основании сходства керамики можно говорить об одновременности существования Чуста и Дальверзина и о принадлежности их одной культуре, что позволяет определить время существования Дальверзинского поселения по аналогии с лучше изученным Чустом. Последнее М. Э. Воронец относит к III—II тысячелетию до н. э.³¹ В. И. Спришевский³² не указывает точной даты Чустского поселения, но находит сходство между материалами из Чуста и керамикой из Анау II, что не противоречит мнению М. Э. Воронца.

О расписной керамике Чуста В. И. Спришевский пишет: «Эта посуда по технике выделки, формам (преимущественно чаши) и принципам орнамента чрезвычайно напоминает посуду из слоя Анау II (северный холм)»³³.

В действительности же керамика Чуста не похожа на посуду Анау II. Для Анау II и синхронного ему слоя Намазга II, как показали последние работы Б. А. Куфтина³⁴ и В. М. Массона³⁵, типична полихромная роспись коврового характера. Ничего подобного в керамике из Чуста и Дальверзина не встречается. По формально-типологическим признакам (цветности, типичным элементам орнамента — решетка, заштрихованный треугольник) керамику Чуста следовало бы сопоставить с посудой из Анау I. Однако такому сопоставлению противоречит весь комплекс находок бронзовых предметов (нож, шило, наконечник стрелы), зернотерки (рис. 7), костяные орудия. Все они имеют близкие аналогии в андроновской культуре (рубеж II и I тысячелетий до н. э.). Сравнение лавролистного черешкового наконечника стрелы из Чуста с найденным в Анау не уточняет даты, поскольку самим исследователям Анау неясно было, к какому слою отнести бронзовый наконечник стрелы — к Анау III или Анау IV³⁶. В то же время сходные наконечники стрел, найденные в некрополе В Сялках, датируются XI—VIII вв. до н. э.³⁷ Этим временем, по-видимому, следует датировать и наконечник стрелы из Анау. Для формы каменного навершия булавы из Чуста имеются более близкие, чем в Анау II, аналогии в памятниках эпохи бронзы Восточной Европы II тысячелетия до н. э.³⁸ и в Казахстане (Алексеевское поселение X—VIII вв. до н. э.)³⁹.

³¹ М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии..., стр. 57.

³² В. И. Спришевский. Чустская стоянка..., стр. 72.

³³ В. И. Спришевский. Чустская стоянка... стр. 71. Выступая на пленуме Института истории материальной культуры в 1955 г., В. И. Спришевский изменил датировку, отнеся Чуст к концу II — началу I тысячелетия до н. э.; так же оно датировано в «Истории Узбекской ССР», т. I, 1955, стр. 32.

³⁴ Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». «Изв. АН Туркменской ССР», 1954, №1, стр. 26—28; R. Pumphelly. Explorations in Turkestan, vol. I. Washington, 1908.

³⁵ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. «Тр. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (далее — ЮТАКЭ), т. 7, 1956, стр. 291 и сл.

³⁶ R. Pumphelly. Указ. соч., p. 154—156, fig. 281, pl. 38, 6.

³⁷ R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, près de Kashan 1933, 1934, 1937. Vol. I, Paris, 1939, p. 94, pl. XCII, 19—20.

³⁸ Т. Г. Оболдуева опубликовала аналогичное навершие, найденное на Большом Ферганском канале, и справедливо сопоставила его с находками в Южной России (см. Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. «Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР», т. IV, 1951, табл. VIII, 5 и стр. 23).

³⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник.

Из всего этого следует, что датировка М. Э. Воронца явно заглублена и можно говорить лишь о конце II — начале I тысячелетия до н. э., как наиболее вероятной дате Чустского, а следовательно, и Дальверзинского поселений.

Расписная керамика, сходная с чустской, была обнаружена и в других пунктах Ферганы. Такая керамика найдена в Узгенском оазисе, на городище Дунбулак и на одном тепе в оазисе у селения рек Кара-Кульджа

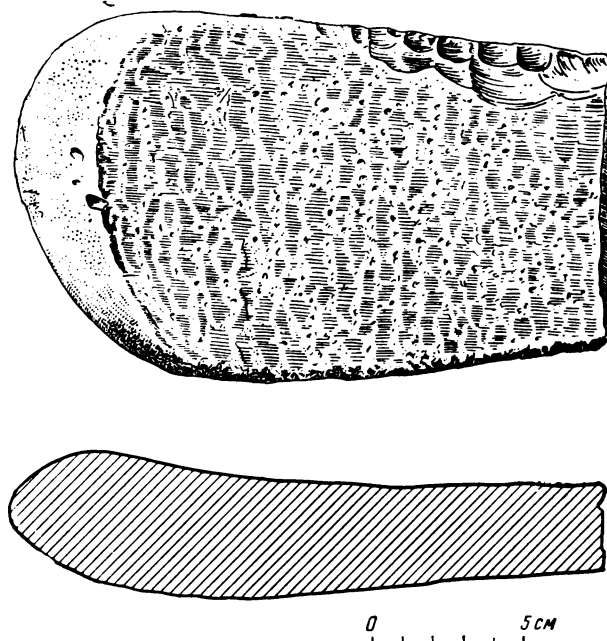


Рис. 7. Зернотерка. Дальверзинское поселение

и Тар. Расписной фрагмент найден во вторичном залегании на центральном городище в Узгене. Фрагменты керамики покрыты красной облицовкой и имеют характерные темно-коричневые пятна от обжига. Фрагмент, происходящий из Узгена, представляет собой заготовку, по-видимому, пряслица. Снаружи он расписан черной краской в виде узкой полосы, заштрихованной наподобие решетки и оконтуренной по краям двумя параллельными линиями. Эти находки дополняют перечень ранее известных пунктов в Фергане с расписной керамикой бронзового века. К ним относятся Гурмирон⁴⁰, Чакан⁴¹ и, возможно, Чаткал⁴².

Открытие второго поселения и отдельные находки керамики, сходной с чустской, позволяют утверждать, что в Ферганской долине была широко распространена культура бронзового века чустского типа.

С каждым годом все более четко намечается новый очаг культуры бронзового века в Средней Азии, открытый в Фергане. В настоящее время он представлен следующими памятниками: поселениями в Чусте и Дальверзи-

⁴⁰ Находка опубликована в ст. А. Н. Бернштама «В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня». В сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана». М., 1954.

⁴¹ Т. Г. Оболдуева. Указ. соч., табл. XI.

⁴² А. Кибиров. Указ. соч., рис. 18—19.

не и находками расписной керамики в указанных пяти пунктах; стоянками в Кайрак-Кумах⁴³ и курганами того же времени с керамикой андроново-тазабагьябского типа в районе Вуадила и Карамкуля⁴⁴ и сходной керамикой на горе Сулейман-Тау в Оше⁴⁵; наскальными изображениями Лимбура⁴⁶ и древнейшей частью наскальных изображений Саймалы-Таша⁴⁷, а также отдельными кладами и находками бронзовых предметов в 10 пунктах Ферганской долины и Южной Киргизии (возле Уч-кургана, Ринджи-тама, Хак, Успенówki и др.).

Характерной особенностью культуры бронзового века в Фергане является сосуществование на территории долины памятников, которые тяготеют к культуре типа Анау, с памятниками андроновского облика, сходными с культурами степной бронзы.

Можно говорить о значительно большем и более раннем развитии земледелия в Фергане по сравнению с соседними областями — Ташкентским оазисом, Семиречьем и Тянь-Шанем. Из этих областей только в Фергане обнаружена культура расписной керамики. Фергана является наиболее отдаленным очагом культур расписной керамики эпохи бронзы, основная территория распространения которых находится далеко на юго-западе: в Южной Туркмении и в Иране. Существовали ли связи между Ферганским очагом и центром распространения этих культур и какие формы они имели — остается неясным.

Рассмотрение всех известных в настоящее время материалов свидетельствует о сложном облике культуры бронзового века в Фергане и Южной Киргизии, изучение которой только начинается.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕГО ПЕРИОДА — ГОРОДИЩА У СЕЛЕНИЙ ШУРАБАШАТ И ДУНБУЛАК

Городище Шурабашат

Городище у сел. Шурабашат расположено на правом берегу р. Яссы, на расстоянии 10 км по прямой на северо-запад от Узгена (рис. 8—10). Оно находится в пойме и частично на склонах гор, близко подходящих в этом месте к реке (см. рис. 8). Развалины как бы прижались к горной гряде водораздела Яссы-Чанкентская. Долина Яссы напротив городища сильно сужается и дальше проходит в узком ущелье. Городище занимает площадь более 70 га (примерно 1400×500 м.) В нем ясно выделяются, как это видно на плане (рис. 10), три части, или городища, вытянутые с запада на восток и окруженные единой крепостной стеной с трех сторон (запада, севера и частично востока). Стены сохранились в виде широких земляных валов, высотой 6 м, с остатками многочисленных башен. Длина вала достигает 3 км. Укреплений со стороны поймы не обнаружено. Здесь расположены современные постройки селения. У юго-восточного угла городища находится четырехугольный турткуль.

⁴³ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. (Краткий очерк). Сталинабад, 1954, стр. 35, 45.

⁴⁴ Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине, КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 85—93; они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. «Сов. археология», 1957, стр. 130—135.

⁴⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 186.

⁴⁶ М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии. «Тр. Киргизского гос. педагогического ин-та, серия историч.», вып. 2, 1950.

⁴⁷ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. «Сов. этнография», 1952, № 2.



Рис. 8. Городище Шурабашат. Вид с юго-запада



Рис. 9. Городище Шурабашат. Цитадель

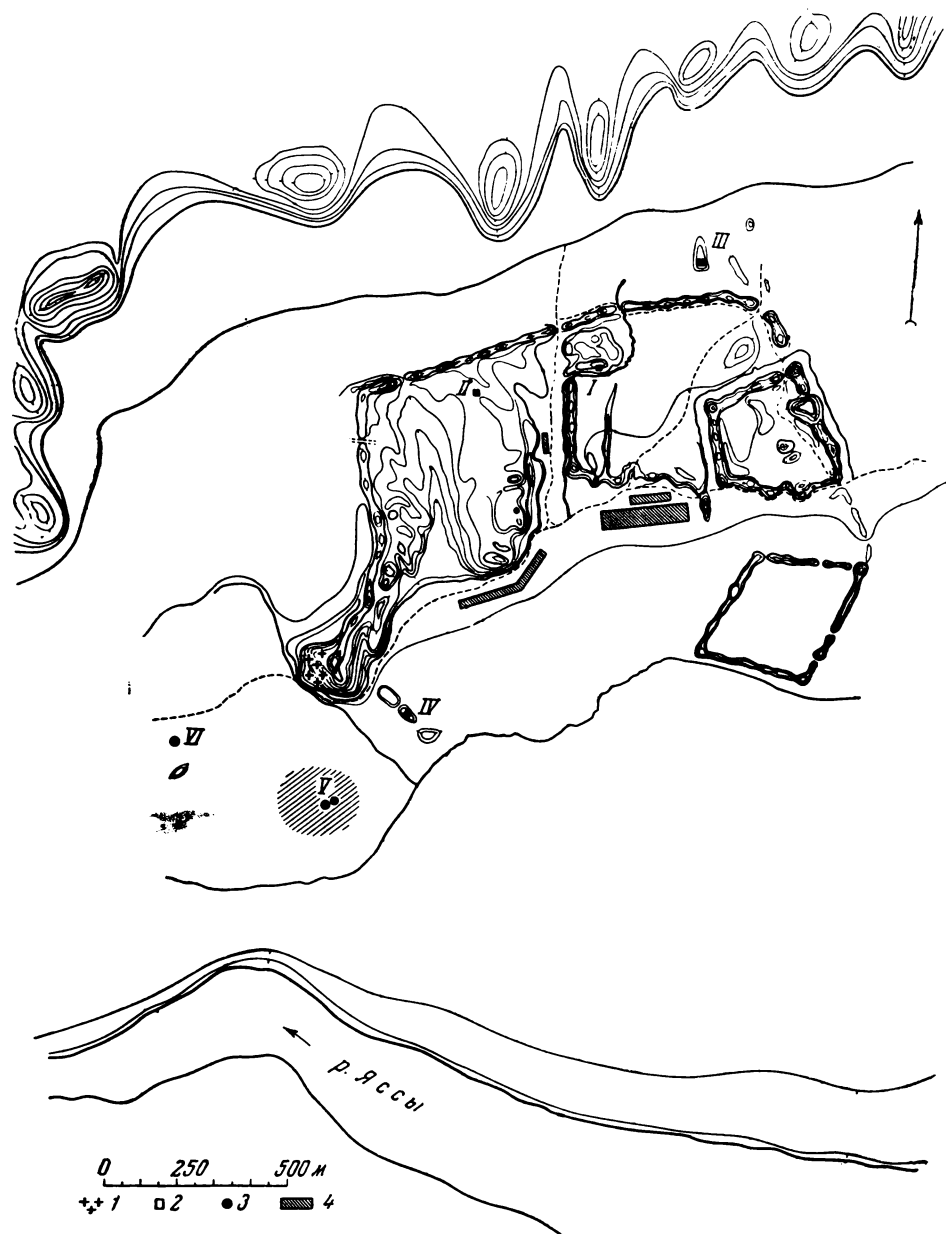


Рис. 10. Городище Шурабашат. План:

1 — современное кладбище; 2 — раскопы и шурфы; 3 — ачистка хумов; 4 — современные постройки

Прекрасно сохранилось восточное городище, имеющее четкий контур стен и башен. У северо-восточной стены находится высокая цитадель со срезанной вершиной и крутыми задернованными склонами (рис. 9).

В плане (рис. 10) городище имеет неправильную трапециевидную форму, размером 300×280 м. На поверхности его имеется несколько холмов-тепе, разделенных впадинами, заполненными водой. На западе городище отделено глубоким рвом от соседнего городища. Последнее окружено с севера общим валом. На западной его стороне сохранилась часть вала

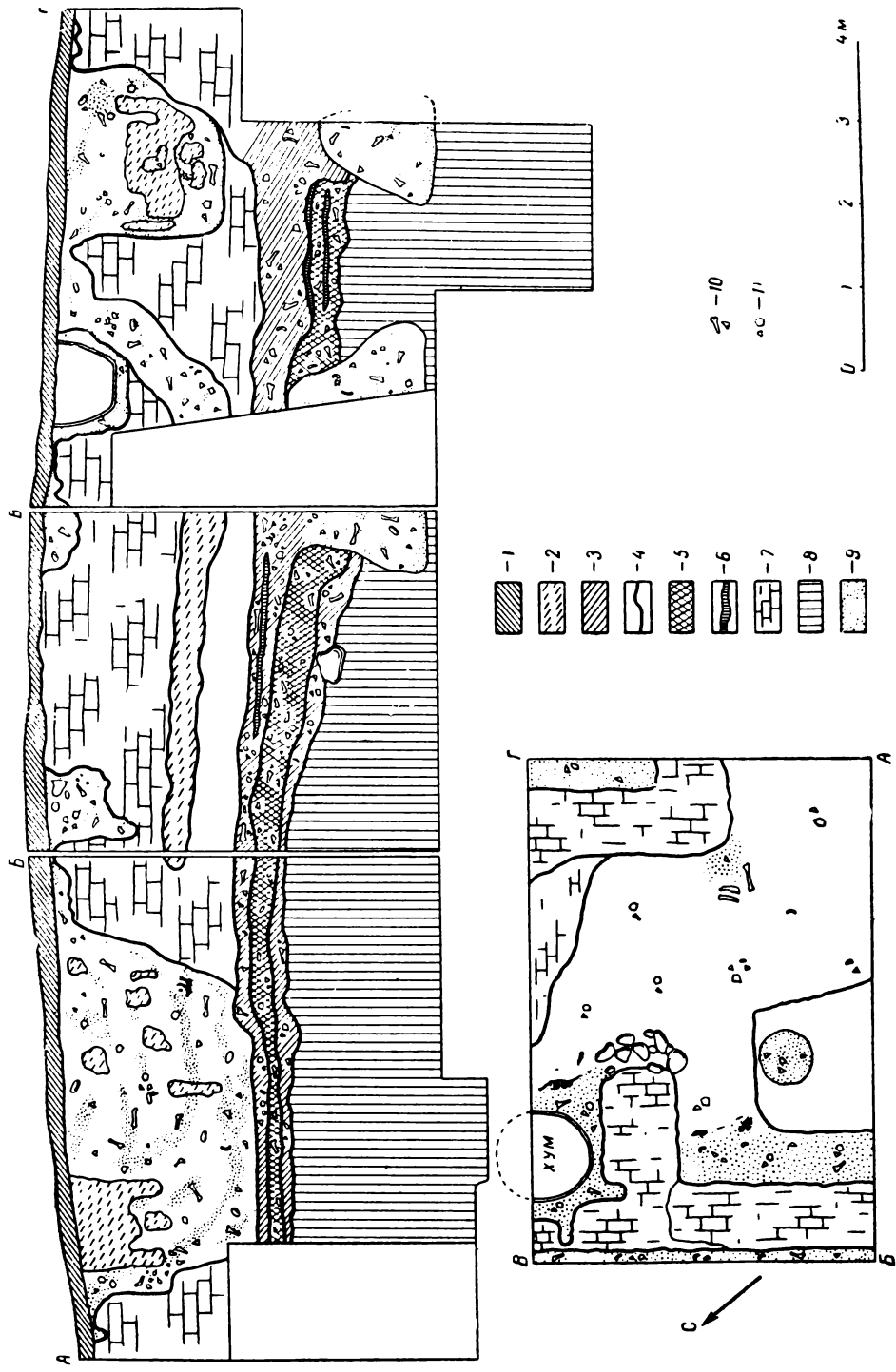


Рис. 11. План и развертка стен раскопа I на городище Шурабашат

1 — дерновый слой; 2 — рыхлый лёсс; 3 — культурный слой; 4 — граница культурного слоя; 5 — 6 — золичный слой; 7 — сыровая глина; 8 — материковый лёсс; 9 — мушкетный слой; 10 — кости; 11 — керамика

с пятью башнями. С востока следов стен не обнаружено. С южной стороны границей городища является естественная линия второй береговой террасы. Западный вал среднего городища не доходит до северной стены. Между ним и северной стеной находится пологое тепе неправильной формы, на котором производились основные работы (рис. 10, раскоп I).

Юго-восточнее этого тепе имеется глубокая промоина, на дне которой также найдена расписная керамика.



Рис. 12. Котел. Городище Шурабашат

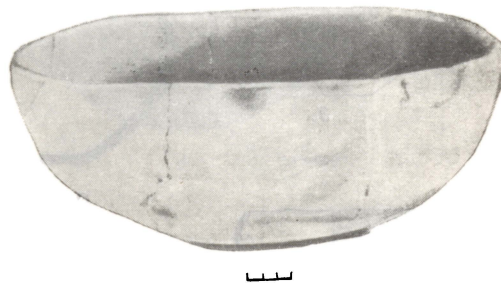


Рис. 13. Миска. Городище Шурабашат

Крайнее западное городище распахано и не имеет следов застройки. Здесь был заложен небольшой шурф (рис. 10, II), в котором найдено всего несколько невыразительных обломков керамики. Юго-западнее городища ранее было несколько тепе, которые весной 1954 г. срыли при землеустроительных работах. На обширном участке (рис. 10, V), зарегистрировано более десяти углублений с врытыми в них хумами. Горловины хумов прикрыты каменными плитами. На этом участке разбросано несколько десятков таких плоских камней, размером $50 \times 35 \times 8$ см. Один хум расчищен полностью и взят по частям (см. далее рис. 24, а). Другой хум расчистить полностью не удалось из-за его больших размеров. На месте этих тепе собрано более 500 фрагментов керамики, преимущественно венчиков, горловин с ручками и обломков с расписным орнаментом. Вся эта керамика сходна с находками в раскопе на городище (рис. 14—28).

Восточнее этого участка на одном из двух невысоких тепе были начаты работы на небольшом шурфе (рис. 10, IV), которые не были продолжены, так как в нем не оказалось находок. Юго-западнее городища, в пункте VI (рис. 10), был обнаружен и расчищен еще один хум. Подъемный материал был собран также в юго-западной части городища на поверхности кладбища, где найден обломок вьючной фляги (рис. 14, 9) и почти целый глиняный котел с двумя ручками в виде подковки (рис. 12; 14, 1).

За северной стеной городища в пункте III, по указанию местных жителей, была выкопана большая миска с горизонтальными налепными ручками (рис. 13; 14, 2). Северо-восточнее городища разбросана группа тепе, на которых также была собрана керамика, сходная с находками в самом городище⁴⁸.

⁴⁸ Сведениями об этом памятнике мы обязаны председателю Узгенского райисполкома Д. Атабаеву, которому за оказанное содействие в работах отряда приносим благодарность.

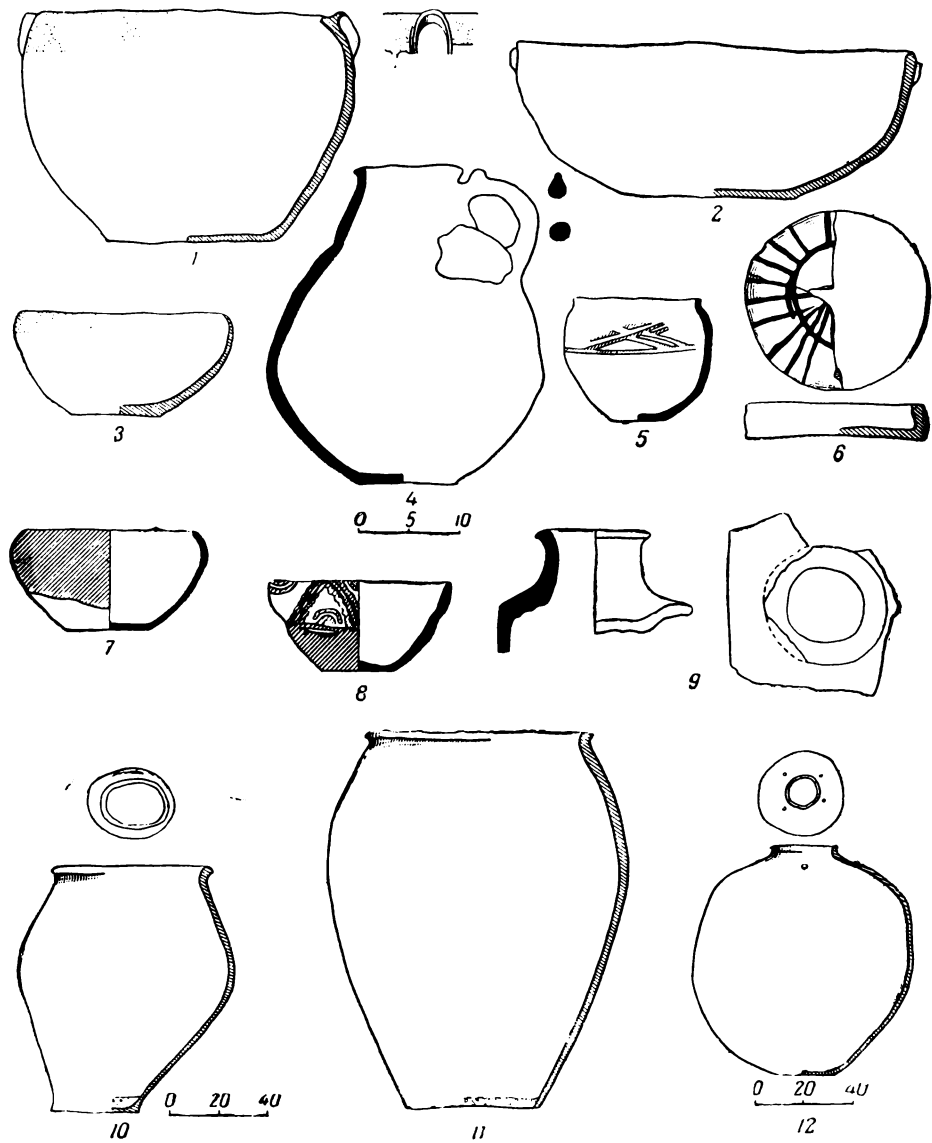


Рис. 14. Керамика Шурабашата:

1 — котел; 2 — миска; 3, 7 — крашенные чаши; 4 — кувшин; 5 — расписной горшок; 6 — жаровня с росписью; 8 — чаша с росписью; 9 — вьючная фляга; 10—12 — хумы

Раскоп I, размером 6×4 м, находится на южном склоне пологого холма в северо-западном углу среднего городища. Здесь сразу же под дерновым слоем, на глубине 30—50 см, были обнаружены остатки стен постройки, нижняя часть разбитого хума и большое количество расписной керамики. У западной стенки расчищено очажное пятно и расположенное поблизости от него скопление камней. В северном углу найден хум, диаметром

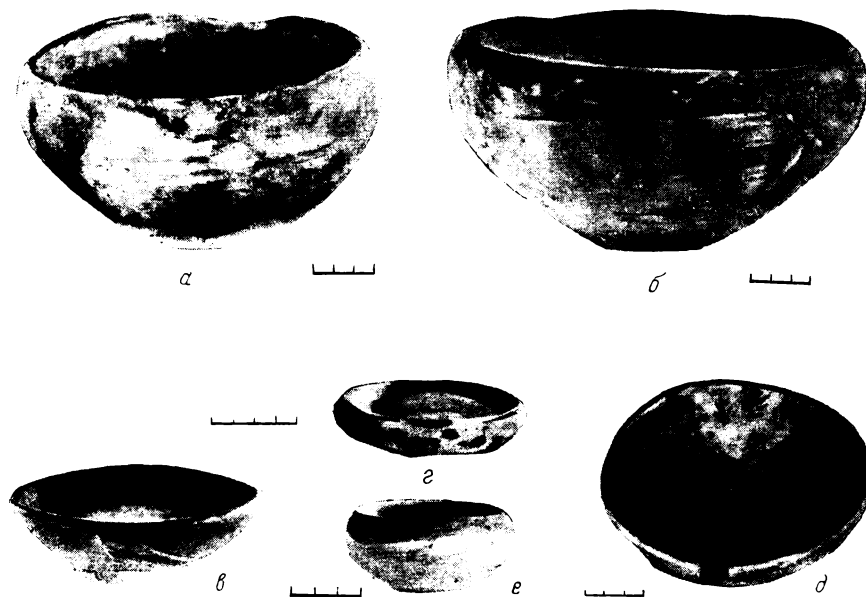


Рис. 15. Основные формы расписной и крашеной керамики Шурабашата:
а, б, е — крашенные чаши; в—д — чаши и плошки с росписью

1 м, дно которого находилось на глубине 1 м от поверхности. Затем были сняты остатки стен, доходивших до глубины 2,2—2,4 м. На этой глубине оказалось несколько крупных валунов. Под одним из них лежал большой обломок горловины кувшина, стоявшего, вероятно, на полу (глубина 2,5 м). Раскоп, очевидно, вскрыл часть постройки. В обресе четко видны проходившие в направлении с запада на восток стены, пространство между которыми заполнено культурными остатками (см. рис. 11). Эта часть культурных наслоений до основания стен составляет верхний культурный слой.

С глубины 2 м у юго-восточной стенки раскопа была оставлена приступка шириной в 1,5 м для переброски земли. В нижнем слое, который начинается с отметки 2,2—2,4 м, не обнаружено стен и следов кладки. Этот слой состоит из трех прослоек толщиной 1—1,2 м, на которых непосредственно и было возведено здание, открытое в верхнем слое. К нижнему слою относятся две ямы у восточной стены раскопа. Одна из них диаметром 1,8 м, другая несколько меньшего размера. Дно их находилось на глубине 4,65 м, т. е. почти на уровне современной дневной поверхности. На всей остальной площади культурные остатки исчезли на отметке 3—3,2 м. Для проверки раскоп был углублен в восточном углу до 6,6 м, но никаких культурных отложений в нем больше не обнаружилось.

Площадь раскопа в результате оставления приступки для перекидки земли сократилась до 16 м².

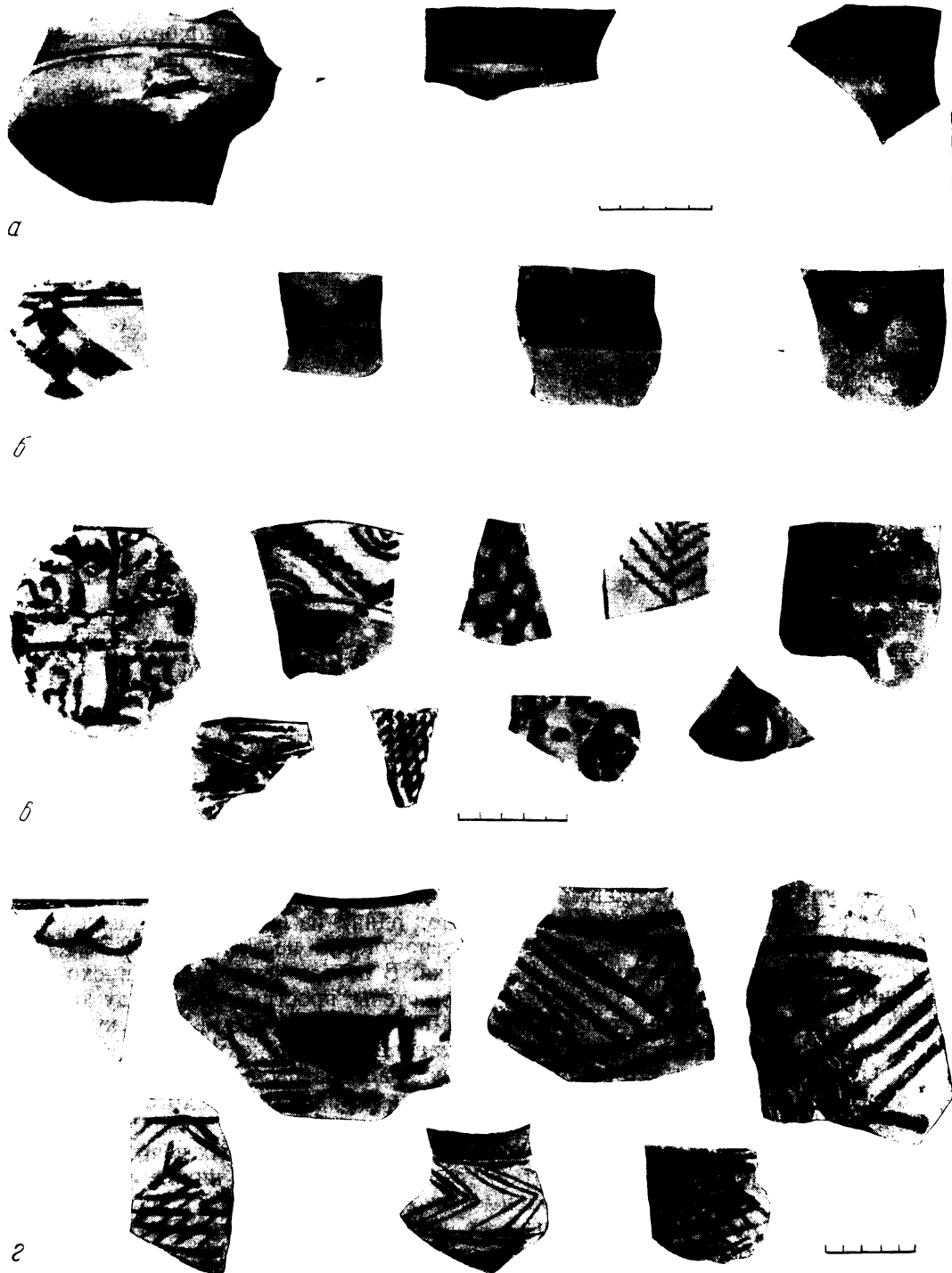


Рис. 16. Основные типы керамики Шурабашата:
 а — с красным ангобом; б, в, г — расписная

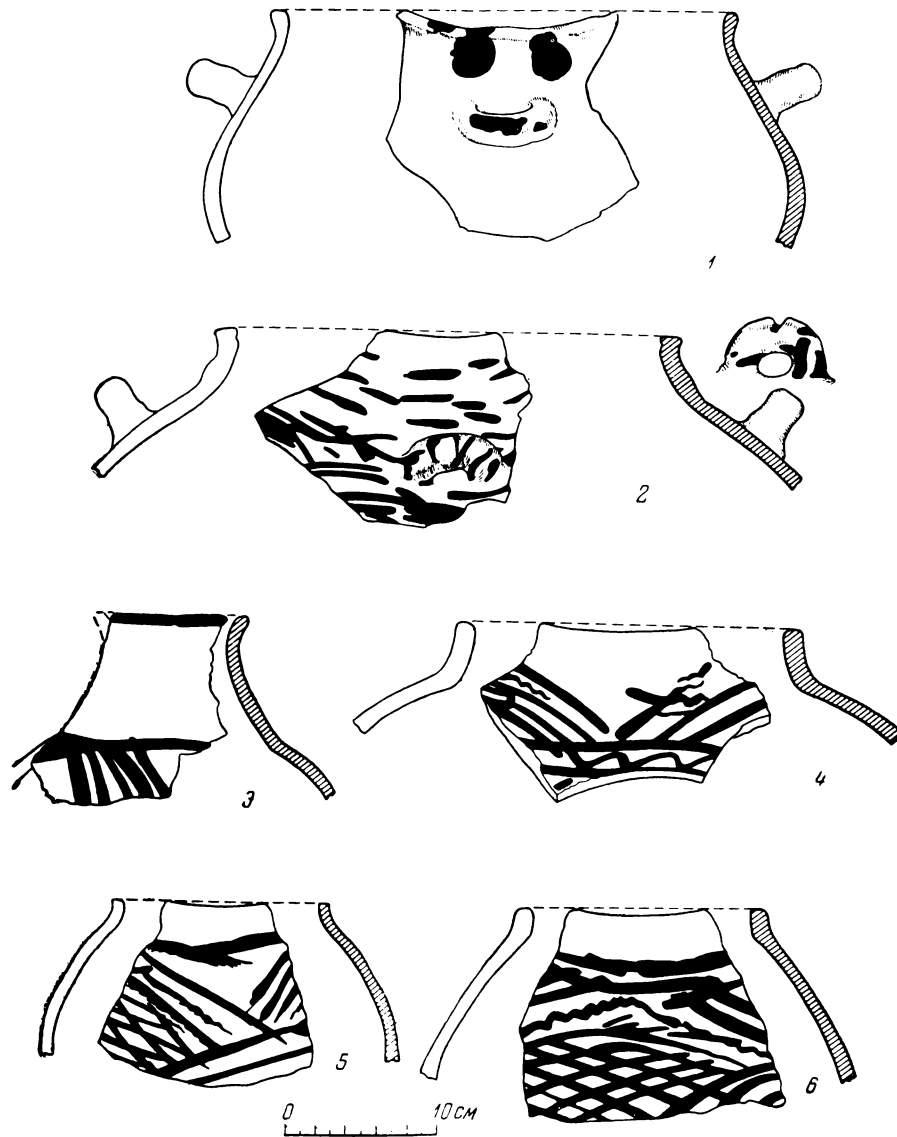


Рис. 17. Расписные горшки и кувшины. Шурабашат

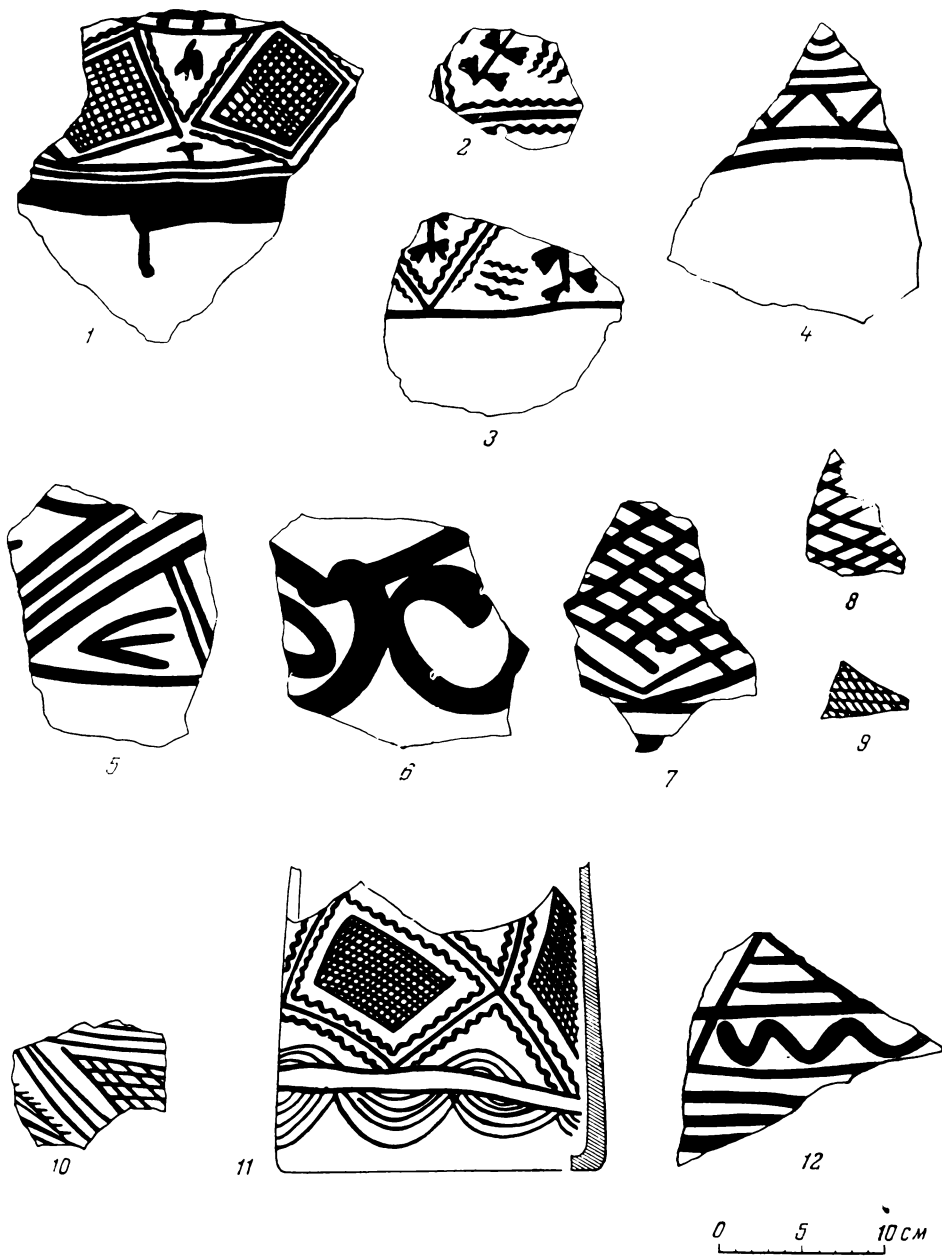


Рис. 18. Расписной орнамент на крупных сосудах Шурабашат

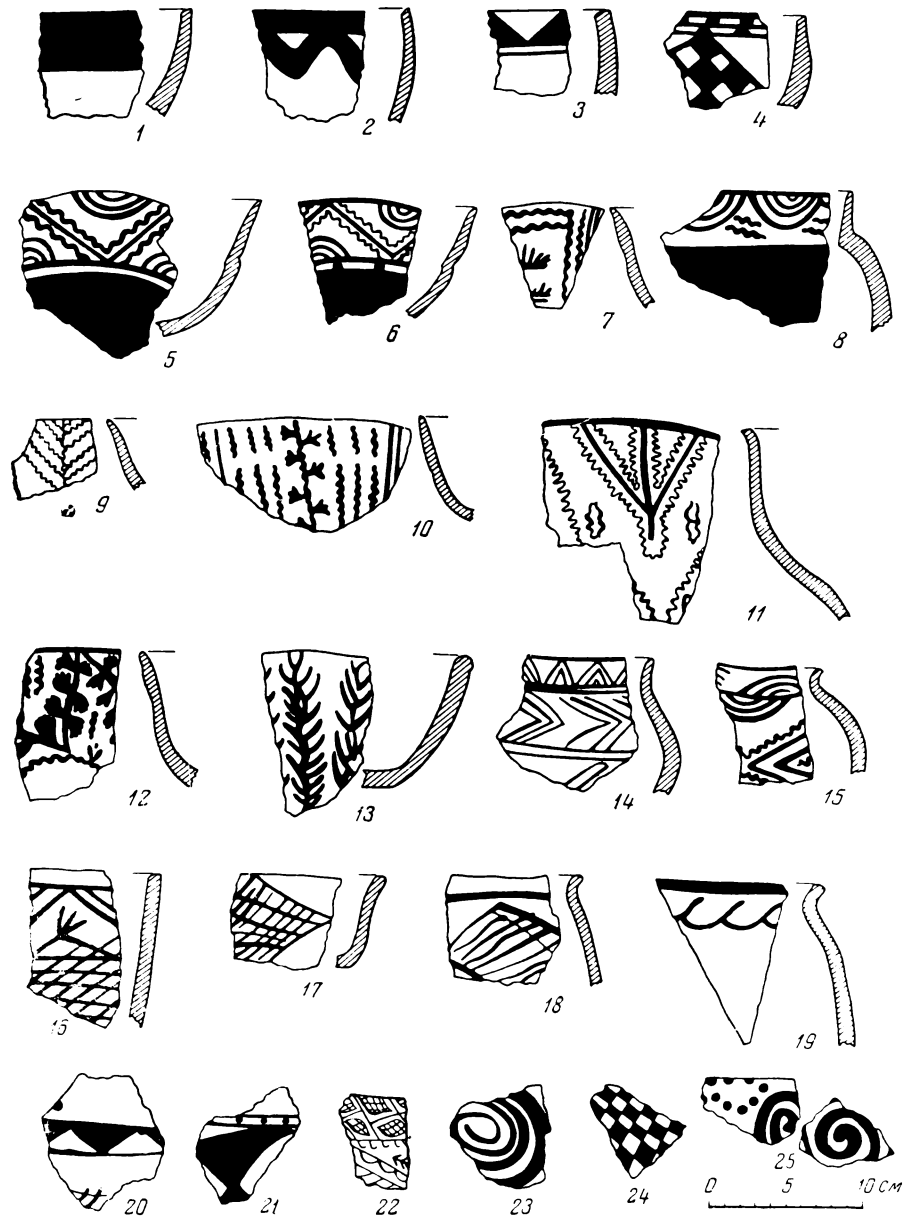


Рис. 19. Орнамент расписной керамики. Шурабашат

В раскопе выделено два горизонта: нижний с хозяйственными ямами, толщиной в 1—1,2 м (2,2—3,2 м), без следов построек и верхний с остатками стен какой-то постройки (0,2—2,4 м). Резкой грани при переходе от



Рис. 20. Расписная чаша с перехватом.
Шурабашат

одного слоя к другому не обнаружено. Разделение их до некоторой степени основывается на различии керамики. В нижнем горизонте отмечено отсутствие керамики с красным ангобом, которая в незначительном количестве встречается в верхнем.

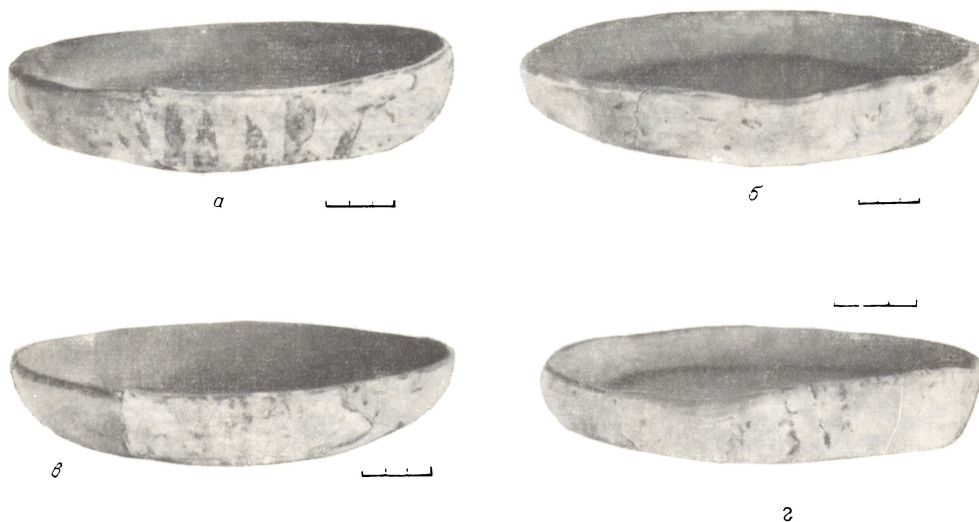


Рис. 21. Жаровни с росписью. Шурабашат

В раскопке собрано много керамики. Других находок в нем не оказалось. Среди находок преобладает расписная и крашенная керамика, которая составляет около 50% всей посуды. Существенных различий в расписной керамике обоих слоев установить не удалось. Поэтому надо полагать, что эти слои относятся к разным этапам одного хронологического периода. В силу сходства основной массы керамики обоих слоев ее можно рассматривать в целом, не разделяя по слоям.

В керамическом комплексе Шурабашата представлены следующие типы: 1) расписная и крашенная керамика, 2) бытовая неорнаментированная, 3) кухонная, 4) с красным ангобом, 5) хумы.

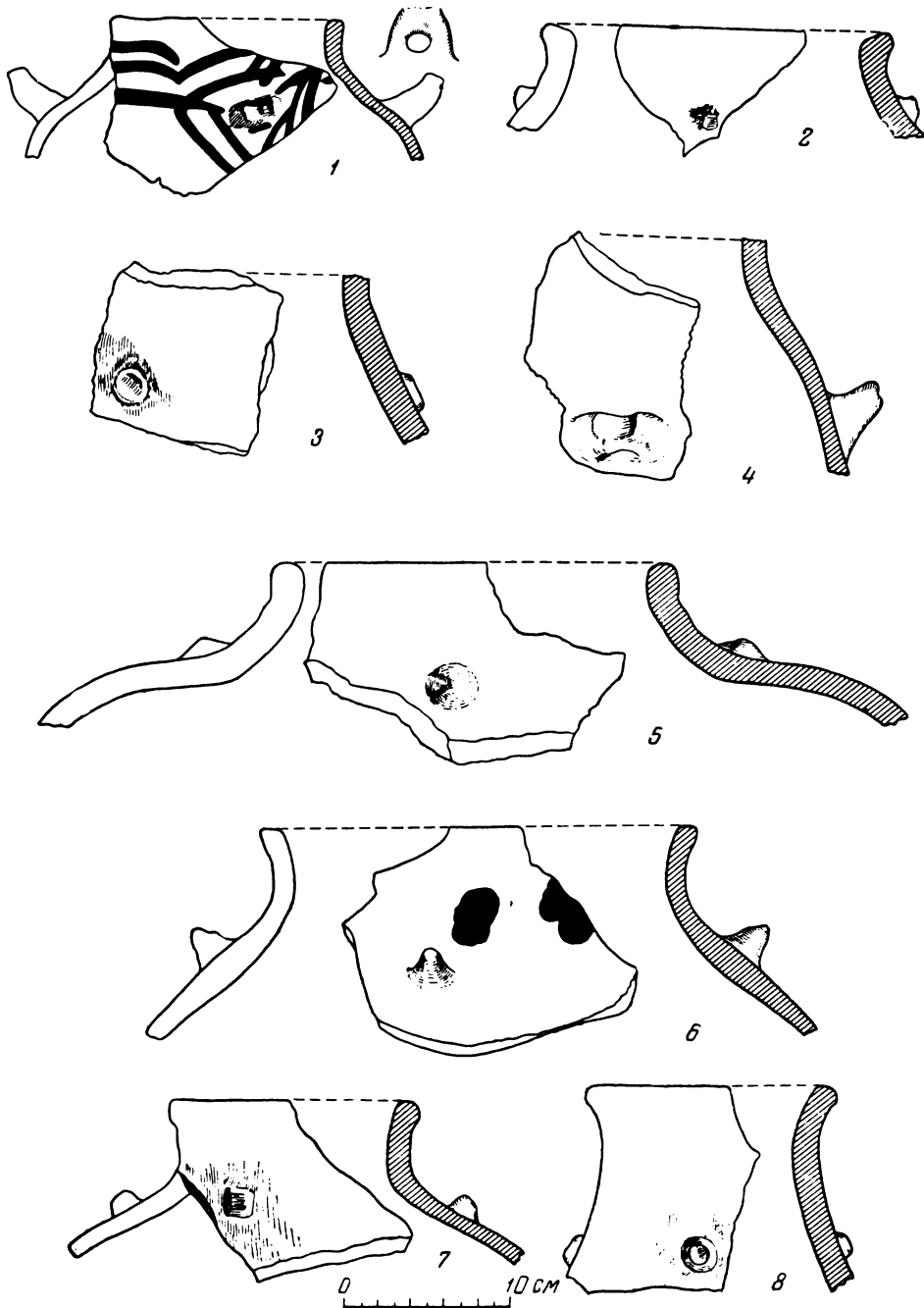


Рис. 22. Кувшины и корчаги с ручками в виде выступов. Шурабашат

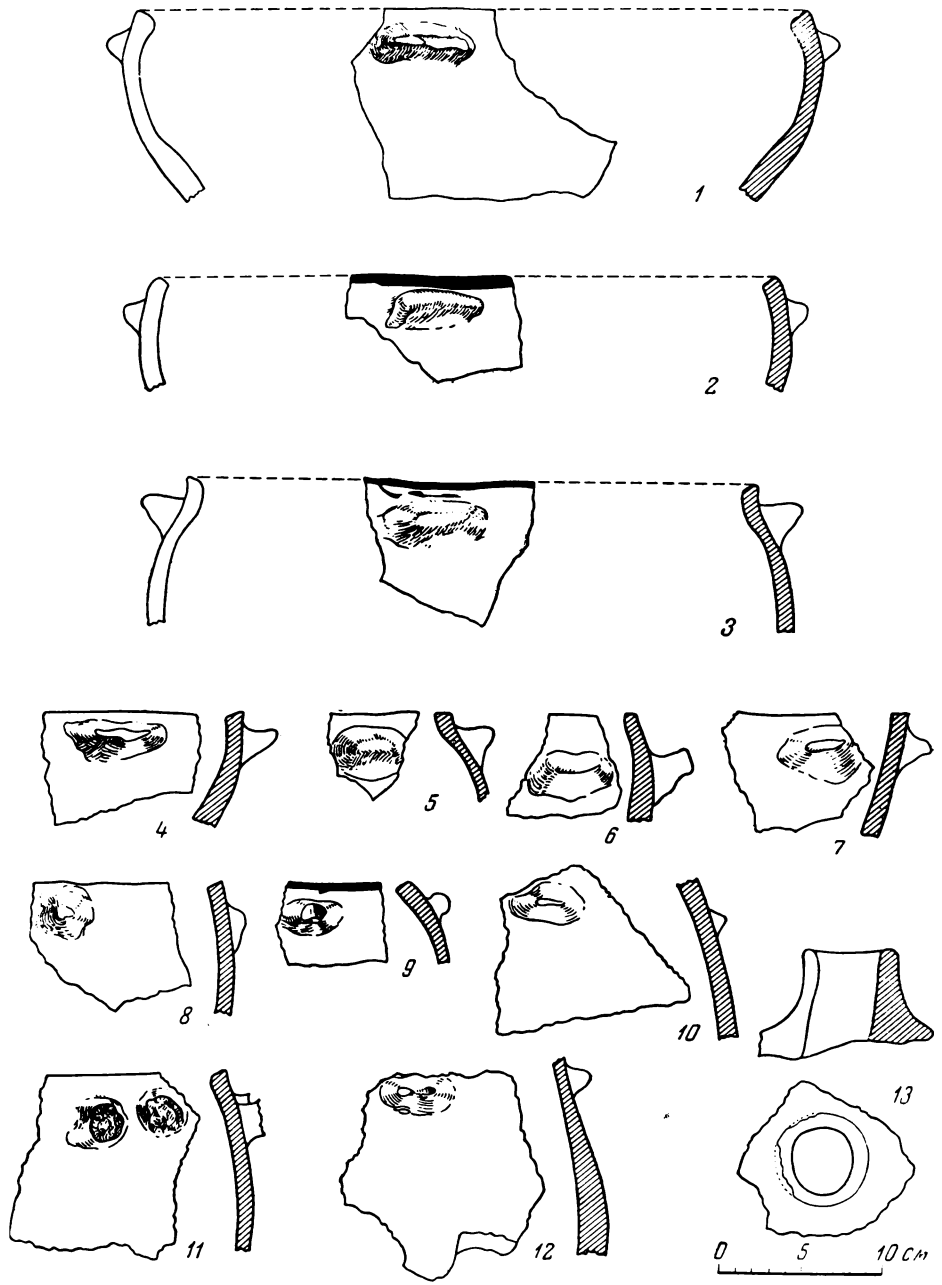


Рис. 23. Миски и чаши с наlepными ручками. Шурабашат

Все эти типы отличаются друг от друга по составу массы, способу изготовления, характеру облицовки и орнамента, а также по назначению.

Почти вся посуда Шурабашатского городища, за исключением керамики с красным ангобом, изготовлена ручной лепкой. Преобладание лепной посуды придает всему комплексу керамики архаический облик.



Рис. 24. Хумы. Шурабашат

Для этого памятника наиболее характерна расписная посуда (рис. 14; 16, б, в, з; 17—21). Керамика первого типа изготовлена из однородной массы без примесей. Посуда хорошо и равномерно обожжена, черепок в изломе однородного красноватого цвета. Сосуды покрыты плотной облицовкой, преимущественно светло-розового, реже оранжево-красноватого цвета, и залощены. Облицовка служила фоном, на который наносили роспись. (рис. 29 и 30). Росписью покрывали большие кувшины (рис. 17 и 18). горшки, чаши (рис. 19), среди которых особенно характерны чаши с перехватом (рис. 20), жаровни (рис. 21), плошки (рис. 15, в, д), крышки сосудов и др. Роспись очень часто сочетается с раскраской, что свидетельствует об одновременности обоих приемов красочной орнаментации в Шурабашате.

Роспись занимает иногда всю поверхность сосуда, а иногда только верхнюю часть — в виде полосы на плечиках. Обычно украшена только внешняя поверхность, но изредка встречаются и образцы с двусторонней росписью. У некоторых сосудов росписью украшено и дно. Росписью и краской покрыты разнообразной формы ручки (рис. 22 и 27), а также единственный в сборах носик от сосуда (рис. 27, 19).

Формы расписной керамики разнообразны. Среди найденных образцов имеется цилиндрический, с плоским дном кувшин, расписанный буро-фиолетовой краской по красноватому фону. На нем изображен ряд заштрихованных ромбов больших размеров, оконтуренных прямыми линиями, с обеих сторон которых проходит волнистая линия. Внизу две горизонтальные полосы с несколькими концентрическими полудугами охватывают весь сосуд (рис. 18, 11). Плоскодонный горшок имеет следы росписи на плечиках. Чаши разнообразной формы с вертикальной закраиной украшены на внешней поверхности узором в виде елочек. Наиболее типичной формой является чаша с перехватом. Эти чаши, как правило, с небольшим плоским дном раскрашены буро-фиолетовой краской до половины (до перехвата).

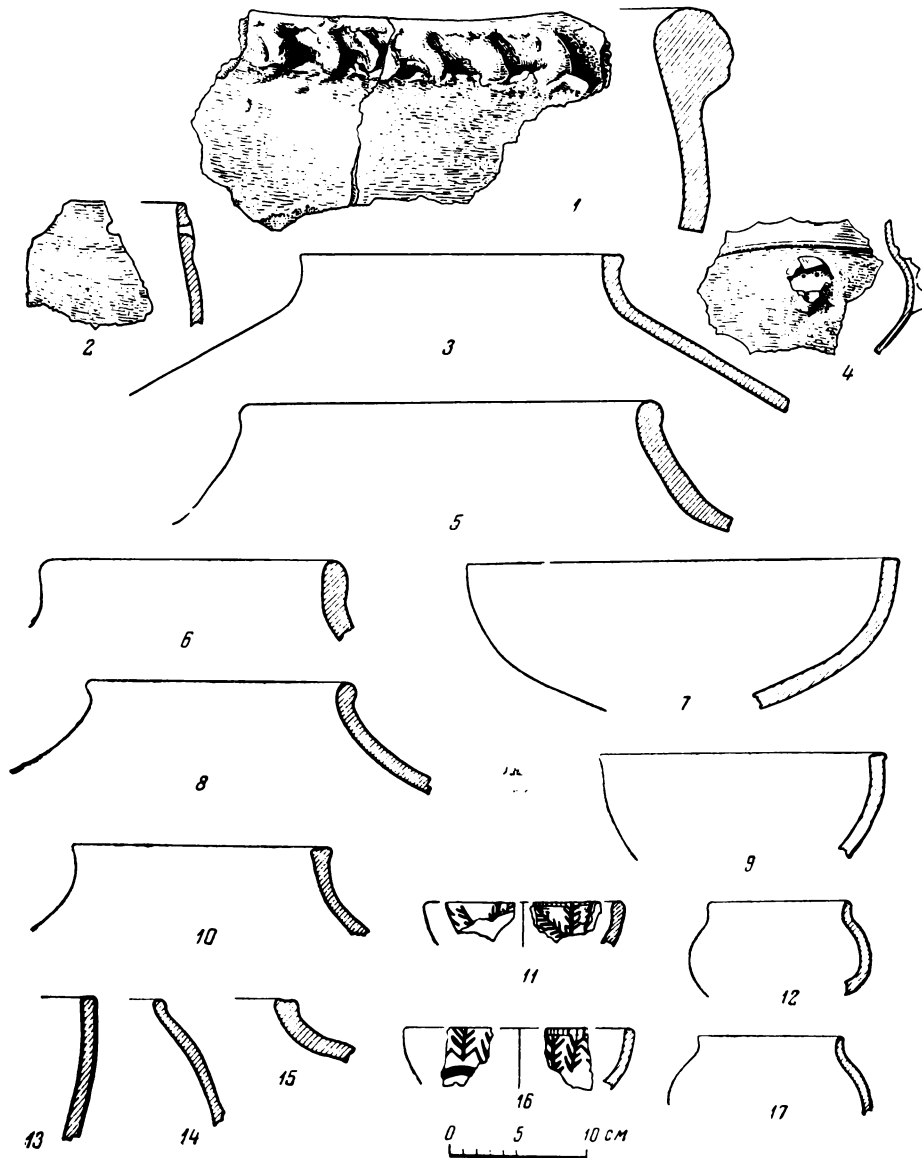


Рис. 25. Подъемный материал из Шурабашата:

1 - венчик хума; 2, 3, 5-10, 12-15, 17 - нерасписная керамика; 4 - с красным ангобом;
11, 16 - с двусторонней росписью

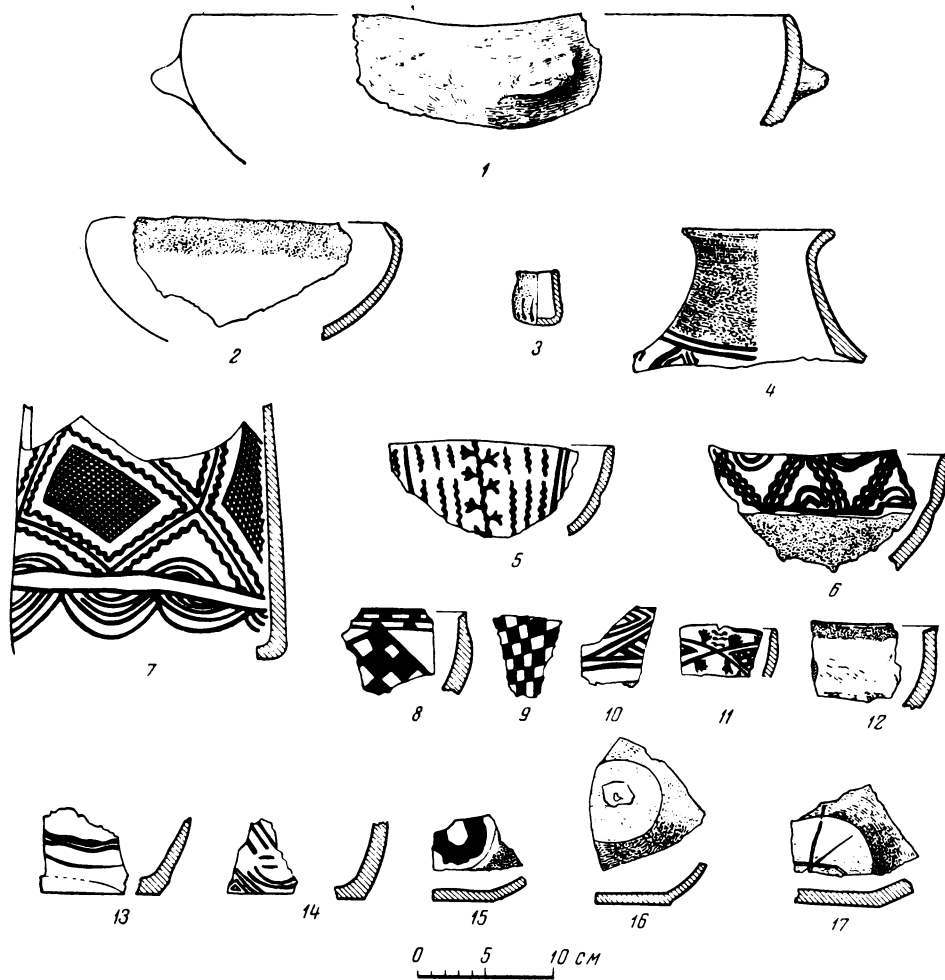


Рис. 26а. Керамика Шурабашата I периода

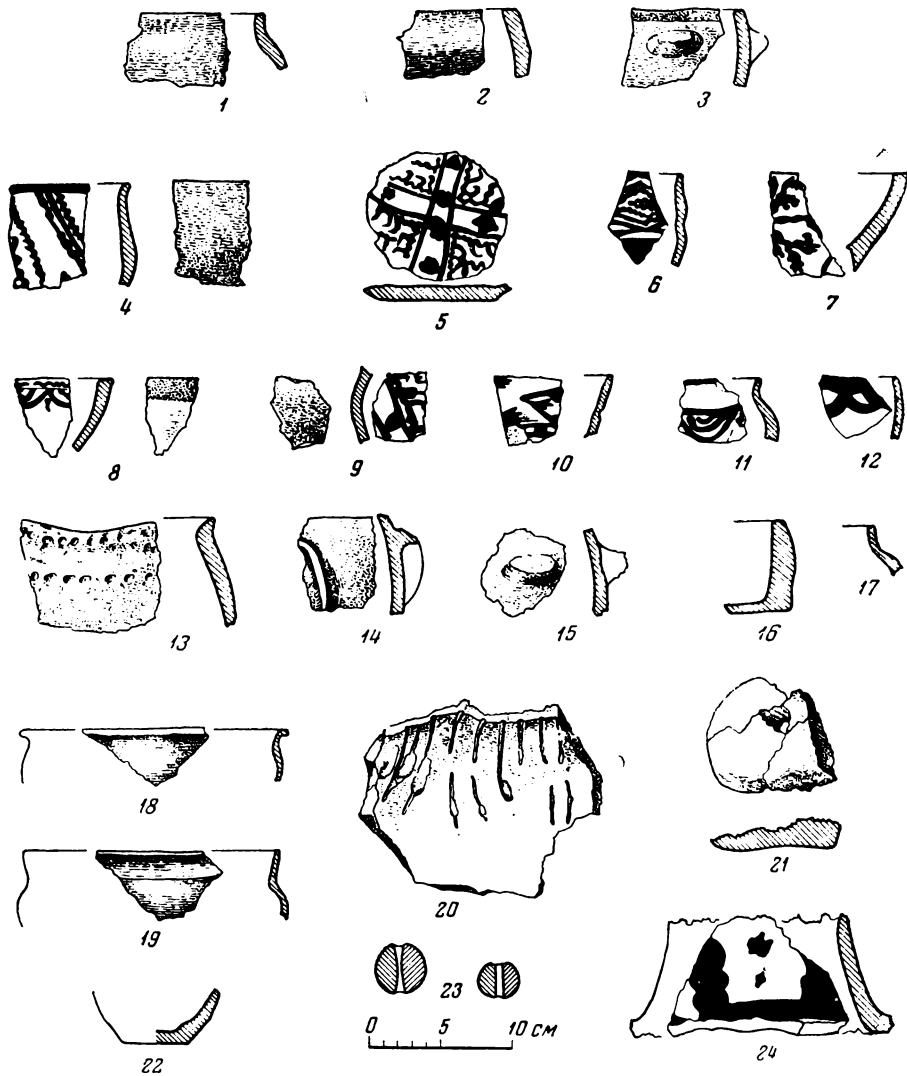


Рис. 266. Керамика Шурабашата II периода

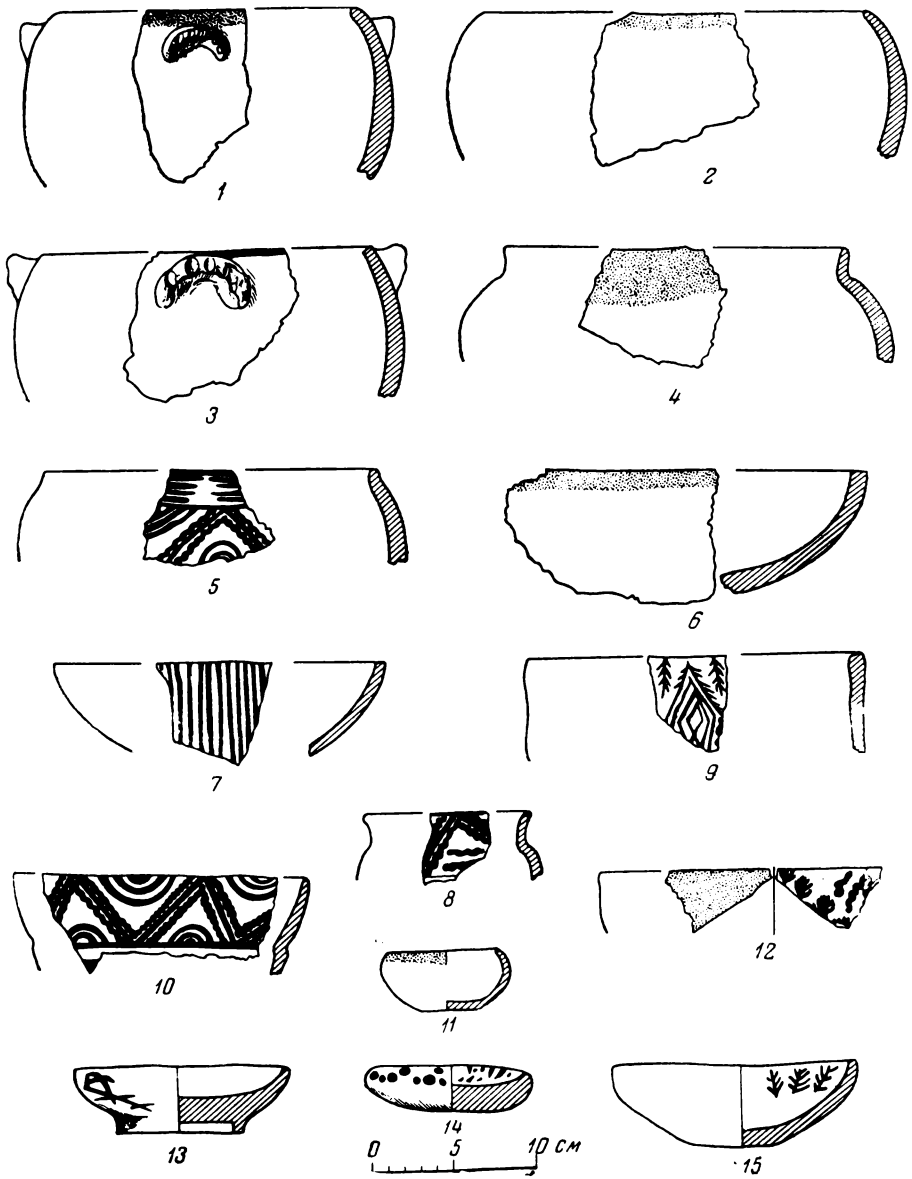


Рис. 26а. Керамика Шурабашата II периода

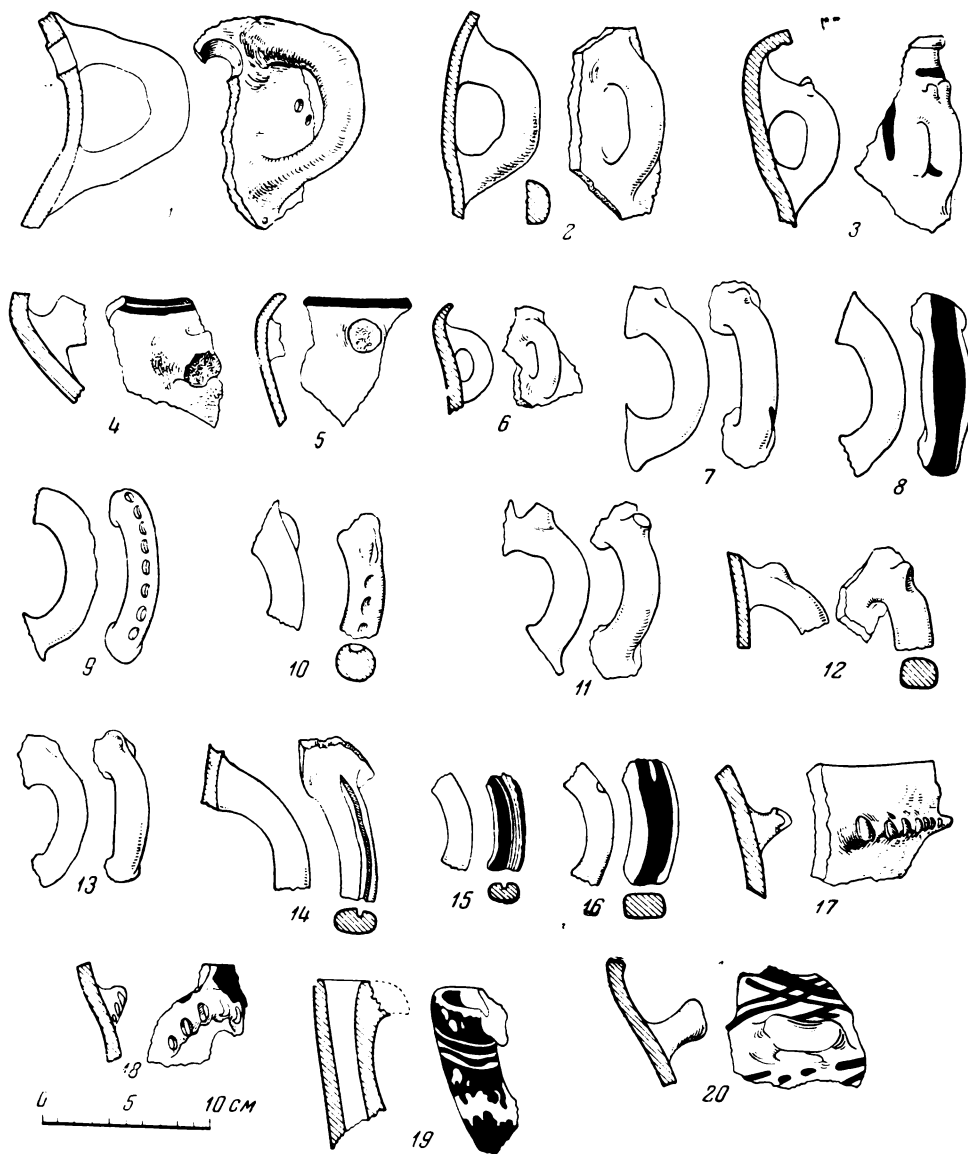


Рис. 27. Основные разновидности ручек (1—18, 20) и носик сосуда (19). Шурабашат

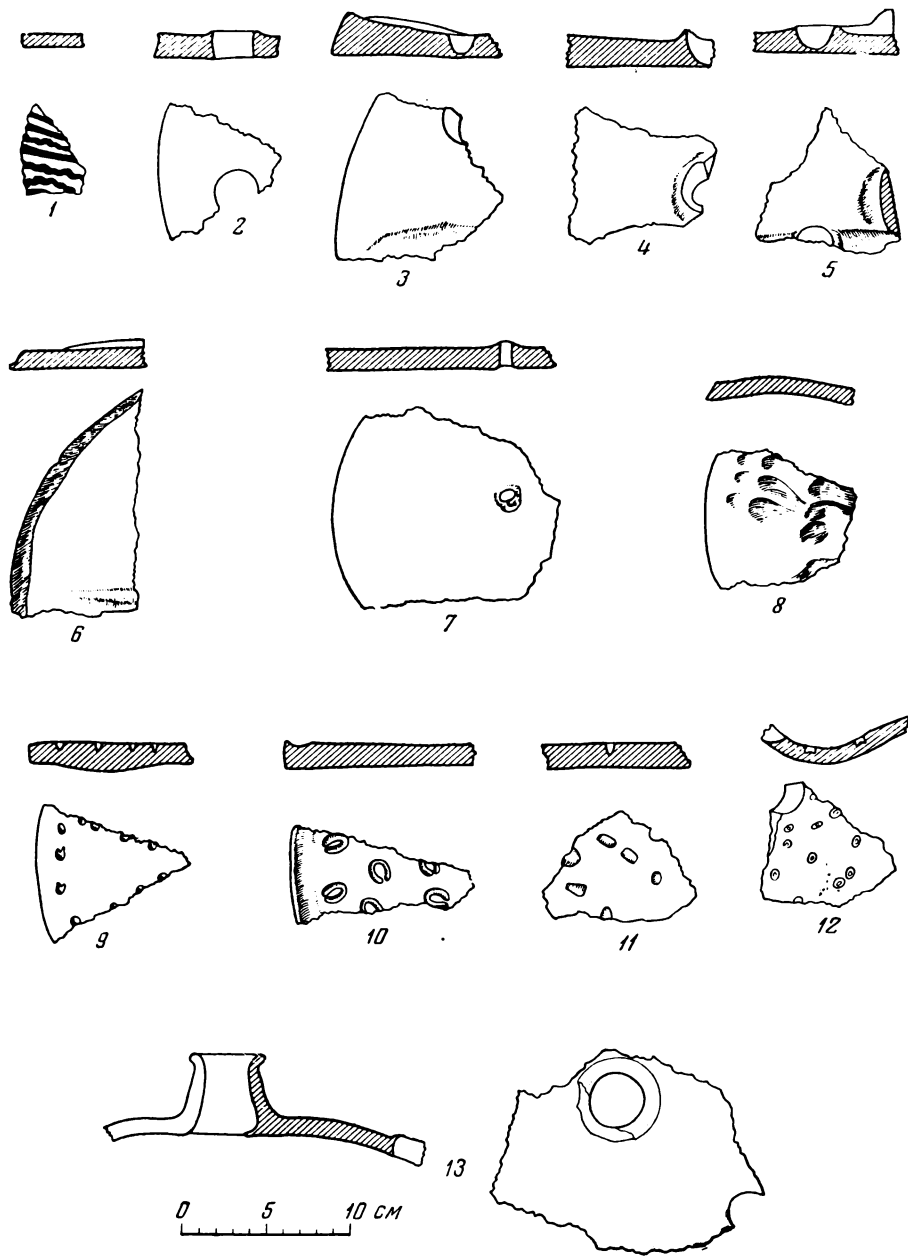


Рис. 28. Основные разновидности крышек. Шурабашат

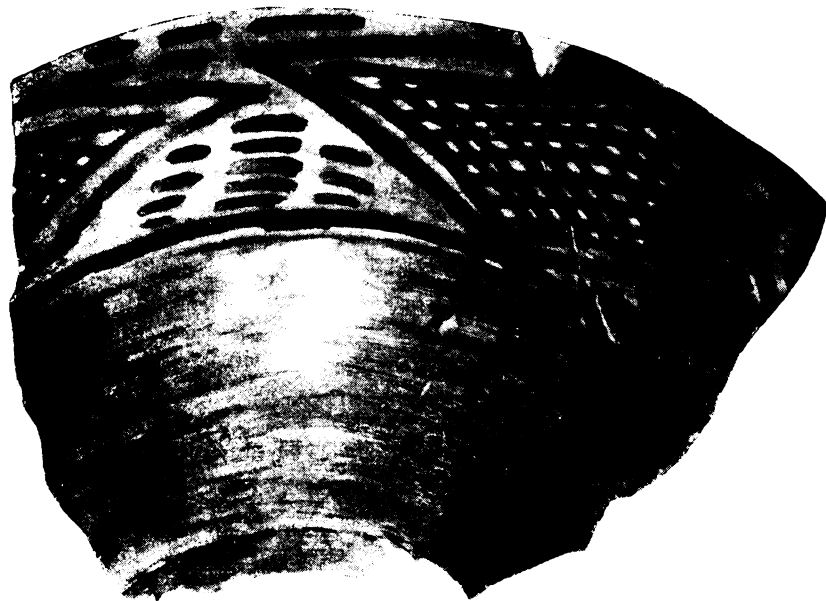


Рис. 29. Фрагмент расписной чаши из Шурабашата



Рис. 30. Крашенная и расписная керамика из Шурабашата

Верхняя половина украшена расписным узором в виде углов, образующих зигзаги и состоящих из прямых отрезков, оконтуренных с обеих сторон волнистыми линиями. Свободное пространство между ними заполнено полудужками. Размеры чаши, изображенной на рис. 20: диаметр 18 см, высота — 9,4 см, диаметр дна — 6—7 см. В других чашах перехват только намечается. Внутри чаша покрыта росписью с растительным орнаментом.

Расписным узором в виде елочек украшена небольшая чашка. Росписью покрыт также миниатюрный сосудик. На отдельных фрагментах встречаются разнообразные узоры (рис. 18 и 19): в виде решетки, шахматной доски, крупных треугольников со сплошной раскраской, а также спирали, углы, концентрические полудуги и т. п.

Сплошной монохромной раскраской карминно-фиолетового цвета покрыты чаши с перехватом, чаши с вогнутым внутрь бортиком. Раскраска в виде широкой или узкой полосы вдоль закраины сосуда встречается на кувшинах, мисках, котлах, площадках (рис. 15, *a, б, e*).

Бытовая неорнаментированная посуда (второй тип) представлена большими кувшинами и мисками. Она приготовлена из массы с примесью дресвы и обычно не покрыта облицовкой, поверхность ее серовато-желтого цвета. Качество черепка и обжига хуже, чем у сосудов первого типа. Состав керамики второго типа ограничен и пока что еще недостаточно четко выделяется среди остальных типов. Кувшин, обнаруженный при земляных работах, имеет грушевидную форму, невысокую горловину и ручку в виде выступа. Снаружи он покрыт красноватой облицовкой и возле ручки имеет гипсовую (?) «заплату» (рис. 14,4). К этому типу следует отнести обломок вьючной фляги, найденный на поверхности кладбища (рис. 14,9), и чаши с вертикальной закраиной, не покрытые облицовкой (рис. 25, 2, 3, 5—10, 12—15, 17). Непонятно назначение фрагмента сосуда (рис. 26б, 20), на внутренней стороне которого имеются глубокие желобки, заполненные вставками гипса (?).

Очень ясно выделяется среди остальной керамики посуда третьего типа с большой примесью дресвы, слоистая и рыхлая, с добавлением толченых раковин. На некоторых фрагментах имеются вмятины пальцев. У всех найденных обломков внешняя поверхность закопчена. Черепков такой кухонной посуды найдено очень мало. Встретился лишь один обломок кухонного горшка с прямой закраиной и небольшим выступом-ручкой.

Четко выделяется тонкостенная прекрасного качества посуда четвертого типа из отмученной глины, покрытая красным плотным ангобом, по качеству приближающимся к лаку. В отличие от всех других типов — керамика четвертого типа изготовлена на гончарном круге. Как правило, эта посуда не орнаментирована. Образцы ее ничем не отличаются от керамики с красным ангобом, так называемой кушанской, других памятников древней Ферганы — городища Мархамат, тепе в Кызыл-Ярской и Учкурганской степях, находок на Большом Ферганском канале и др.

Керамика с красным ангобом на городище Шурабашат встречена в небольшом количестве. Из 1800 образцов насчитывается только около 40 фрагментов подобной посуды, в основном от чаш и небольших кувшинов (рис. 16, *a*). На одном из них видны остатки кольцевидной ручки (рис. 25, 4). На Шурабашате не было найдено ни одного обломка посуды с красным ангобом, украшенной процарапанным орнаментом⁴⁹, особенно характерной для культуры Ферганы последних веков до н. э. и первых веков н. э.

⁴⁹ Один фрагмент такой керамики с процарапанным орнаментом найден в раскопе 1955 г.

Хумы (пятый тип) — крупные сосуды, изготовленные из массы с примесью дресвы и шамота, толстостенные, с белой облицовкой на поверхности. На Шурабашате известны хумы яйцевидной формы с овальной в плане горловиной, как например хум высотой в 1 м, диаметр дна 30 см (рис. 14, 10) или хум высотой в 1,5 м (рис. 14, 11), а также ранее неизвестной шарообразной формы с тремя выступами-шишками на плечиках (рис. 14, 12; 24, б). Высота хума, выкопанного на городище местными жителями, равна 92 см, диаметр дна 20 см.

Наряду с такими большими сосудами жители древнего поселения изготовляли миниатюрные сосуды, как, например, горшочек высотой до 4 см, покрытый красно-фиолетовой краской (рис. 26а, 3).

На городище также найдены прясла шарообразной формы с узким отверстием, изготовленные из серой глины (рис. 26б, 23). Прясла такой формы необычны для памятников древнего периода.

Ранее считали, что для керамики Ферганы древнего периода характерно почти полное отсутствие ручек. Но в комплексе Шурабашата оказалось совсем иное положение. На городище найдено большое количество ручек от расписных, крашенных сосудов. Они самой разнообразной формы: 1) вертикальные круглые или четырехугольные в разрезе, 2) горизонтальные разного вида, 3) налепные выступы разной формы (такие ручки более характерны для глиняных котлов, мисок и больших чаш), 4) налепные ручки в виде горизонтальных выступов. Особую разновидность представляет небольшая вертикальная ручка в виде налепа с отверстием для продевания шнура. Всего в керамике Шурабашата насчитывается более 20 разновидностей ручек первых трех типов (рис. 27). Разнообразие и большое количество ручек в керамике Шурабашата составляет ее отличительную черту.

Почти вся керамика Шурабашата плоскодонная, только некоторые чаши имеют округлое дно. Сосуды на поддоне встречаются редко — найдена лишь одна чашка на кольцевидном поддоне (рис. 26в, 13). У большинства сосудов переход от дна к стенкам плавный. Часто плоское дно слегка вогнуто в середине. Иногда при этом даже образуется подобие кольцевого выступа. Размеры дна сильно варьируют. На двух-трех фрагментах дна на их внешней поверхности прочерчены по облицовке тамгообразные знаки (рис. 26а, 16, 17). Обычно у расписных и окрашенных сосудов дно не покрыто краской. Но иногда все же на дно падали брызги и потеки краски. Очень редко встречаются образцы с расписным узором на внешней стороне дна. Так на одном фрагменте карминно-фиолетовой краской на дне изображено кольцо (рис. 26а, 15). Значительно чаще, особенно на чашах, встречается роспись на внутренней поверхности дна. На одном фрагменте, разделенном на четыре сектора, имеется богатый растительно-геометрический узор (рис. 26б, 5). Значительно реже встречаются в Шурабашате сосуды, у которых стенки поднимаются со дна отвесно, почти перпендикулярно. При этом часто придонная часть подрезана ножом.

Своеобразие керамическому комплексу Шурабашата придают также разнообразные по форме крышки (рис. 28). Встречаются плоские крышки с круглым отверстием, одна из таких крышек сильно закопчена внутри. На других подобных крышках вместо отверстия сделано углубление. Интересны крышки с выемчатым орнаментом. На одном фрагменте имеется роспись в виде нескольких полосок карминно-фиолетовой краски. Особенно выделяется крышка с невысокой горловиной и круглым отверстием.

Из других находок на городище следует отметить несколько овальных зернотерок из камня фиолетового цвета (рис. 31). Они отличаются по фор-

ме и материалу от современных им зернотерок Дунбулака и от обычных ферганских зернотерок древнего периода.

На поверхности возле городища найден обломок скульптурного изображения головы человека (рис. 32). Цилиндрическая голова сильно

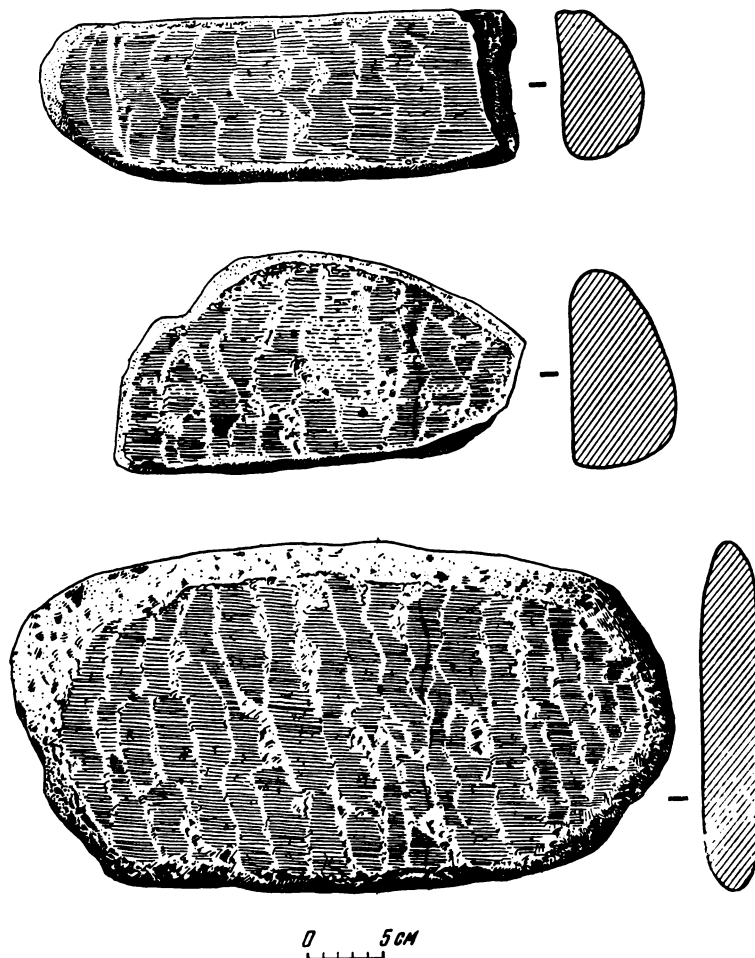


Рис. 31. Зернотерки. Шурабашат

вытянута. Нос прямой. Выступающие валики на голове изображают головной убор. Двумя черточками намечены глаза и круглым углублением — рот. Нижняя губа сильно выступает. С одной стороны заметны остатки уха. Длина обломка равна 6 см. Снаружи он покрыт обмазкой серого цвета⁵⁰. Подобные находки в Фергане очень редки и каждое новое изображение представляет значительный интерес.

Шурабашатская находка дополняет небольшую группу найденных в Фергане глиняных идолов и статуэток (Мунчак-тепе у Беговата⁵¹, на

⁵⁰ Впервые этот идол был опубликован нами в 1956 г. (Ю. А. Заднепровский. Разведки и раскопки Южнокиргизского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. «Тр. АН Таджикской ССР», т. XXXVII, 1956, стр. 120 рис. 1).

⁵¹ Не опубликован. Хранится в Отделе Советского Востока Гос. Эрмитажа.

трассе Большого Ферганского канала⁵²), металлических статуэток (в кургане у Нияз-бека⁵³, на трассе Южного Ферганского канала⁵⁴) и каменной статуэтки (Фархадстрой)⁵⁵. От всех перечисленных изображений шурабашатский идол отличается значительными размерами и своеобразной трактовкой лица. Скульптурное изображение из Шурабашата

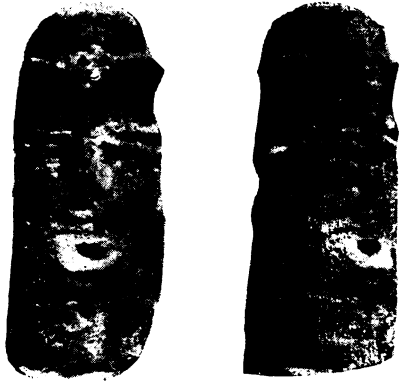


Рис. 32. Глиняный идол. Шурабашат

очень сходно с алебастровым идолом из Варухского могильника, датируемого первыми веками н. э.⁵⁶ Обнаружение в разных частях Ферганской долины близких изображений человека, свидетельствующих о сходном физическом облике древнего населения Ферганы, представляет известный интерес.

Конфигурация городища не находит аналогий в ферганских памятниках и не имеет каких-либо специфических особенностей, которые позволили бы определить время его существования. Основанием для примерной датировки может служить только керамика (рис. 26 а—б). При рассмотрении этого вопроса средневековые исключаются, так как на всей обширной площади городища не найдено совсем средне-

вековой керамики⁵⁷. Надо исключить также бронзовый век. Методом исключения можно остановиться на датировке Шурабашата, древним периодом, который начинается в середине I тысячелетия до н. э. и завершается к середине I тысячелетия н. э., что соответствует эпохе развития рабовладельческих отношений в Средней Азии. Сопоставление керамического комплекса Шурабашата в первую очередь с расписной посудой позволяет уточнить эту датировку.

Прежде всего надо отметить, что керамика Шурабашата имеет сходство с посудой Эйлатанского городища (середина I тысячелетия до н. э.). Одна группа, а именно чаши, раскрашенные карминно-фиолетовой краской, очень сходна. В обоих памятниках найдены чаши одинаковых форм, отмечены сходные приемы изготовления и украшения посуды и такая характерная деталь, как украшение чаши узкой полосой вдоль закраины с внутренней стороны. В обоих случаях можно найти идентичные образцы, которые невозможно разграничить. Одинаковы чаши с прямой закраиной и ангобом сероватого цвета. Для обоих памятников характерны ручки в виде выступов на грубой нерасписной посуде. Наблюдается сходство и других видов керамики.

Вместе с тем ярко выступает и различие между ними. Основное различие состоит в том, что расписная керамика в Эйлатане представлена единичными образцами и в ней преобладает монокромная раскраска. Посуда

⁵² Т. Г. Оболдуева. Указ. соч., стр. 27, табл. X, рис. 2.

⁵³ Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана..., стр. 51, примечание 1.

⁵⁴ Не опубликован. Хранится в Музее истории Узбекской ССР в Ташкенте.

⁵⁵ С. К. Кабанов. Археологические находки на Фархадстрое. «Изв. АН Узбекской ССР», 1948, № 5, стр. 75, 76, рис. 3.

⁵⁶ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XXXV, 1955, стр. 62, рис. 24—26.

⁵⁷ В 1955 г. средневековая керамика была обнаружена на восточном городище.

Эйлатана, как правило, круглодонная и изготовлена на матерчатом шаблоне. Наоборот, отличительную черту комплекса Шурабашата составляет богатство и разнообразие расписной керамики, которая преобладает над монохромно раскрашенной.

Сравнительное изучение керамики обоих памятников позволяет наметить последовательность их во времени и рассматривать появление на Эйлатане расписной керамики как зарождение нового типа расписной керамики, характерного для древнего периода Ферганы. Полное развитие керамика этого типа получила в период существования Шурабашатского городища.

Сходная с шурабашатской керамикой расписная чаша обнаружена в могильнике Шарт II в Алайской долине, исследованном экспедицией А. Н. Бернштама в 1952 г. Сосуд с росписью в виде треугольников, заштрихованных наподобие шахматной доски, очень близок некоторым образцам Шурабашата (рис. 19, 4). Чаша из могильника Шарт II датируется А. Н. Бернштамом по найденным бронзовым наконечникам стрел V—III вв. до н. э. Чаша и кувшинчик, идентичные шурабашатской керамике, найдены Н. Н. Забелиной в подбойном погребении в могильнике Караджар. Интересно, что на дне кувшинчика видны отпечатки матерчатого шаблона. Изготовление посуды на шаблоне было широко распространено в керамическом производстве Эйлатанского городища.

Котлы и чаши с ручками в виде подковки встречаются аналогии в находках из погребения у сел. Кудаш на трассе Большого Ферганского канала, которое Я. Г. Гулямов с достаточным основанием относит к III—I вв. до н. э. Интересно, что в этой же могиле находилась также часть вьючной фляги⁵⁸. Расписные сосуды из усуньских могильников, исследованных М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, находят аналогии именно в шурабашатской керамике. Кувшин с росписью из Буранинского могильника по форме, фактуре, характеру изготовления и красочной орнаментации близок образцу из Шурабашата. Второй экземпляр с росписью из Буранинского могильника не опубликован и по краткому описанию нельзя составить представления о нем⁵⁹.

Более полные аналогии имеет расписная керамика Шурабашата с находками в Синьцзяне, открытыми Китайско-Шведской экспедицией. Вдоль южных склонов Тянь-Шаня найдено четыре пункта с расписной керамикой: один юго-восточнее Хами и три в окрестностях г. Новый Турфан. Исключительный интерес представляет открытие китайским археологом Хуан Вэнь-би погребений с подобной керамикой в Яр-Хото (около Нового Турфана). Хуан Вэнь-би датирует находки в Яр-Хото последними веками до н. э.⁶⁰ Ф. Бергман полагает более правильным относить расписную керамику Синьцзяна ко времени около 500 г. до н. э.⁶¹

При датировке керамического комплекса Шурабашата прежде всего надо учитывать, что расписная керамика в верхнем слое залегает совместно с посудой, имеющей красный ангоб, и что на соседнем памятнике — на городище Дунбулак, сходная расписная посуда обнаружена в слое на

⁵⁸ Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. «Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР», т. IV, 1951, стр. 92, табл. IV.

⁵⁹ М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 179.

⁶⁰ Хуан Вэнь-би. Гаочанская керамика. Материалы Северо-Западной научно-исследовательской экспедиции 1930—1931 г. Хэ-Бэй, 1933 (на китайском яз.).

⁶¹ F. Bergman. Archaeological researches in Sinkiang. Especially to the Lop-nor region. Reports from the scientific expedition to the north-western provinces of China... The Sino-Swedish expedition. Publication 7. Archaeology I. Stockholm, 1939, p. 14—18, pl. 1.

глубине 8—9 м от поверхности вместе с керамикой, имеющей красный ангоб и украшенной процарапанным орнаментом.

Из всего сказанного следует, что комплекс керамики Шурабашата, в котором имеется крашенная и расписная посуда, сходен, с одной стороны, с керамикой Эйлатана, а с другой стороны, в нем представлена посуда с красным ангобом, которая сходна с керамикой Мархамата. Оба эти памятника наиболее характерны для разных этапов древнего периода истории Ферганы. Керамика Шурабашата составляет недостающее промежуточное звено между ними и относится целиком к древнему периоду. Учитывая стратиграфические данные и приведенные аналогии, можно предварительно отнести поселение Шурабашат к IV—I вв. до н. э. и считать, что нижний слой может быть датирован первой половиной (IV—III вв. до н. э.), а верхний — второй половиной (II—I вв. до н. э.) указанного периода. Основываясь на сходстве расписной керамики Шурабашата с эйлатанской, можно, очевидно, заключить, что нижняя граница ее бытования доходит до середины I тысячелетия до н. э. Верхняя граница бытования этого типа керамики пока не может быть точно установлена (первые века н. э.).

Из всех известных в настоящее время поселений Ферганы древнего периода Шурабашат имеет наибольшую площадь — более 70 га, в то время как, например, Мархаматское городище, которое сопоставляют со столицей Ферганы — г. Эрши, занимает всего только около 38 га. Значительные размеры городища Шурабашат, высокое качество его керамических изделий свидетельствуют о том, что здесь был один из крупнейших городских центров древней Ферганы периода Даваньского царства. После разведывательных работ 1954 г. еще многие вопросы остались нерешенными. Не выяснено, например, одновременно ли существовали все три части городища, к какому времени относится сооружение укреплений городища, каковы были причины, обусловившие появление такого крупного центра в отдаленном углу Ферганской долины. Все эти вопросы, а также вопрос о времени существования керамики и самого поселения требуют дальнейшей разработки.

Расписная керамика шурабашатского типа встречается почти на всех обследованных поселениях в Узгенском оазисе, на Шалтакских тепе в Ошском оазисе, а также в долине Чанкент-Сая, в Савайской степи, в долине Кугарта и других местах. Это не локальная особенность Узгенского оазиса, а явление, очевидно, более широкое — общеферганское. Изучение Шурабашатского городища позволит охарактеризовать новый, ранее не известный этап развития культуры древней Ферганы, который можно было бы назвать шурабашатским.

Изучение расписной керамики Ферганы древнего (античного) периода заставило обратить внимание на распространение росписи в синхронной керамике других областей Средней Азии. В Ташкентском оазисе роспись известна в бургулюкской культуре⁶². На городище Каунчи найдены небольшие сосуды, окрашенные красной краской. На одном сосуде имеется раскраска черными полосами⁶³. В слое Каунчи I найдены миски, украшенные брызгами бурой краски⁶⁴. Отмечено применение раскраски в керамике Отрарского оазиса в бассейне средней Сыр-Дарьи⁶⁵. Расписная керамика обнаружена в нижних слоях Алтын-асара, относящихся к пос-

⁶² А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры..., стр. 30.

⁶³ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа, стр. 10.

⁶⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. 33, 1950, стр. 158.

⁶⁵ Е. И. Агеева. Керамика Отрара. «Изв. АН Казахской ССР», серия археол., 1949, № 2, стр. 105, 106.

ледним векам до н. э.⁶⁶ Для Хорезма кангюйского периода (IV в. до н. э.— I в. н. э.) характерна своеобразная роспись красной и красно-коричневой краской по желтовато-розовому ангобу. В позднекангюйское время (II в. до н. э.— I в. н. э.) роспись упростилась. Ее наносили очень небрежно. Применение росписи дожило здесь до первых веков н. э., но количество ее уменьшилось. В это время вместо спирального орнамента распространился узор в виде соединенных между собой кругов. Роспись в керамике Хорезма окончательно исчезла в IV—VI вв.⁶⁷

Примитивная роспись известна также в Согде, в слоях II и III Тали-Барзу найдена керамика с узором в виде колец. В противоположность вышележащему слою IV, в этих слоях, как отмечает Т. Н. Книпович, «безусловно преобладает орнамент, выполненный коричнево-красной краской по светлому фону. Иногда здесь просто брызги и подтеки; иногда же нанесенная по светлому фону краска приобретает формы выраженной росписи, правда, упрощенной. Чаще всего — это сплетающиеся широкие полосы, образующие по сторонам сосуда соединенные вместе круги»⁶⁸. Росписью покрывались кружки и кувшины. На одном кувшине помимо росписи имеется ручка зооморфной формы, характерной для сарматской культуры.

Наряду с Ферганой, где в последних веках до н. э. расписная керамика достигла наивысшего развития, в древний период подобная орнаментация была распространена в Ташкентском оазисе, в бассейне Сыр-Дарьи, Хорезме и в меньшей степени в Согде. В каждой из этих областей расписная керамика имеет свои особенности и не похожа на керамику соседней области. Важен факт широкого распространения этого приема украшения глиняной посуды в древний период. Причины появления этого приема в каждой области и его происхождение еще не установлены. Для этого пока не достаточно материала. Одно ясно, что прямую линию развития расписной керамики, начиная с эпохи бронзы, нельзя проследить ни в одном районе Средней Азии. В Южной Туркмении расписная керамика исчезла из употребления на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и затем не возрождалась ни в древний период, ни в средневековье. Только в Фергане известна расписная посуда бронзового века и древнего периода (второй половины I тысячелетия до н. э.). Непосредственный переход от керамики Чустского поселения (конца II — начала I тысячелетия до н. э.) к керамике Эйлтанского и Шурабашатского городищ (вторая половина I тысячелетия до н. э.) установить пока невозможно. Эта керамика различается по ряду признаков: составу массы, фактуре, характеру обработки поверхности и орнаментации. Между обоими типами расписной керамики существует хронологический перерыв. Этот разрыв соответствует периоду перехода от бронзы к железу, периоду крупных изменений в социально-экономической и культурной жизни Ферганы.

Такой же перерыв существует между расписной керамикой древнего и средневекового периодов.

Интересно, что в древний (античный) период расписная керамика появилась в тех областях, где ее не было в эпоху бронзы, а именно в Хорезме,

⁶⁶ С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 году. «Сов. археология», вып. XIX, 1954, стр. 258.

⁶⁷ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат канд. диссерт. М., 1954, стр. 5—6, 10; ее же. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии», вып. XXII, 1955, стр. 74 и след., рис. 2, 4.

⁶⁸ Т. Н. Книпович. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода. КСИИМК, вып. 28, 1949, стр. 75, рис. 16, 1—3, 5; см. также Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, рис. 3, е, ж.



Рис 33. Городище Дунбулак. Вид с севера

Ташкентском оазисе, Чуйской долине (Буранинский могильник), в бассейне Жаны-Дарьи. Причины возрождения и широкого распространения расписной керамики в древний период в Средней Азии заслуживают выяснения и дополнительного исследования.

Городище Дунбулак

Городище Дунбулак представляет собой поселение иного типа по сравнению с Шурабашатом. Оно было сильно укрепленной крепостью-замком. Городище занимает обособленную площадку на второй береговой террасе левого берега р. Яссы (рис. 33) в 5 км к востоку от Узгена. С трех сторон его проходит глубокий ров, с северной стороны крутой склон террасы составляет сильное естественное препятствие. Войти на городище можно было только по узкому пандусу с южной стороны. С этой стороны к городищу примыкает площадка неправильных очертаний. У подножья северного края городища бьет родник, но родниковой воды было явно недостаточно. К тому же поднимать ее наверх затруднительно. Каким образом поступала вода на городище — не установлено. Сообщение местных жителей об остатках водопровода не удалось проверить, так как на поверхности в районе городища никаких следов подобного сооружения не обнаружено.

Размеры верхней площадки городища незначительны — 90×50 м. На южной стороне городища разбит раскоп 12×10 м, ориентированный по направлению с северо-востока на юго-запад (рис. 34). На юго-западной стороне от середины проведена траншея шириной в 4 м и длиной в 7 м, которая прорезала часть южного склона городища.

В верхнем слое раскопа (рис. 35) встречено небольшое количество маловыразительных черепков и несколько разбитых зернотерок. В северо-западном углу на глубине 80 см обнаружен хум, диаметром 80 см. Сверху внутри хума лежала опрокинутая зернотерка. На уровне верхнего края хума в разных частях раскопа расчищен уплотненный слой, являющийся остатками пола. В нескольких местах он был разрушен позднейшими поребениями XVIII—XIX вв. На площади раскопа расчищено семь



Рис. 34. Городище Дунбулак. Раскоп

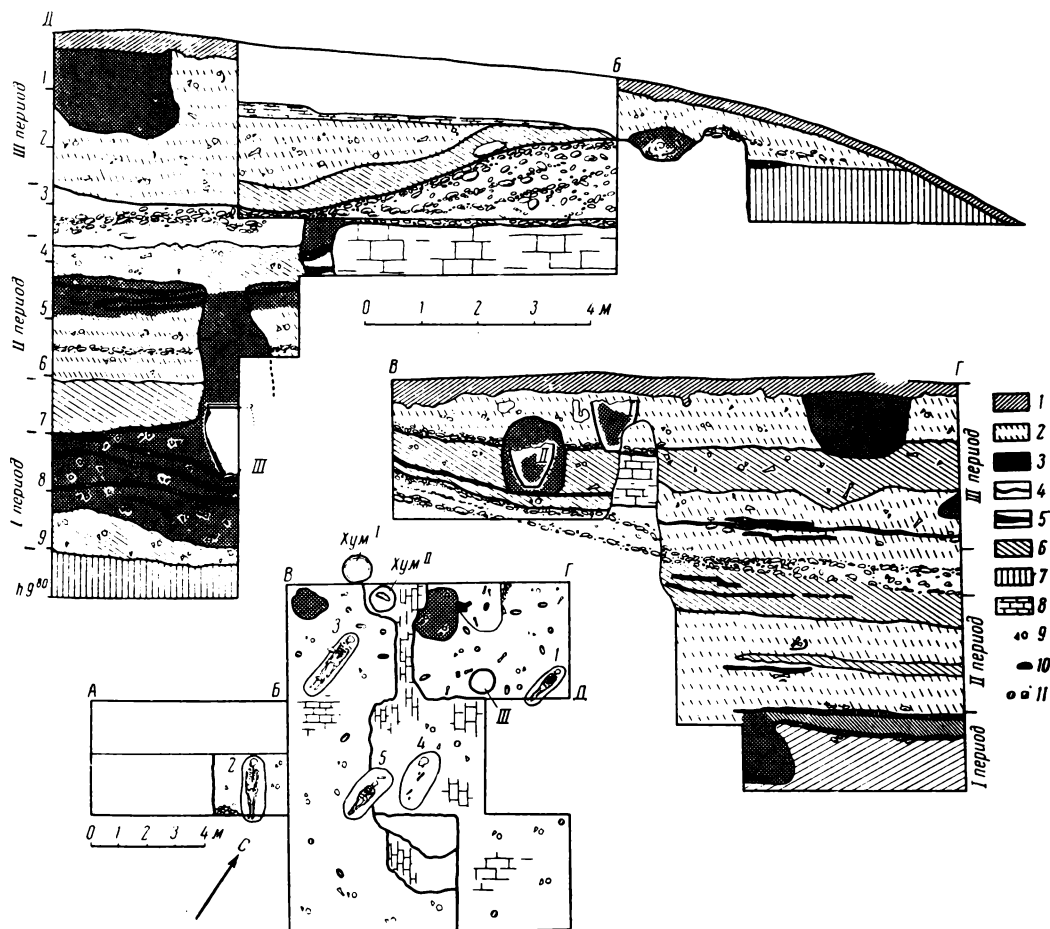


Рис. 35. Городище Дунбулак. План и развертка стен раскопа:

1 — пахотный слой; 2 — рыхлый лёсс; 3 — мусорный слой; 4 — горизонт культурного слоя; 5 — зольник; 6 — зеленая глина; 7 — материковый лёсс; 8 — кладка стены; 9 — керамика; 10 — зернотерка; 11 — шлак железа



Рис. 36. Расчистка хума. Дунбулак

ника к центру городища. Происхождение такого большого количества гальки остается непонятным. После прохождения галечного слоя площадь раскопа сократили еще и продолжали углубление в северной части на участке более 24 м². Здесь дошли до конца культурных слоев (9 м) и закончили работы на отметке 9,8 м в материковом грунте.

На этом участке на глубине 4,7 м в южном углу наместились контуры мусорной ямы (диаметром 1,2×1,5 м), которая уходила до отметки 6,5 м. Здесь появился венчик целого хума, стоявшего на месте. Хум (рис. 36) имеет узкое плоское дно и широкую горловину, заканчивающуюся простым венчиком. Его высота — 1,2 м, диаметр дна — 32 см, горловины — 78 см. Хум стоял на плиточном камне. При рытье ямы для хума были повреждены более древние культурные слои. Дно хума находилось на глубине 7,8 м. Ниже дна хума залегали нетронуемые культурные слои до глубины 9 м. Раскоп углубили на 80 см в материковый лёссовидный грунт. В самом низу раскопа культурные отложения проходили узкой полосой в восточной части, в то время как вся остальная площадь была занята остатками фундамента какой-то постройки. Рядом с первой ямой у западной стены на глубине 6,5 м была открыта вторая яма, диаметром около 1 м, уходившая до отметки 7,2 м. Расположение культурных слоев четко видно на развертках стен раскопа (см. рис. 35).

Всего можно выделить семь слоев, которые относятся к трем периодам жизни Дунбулакского городища. В Дунбулаке I, включающем нижние слои, на глубине от 6,5 до 9 м среди керамических находок значительное место занимает керамика с красным ангобом обычного для древней Ферганы типа (рис. 37). Наряду с ней встречается расписная керамика, сходная с шурабашатской. В раскопе и на поверхности найдено 28 фрагментов посуды с росписью (рис. 38, в). Из них 19 происходят из нижнего слоя. Несколько черепков найдено и в более верхних слоях, куда они могли попасть из нижних слоев при рытье ямы для хума. Особо отметим находку в нижнем слое на глубине 7,5—8 м трех обломков посуды с красным ангобом и процарапанным орнаментом. Еще один фрагмент найден на отметке

костяков. Из них одно погребение обнаружено в упомянутой траншее и два погребения — в обрезах северо-западной и северо-восточной стенок раскопа. Все костяки находились в грунтовой яме, они лежали на спине, в вытянутом положении и были ориентированы с севера на юг с небольшим отклонением к западу. Головы повернуты на запад. Никаких вещей в погребениях не обнаружено. Все костяки находились на глубине 1,5—1,7 м и только один — на глубине 2 м. После того, как выяснилось, что верхний слой на значительную глубину разрушен поздними киргизскими погребениями, площадь раскопа была сокращена и работы продолжались в западной трети раскопа. Здесь на глубине 2,2 м на всей вскрытой площади залегал галечный слой, толщиной в 40—60 см. В обресе четко видно падение слоя галеч-

Дунбулак I

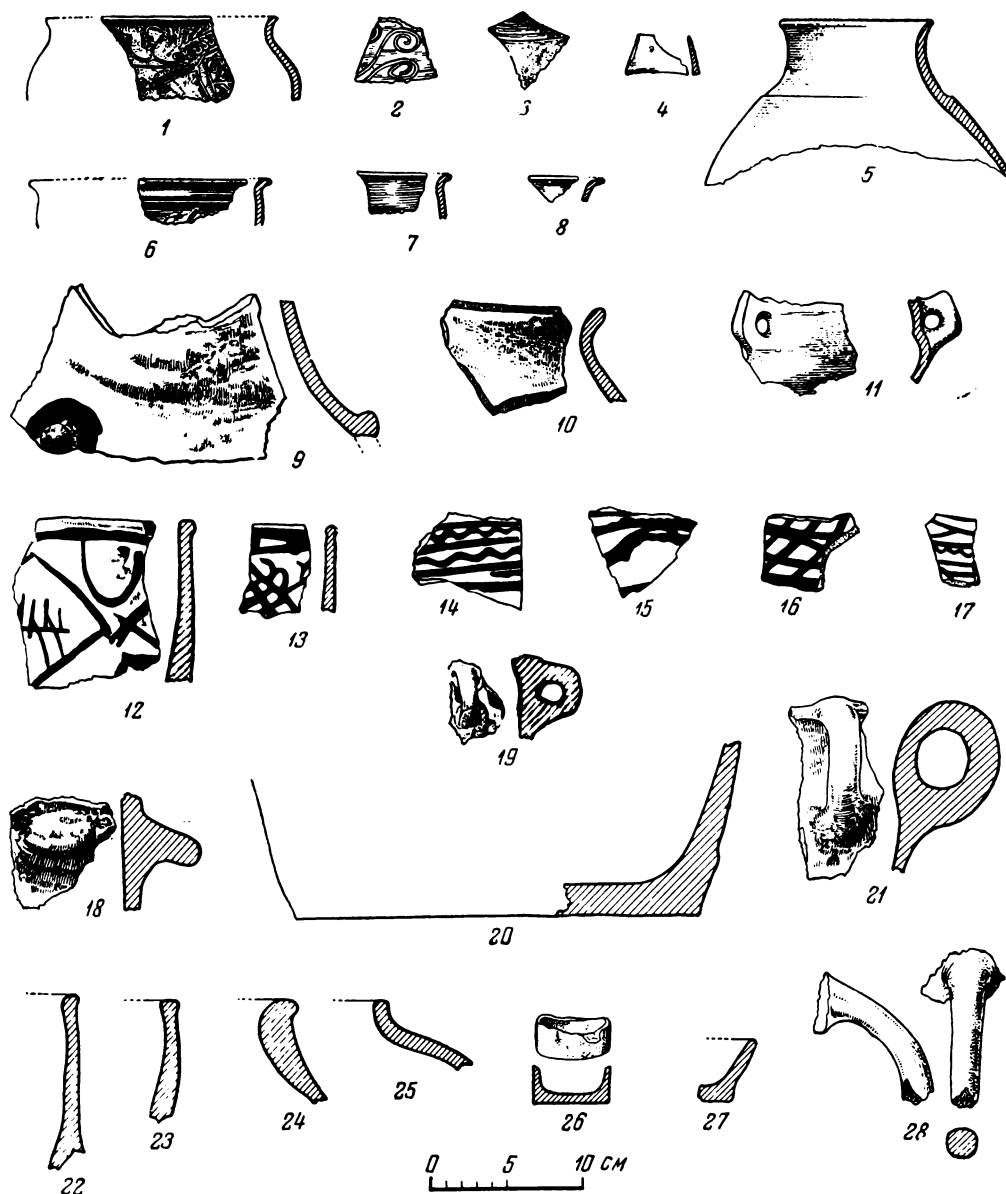


Рис. 37. Керамика Дунбулака I периода

4,5 м. Малочисленность подобных находок весьма примечательна (рис. 38, а, б).

Слой, лежащие выше уровня венчика хума, до галечной прослойки, относятся к периоду Дунбулак II, когда исчезает расписная керамика и посуда с красным ангобом сосуществует с грубой лепной керамикой.

Количество керамики с красным ангобом увеличивалось по мере углубления вниз. Единичные черепки встречались уже в самых верхних слоях: на

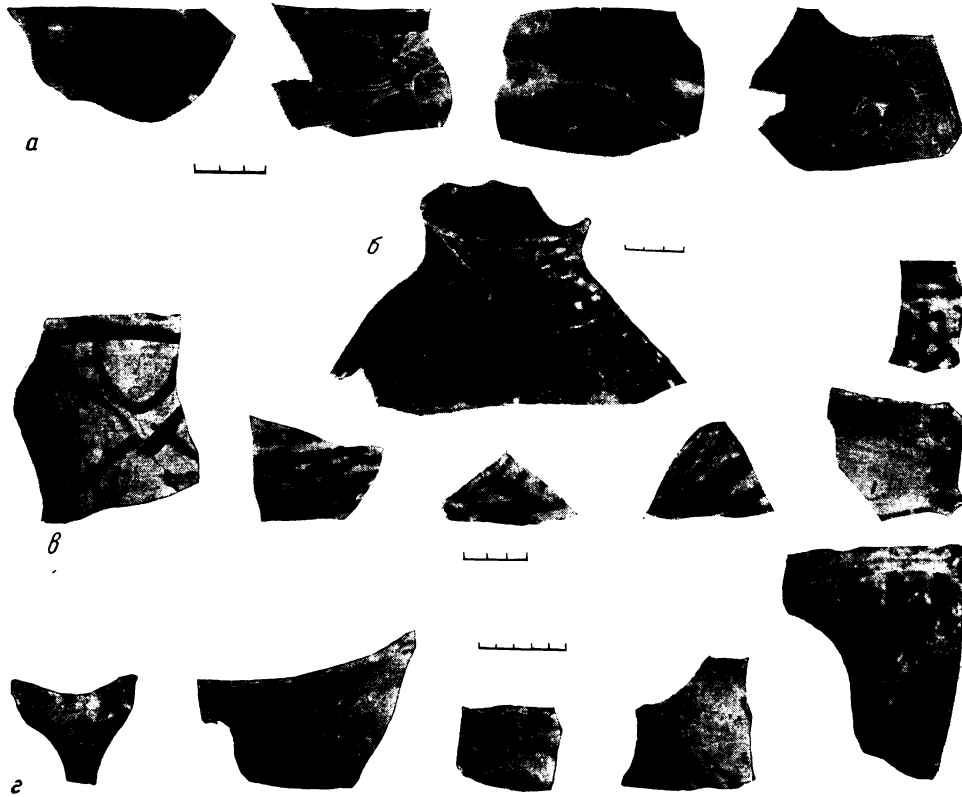


Рис. 38. Типы керамики Дунбулака:

a, б — с красным ангобом; *в* — расписная; *г* — лепная с примесью дресвы

глубине 0—3,3 м — 4 экз., на глубине 3,3—5 м — 8 экз., на глубине 5—6 м — 11 экз. и на глубине 7,5—8,5 м — 70 экз.

При этом следует учитывать, что площадь культурного слоя, вскрытого на глубине 7,5—8,5 м, равна приблизительно 4 м^2 , в то время как на глубине 5—6 м была вскрыта площадь в несколько раз бóльшая, а на самом верху еще больше. На городище Дунбулак на меньшей площади найдено значительно больше керамики с красным ангобом, чем на городище Шурабашат. В нижних слоях встречались крупные фрагменты, половинки сосудов, тогда как в верхних слоях попадались главным образом небольшие обломки. Грубая лепная посуда встречалась уже в нижних слоях. В период Дунбулак II (рис. 38, *г*; 39) количество ее значительно увеличилось, а в следующий период она уже стала преобладающей. Ко II периоду несомненно следует отнести хум, открытый на глубине 7—8 м. По форме и отделке он отличается от шурабашатских и близок к хуму Мархаматского городища (рис. 40, 3).

В этом же слое найдены поделки из кости: три костяные проколки (рис. 41, 1), альчик, срезанный с двух сторон и зашлифованный. В центре его просверлено сквозное отверстие (рис. 41, 2). Кроме того, найдено две поделки из трубчатой кости, обрезанные с обоих концов (рис. 41, 3 и 4). Отсюда же происходит круглая галька с углублением на двух сторонах, служившая подпятником, и обломок каменной терки со сточенным желобком в середине (рис. 41, 8, 11). В этом слое и в других найдено несколько камен-

ных брусков и точил разной формы и размеров. На обломке одного точила в верхнем конце имеется отверстие для привязывания (рис. 41, 12).

Найдены две глиняные цилиндрические подставки со срезанной вершиной. Одна из них, более массивная, лежала поблизости от очажного скопления и, возможно, служила очажной подставкой (рис. 41, 9). Другая

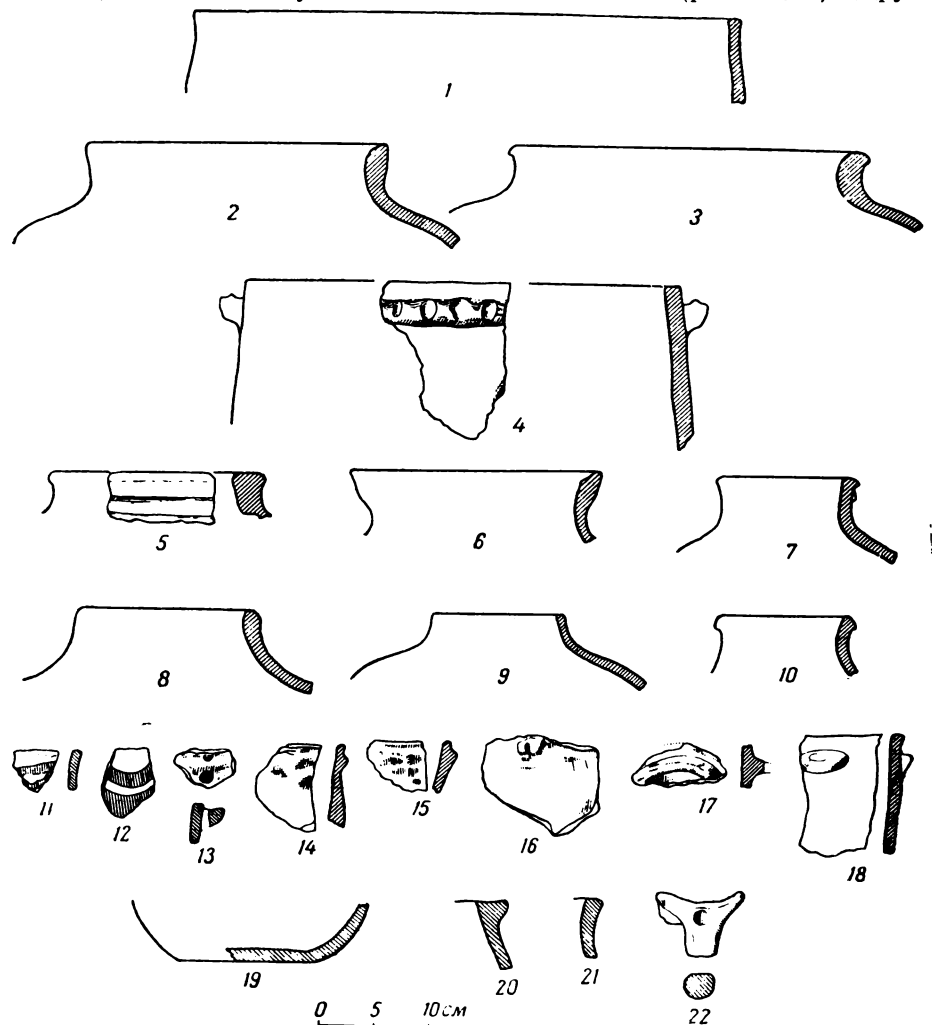


Рис. 39. Керамика Дунбулака II периода

значительно меньшего размера, с треугольной верхней площадкой (рис. 41, 10). Назначение этих глиняных предметов остается неизвестным. В этом же слое найден кусок камня красного цвета (рис. 32, 7). По заключению С. А. Семенова, это минеральный краситель, который превращали в порошок и затем смешивали с водой. Об этом свидетельствуют следы шлифовки на выщербленных участках.

Одно глиняное прясло биконической формы с желобками на одной части, покрытое красным ангобом, найдено в слое II периода. Второе сходное прясло поднято на поверхности городища (рис. 41, 5 и 6). Прясла по форме совершенно аналогичны известным на многих памятниках Ферганы

последних веков до н. э. и первых веков н. э. и отличаются от прясли Шурабашата.

В большом количестве в слоях Дунбулак II и других встречались зернотерки разной формы и размеров. Всего в раскопе их собрано около 30 экземпляров.

Между II и III периодами был период запустения, когда возникла мощная галечная прослойка толщиной 40—60 см.

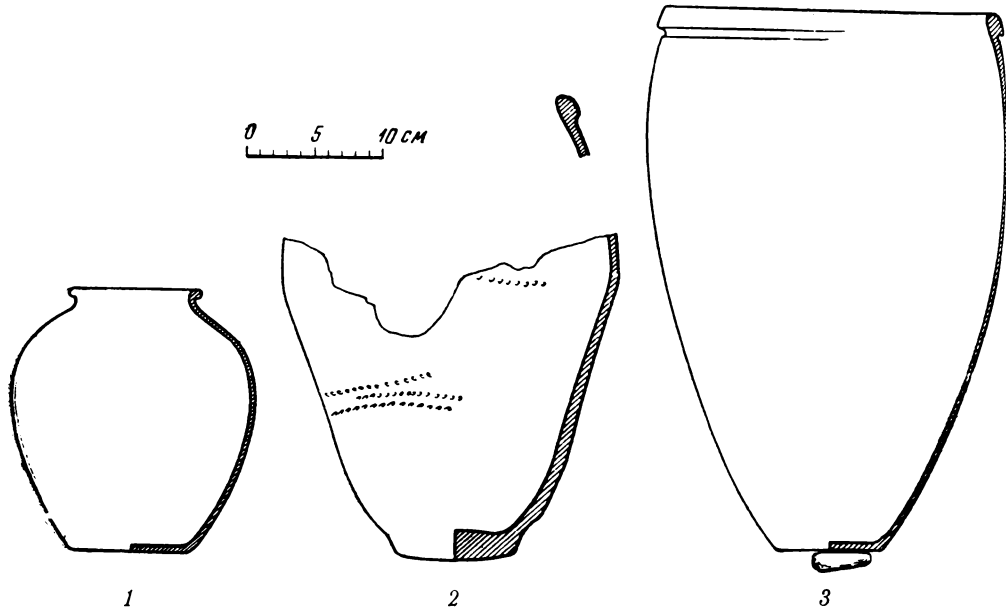


Рис. 40. Хумы. Дунбулак

В слое, лежащем над галечником и относящемся к периоду Дунбулак III, совсем не встречается посуда с красным ангобом, здесь преобладает грубая лепная керамика с наклепным орнаментом (рис. 42). В верхних слоях найдены единичные обломки средневековой сероглиняной посуды с гребенчатым орнаментом и расписная средневековая керамика узгенского типа. Однако в этом слое, так же как и на поверхности городища, полностью отсутствует поливная посуда. Лепная керамика этого слоя напоминает посуду раннесредневекового Касана. К этому периоду относится хум, открытый в верхнем слое (рис. 40, 1). Второй хум, обнаруженный при зачистке стен, находился между двумя галечными прослойками. На внешней поверхности его имеются отпечатки веревочки (рис. 40, 2). Эта деталь характерна для хумов первых веков н. э. (Мархамат, Кюль-тепе возле Хакулабада, тепе на 11-м километре дороги Ош-Карасу и др.).

На поверхности городища найден обломок котла, изготовленного на гончарном круге, с облицовкой красного цвета. Эта находка совершенно сходна с аналогичными из Узгена. В подъемной керамике имеются два черепка с расписным орнаментом, нанесенным коричневой краской. Они отличаются от расписной керамики, найденной в нижнем слое Дунбулака и на Шурабашате. Самые полные аналогии им встречаются в средневековой расписной посуде Узгена. На поверхности городища найдено несколько фрагментов неполивной керамики с волнистым резным орнаментом, характерной также для средневекового Узгена. Эти находки позволяют предпо-

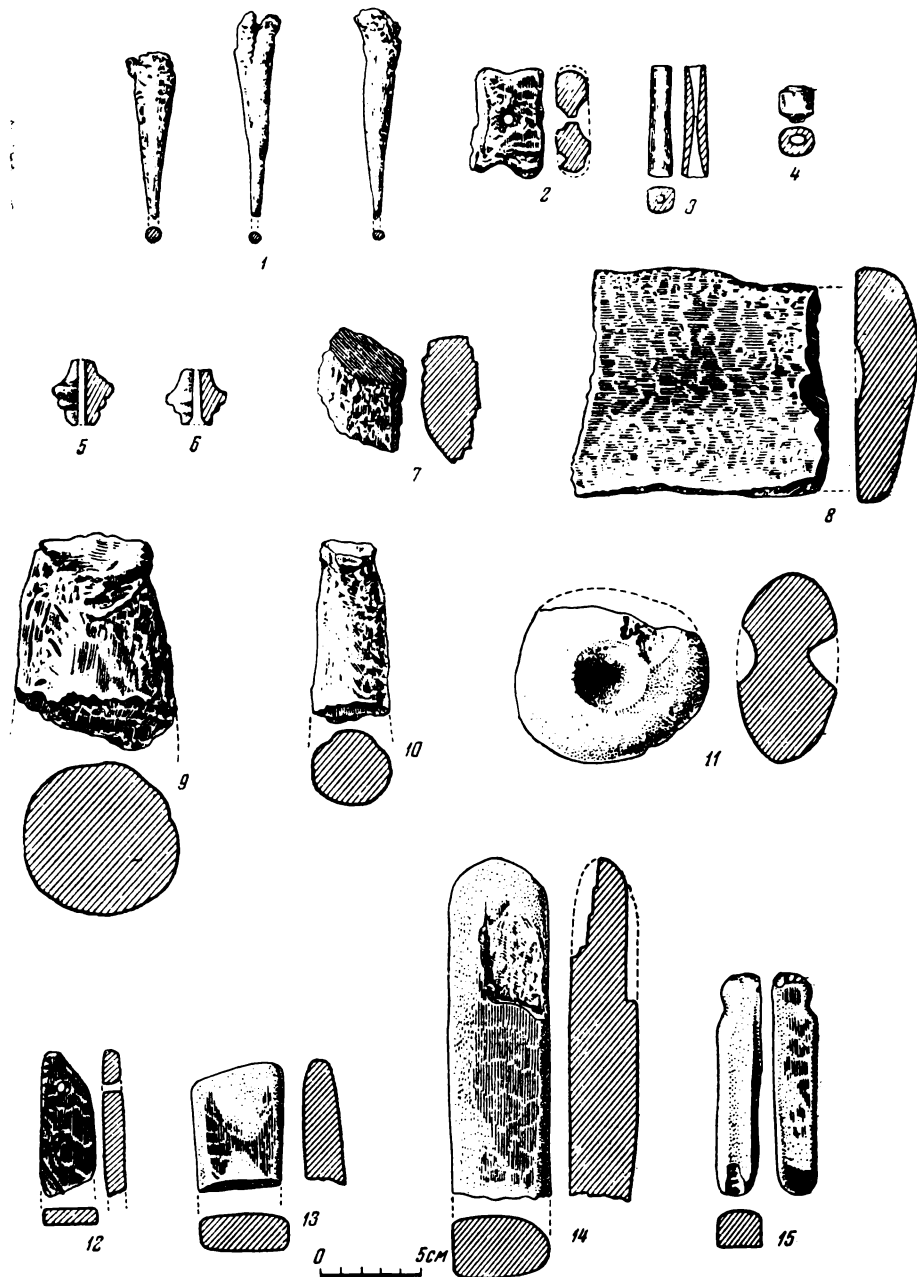


Рис. 41. Изделия из кости (1—4), глины (5, 6, 9, 10) и камня (7, 8, 11—15)

ложить существование поселения еще более позднего времени и выделить эти находки как самые поздние в периоде Дунбулак III.

Материалы периода Дунбулак I имеют сходство с шурабашатскими и мархаматскими находками. Это относится не только к основным типам керамики, но особенно ярко проявляется в расписной керамике и посуде с красным ангобом, в частности сходны ручки (рис. 37, 9, 18, 19; 37, 13—18) в виде сосцевидных выступов, горизонтальные и др.

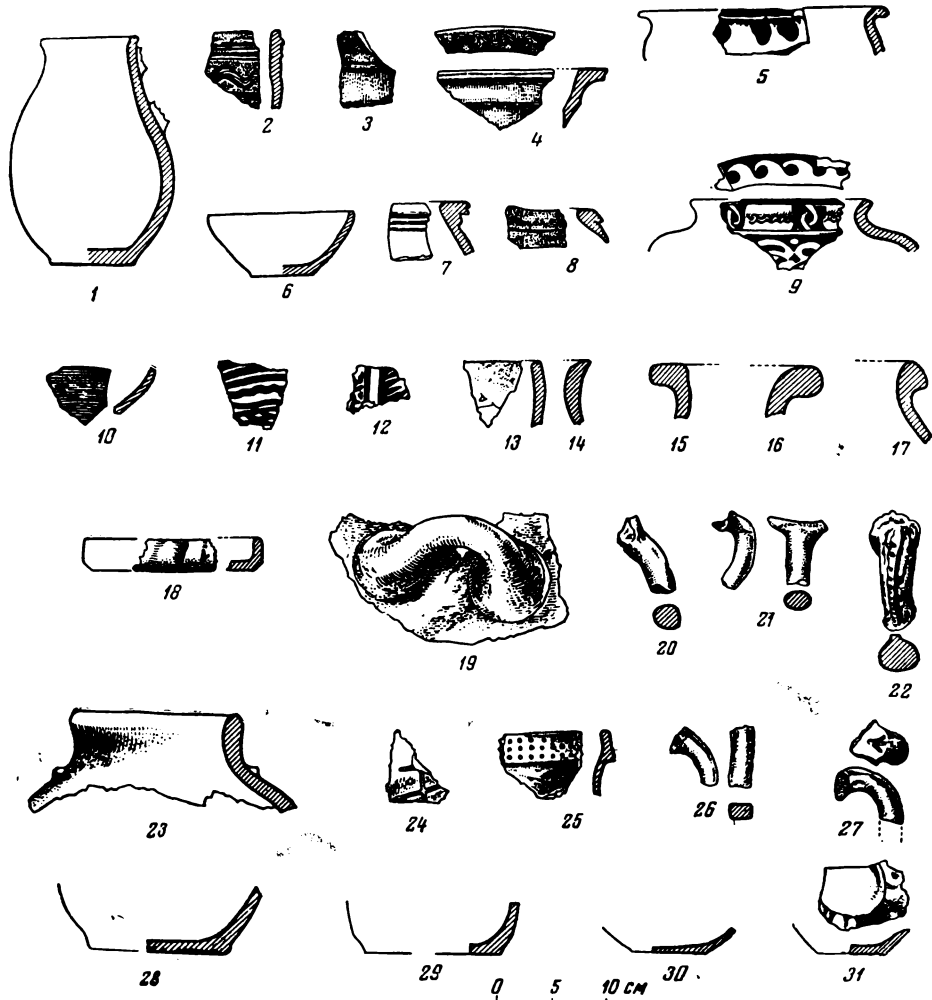


Рис. 42. Керамика Дунбулака III периода

Наиболее вероятные даты: Дунбулак I — последние века (II—I) до н. э.; Дунбулак II — первые века н. э., а Дунбулак III—V—VIII вв. н. э. Таким образом, раскопки на городище Дунбулак дали стратиграфическую колонку, характеризующую культуру начиная с II—I вв. до н. э. и подводящую к IX—X вв., ко времени средневекового Узгена.

Средневековый Узген

Начало археологического изучения Узгенского городища относится к 1885 г., когда Н. И. Веселовский провел раскопки в пяти местах на старой крепости⁶⁹, очевидно, на центральном городище в Узгене. При раскопках обнаружены жженые кирпичи, зола, бараньи кости и кусок стекла розового цвета. В западной части кургана (крепости) было найдено шесть человеческих черепов, лежавших в два ряда и кости. В других местах обнару-

⁶⁹ Архив ИИМК АН СССР, д. № 20, 1883 г., л. 45.

жили каменную плиту, битое стекло, обломанный железный нож и медный браслет. В опубликованном отчете Н. И. Веселовский сообщал о раскопе в самом кишлаке Узген, на восток от крепости, где на глубине около 1 м была открыта кладка из сырцовых кирпичей, под которой оказалось четыре человеческих скелета⁷⁰. Из приведенного им описания нельзя точно установить, где именно производил раскопки Н. И. Веселовский на городище Узген и что было им открыто. В его отчете отсутствует всякая фиксация работ. Нет ее также в рукописных материалах. Из всего этого явствует, что работы Н. И. Веселовского дали очень мало для изучения средневекового Узгена и имеют только историографическое значение. Удивительно, что внимание Н. И. Веселовского не привлекли замечательные архитектурные памятники; они даже не упомянуты в его отчете.

После Н. И. Веселовского в течение длительного периода Узген изучался лишь в историко-архитектурном направлении. И только в 1927 г., наряду с исследованием мавзолеев, было обращено внимание на развалины самого города. М. Е. Массон обследовал городище и составил его схематический план. Он установил, что современный город передвинулся выше по течению арыков и только частично занимает территорию средневекового города. М. Е. Массон определил цитадель, обнаружил местоположение двух керамических «заводов», нашел и прочитал надписи на 28 кайраках. Он собрал на поверхности обломки керамики, открыл целый очажок, два бронзовых светильника и некоторое количество средневековых монет. Материалы, собранные М. Е. Массоном на Узгенском городище, не были опубликованы, за исключением монетных находок⁷¹. Об этих работах появилась информационная заметка⁷².

В 1941 г. Узгенское городище обследовал А. Н. Бернштам и дал его описание. Он высказал предположение о наличии на Узгене древних слов и сопоставил древний город Ю, упоминаемый в китайской хронике, с Узгеном⁷³. Тогда же были осмотрены некоторые другие памятники в окрестностях Узгена — городище напротив Узгена и курганы между Куршабом и Узгеном.

Следует отметить, что А. Н. Бернштам сначала упоминал только об одном центральном городище в Узгене, рядом с которым позднее им были обнаружены еще два.

Изучение Узгена и его оазиса было продолжено А. Н. Бернштамом в 1944 г.⁷⁴ Основным результатом этой поездки явилось уточнение топографии города. На составленном схематическом плане Узгена показано уже три отдельных площадки-шахристана средневекового города. Им были осмотрены также памятники к востоку от Узгена до сел. Советское. В 1945 г. А. Н. Бернштамом на всех трех шахристанах Узгена были заложены разведочные раскопы. Освещая результаты работ 1945 г., исследователь очень кратко коснулся раскопок и находок, а основное внимание уделил характеристике особенностей узгенского комплекса городищ и

⁷⁰ ОАК за 1882—1888, стр. LXXIII—LXXIV.

⁷¹ М. Е. М а с с о н. Монетные находки..., стр. 292.

⁷² И. И. У м н я к о в. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Сред-азкомстариса в 1927 году. «Изв. Средазкомстариса», вып. III, 1928, стр. 267. В музее истории Узбекской ССР в Ташкенте хранятся коллекции керамики, собранные на Узгене М. Е. Массоном (коллекции № 147 и 137).

⁷³ А. Н. Б е р н ш т а м. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии... Это сопоставление было предложено ранее Н. Г. Маллицким. (См. Н. Г. М а л л и ц к и й. О торговом пути от Узгена на Кашгар. «Изв. ТОРГО», т. XVII, 1924, стр. 223).

⁷⁴ А. Н. Б е р н ш т а м. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. «Изв. Киргизского филиала АН СССР», вып. II—III, 1945, стр. 68.

значения Узгена в истории Ферганы и Средней Азии⁷⁵. А. Н. Бернштам опубликовал план Узгена⁷⁶, опыт реконструкции его и несколько таблиц керамики, в том числе три цветных. Работы А. Н. Бернштама 1941, 1944 и 1945 гг. представляют дальнейший шаг в подготовке к большим стационарным раскопкам на городище. Они определили направление изучения средневекового Узгена и показали значение этого города в истории Ферганы и Средней Азии.

Однако отсутствие подробного отчета о ходе раскопок, планов и разрезов раскопов и анализа находок снижает значение подготовительной работы, проведенной на Узгенском городище в 1945 г. Вот почему в 1953 г., когда Узгенский отряд Киргизской экспедиции возобновил работы на Узгене, пришлось в некотором отношении начинать с начала.

Раскопки в 1953 г. произведены в двух местах в юго-западной части центрального городища, они носили разведывательный характер. Н. Н. Забелина установила существование четырех жилых периодов — наслоений XI — начала XIII в., толщина которых не превышает 2—3 м и которые лежат на чистом материковом лёссе. Существенных изменений в поливной керамике Узгена XI — начала XIII вв. не отмечено. Новые памятники выявлены при обследовании Узгенского оазиса.

В своем отчете Н. Н. Забелина⁷⁷ ограничилась кратким описанием раскопов и общей характеристикой находок. С предложенным ею дробным членением слоев, основанном на находках монет разного времени, согласиться нельзя, так как она не учитывала возможности длительного употребления монет. К тому же не были установлены существенные изменения в строительных комплексах и в керамических материалах каждого слоя. После работ Н. Н. Забелиной создается впечатление о незначительности культурных наслоений на Узгене. Оставалось также неясным время возникновения здесь поселения, не было выяснено, одновременно ли возникли все городища-шахристаны и в какой последовательности расширялась территория города.

Работы Южнокиргизского отряда в 1954 г. на Узгенском городище в основном были направлены на то, чтобы выяснить характер культурных напластований на южном склоне и на вершине центрального городища, получить материалы для определения последовательности развития городской территории средневекового Узгена и выявить пункты, наиболее перспективные для постановки больших стационарных работ на городище.

Раскопки производились одновременно на двух шахристанах. Кроме того, была детально обследована вся территория городища. Топографические наблюдения относительно границ средневекового города в основном подтвердились и были лишь дополнены. На опубликованном А. Н. Бернштамом плане показано три площадки, на которых располагался средневековый Узген. Расширение района обследования позволило установить, что границы города проходили значительно западнее, чем это показано на плане. Обширная площадь к западу от шахристана II была также заселена и несомненно составляла органическую часть средневекового Узгена

⁷⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 260; его же. К истории фергано-тяньшаньских культурных отношений. (Из итогов работ 1945 г.). «Изв. Киргизского филиала АН СССР», вып. IV—V, (1946), 1947, стр. 118 и сл.

⁷⁶ А. Н. Бернштам. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае. КСИИМК, вып. 28, 1949, рис. 10, б; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 253—262, рис. 109.

⁷⁷ Н. Н. Забелина. Отчет о работе Узгенского отряда в 1953 г. Рукопись 1953 г. Фонды Института Истории АН Киргизской ССР.

(рис. 43). На поверхности его поднято несколько обломков водопроводных труб и средневековой керамики. Особенно многочисленны обломки посуды и куски шлака в районе современного кладбища ⁷⁸.

На центральном городище (Узген III) были продолжены работы на основном раскопе 1953 г. За год раскоп был сильно разрушен и прежде всего пришлось зачистить его стенки и дно. Раскоп размером 17 м 30 см × 4 м находится на южном склоне городища (возле раскопа А. Н. Бернштама 1945 г.) и вытянут в меридиональном направлении. Раскопки 1954 г. проводились только в его северной части на площади 6 × 4 м (рис. 44). На глубине 2 м в южной части нашего раскопа расширено четыре хозяйственные ямы разного размера. Одна из них диаметром в 70 см. В ней найдены на глубине около 3 м две небольшие пиалы со следами белой поливы, обломки стеклянной, а также неполивной и поливной посуды. Под пиалами оказалось четыре целых и одна половинка медной китайской монеты с квадратным отверстием.

В обресе северной стенки раскопа обнаружена на глубине 1,8 м кладка из сырцовых кирпичей, высотой около 40 см. Рядом с кладкой на этой же глубине в северо-восточном углу находилась мусорная яма № 1 глубиной до 6 м. При расчистке ее добыто большое количество обломков неполивной и поливной керамики, а также стеклянной посуды и две медные монеты. В яме на глубине 2,5 м находился чираг с петлевидной ручкой, покрытый белой глазурью с черным узором. Рядом с ним оказался фрагмент сероглиняного кувшина с вертикальной ручкой, имеющей выступ на верхней части. Здесь же лежал обломок ручного жернова диаметром 29 см. Ниже, на глубине 2,7 м, были найдены половина сферо-конического сосуда и разбитый кухонный котел с горизонтальной ручкой. Еще ниже оказалось каменное точило, а на глубине 3,7 м — два дна от стеклянных сосудов. На глубине 4,2—4,3 м найдены обломки полусферической стеклянной чаши и графина со своеобразным фигурным венчиком. На глубине 4,6—5,25 м в яме обнаружены обломки стеклянной посуды, поливной миски с растительным орнаментом, пять бус, разбитый кувшин с вертикальной ручкой и высокой горловиной, который удалось собрать полностью, а также обломки железных предметов и две сильно окислившиеся монеты (на глубине 4,7 м). По мере углубления яма постепенно сужалась и если на глубине 2 м диаметр ее был 90 см, то на отметке 3,2 м он равнялся 75 см.

В северо-западном углу раскопа рядом с первой мусорной ямой на глубине 2,5 м была открыта вторая. В ней не оказалось находок, она шла в глубину до 3,3 м. После ливня, который размыл крайние ямы № 5 и 6, площадь раскопа пришлось сократить до 4 × 3 м, а на глубине 4,6 м его уменьшили еще на половину, и работы продолжались в северо-восточной части в шурфе (2 × 3 м). После того, как в этом шурфе полностью расчистили яму (до отметки 6 м), раскоп продолжили в однородном материковом лёссовидном суглинке до глубины 10 м. Никаких следов более ранних культурных слоев не было обнаружено. Это служит бесспорным

⁷⁸ На плане Узгена городище с мавзолеями именуется «шахристан III». В тексте А. Н. Бернштама (Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 256) эта часть Узгена названа «шахристан II». При этом сказано, что он расположен к югу от центрального городища, в действительности же он находится от него на восток. Перепутана также нумерация шахристанов: в тексте сказано, что пещеры находятся на шахристане III, а на плане и в действительности они располагаются на шахристане II (стр. 256, 258). Ввиду такой путаницы и открытия еще одного шахристана в данной работе шахристаном I названо городище Узген I, открытое в 1954 г., шахристан II сохраняет свой номер (Узген II), шахристан I — назван Узгеном III, а шахристан III — Узгеном IV.

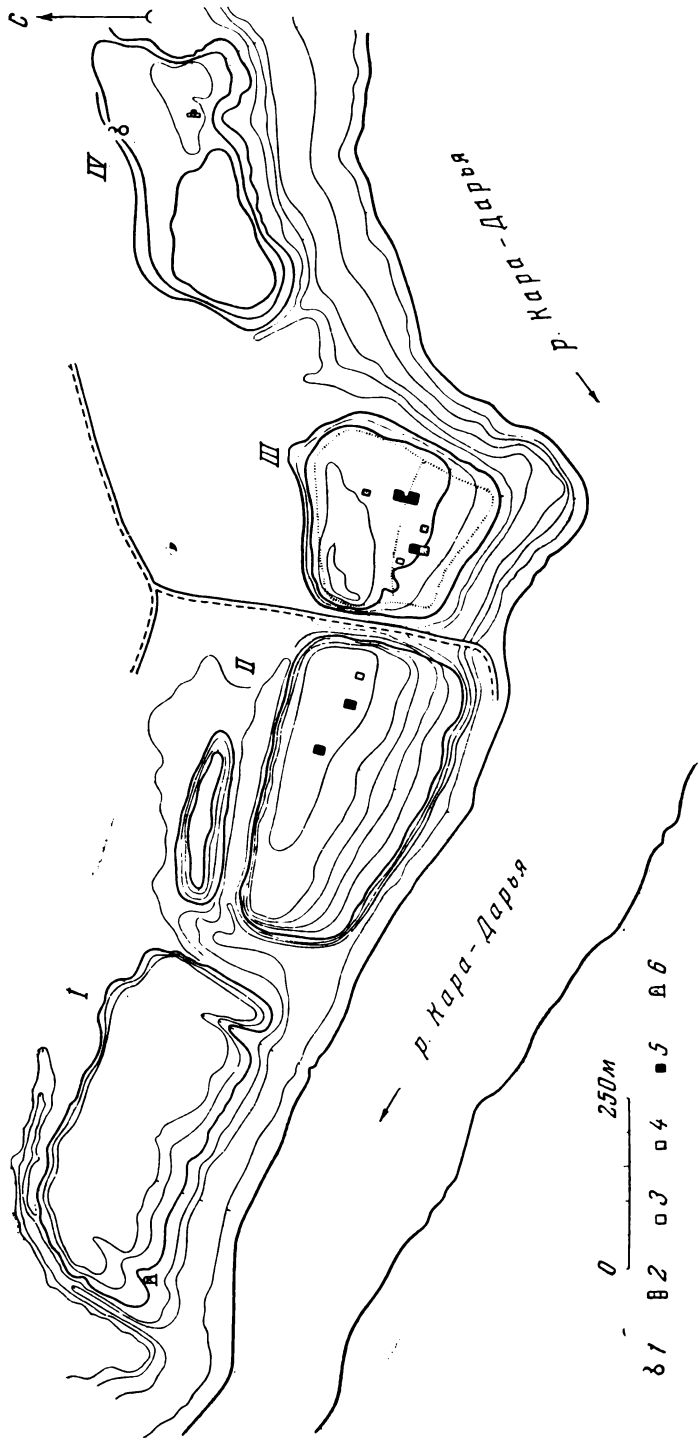


Рис. 43. Узген. План городища:

1 — минарет; 2 — мавзолей; 3 — раскопы 1945 г.; 4 — то же, 1953 г.; 5 — то же, 1954 г.; 6 — кайраки

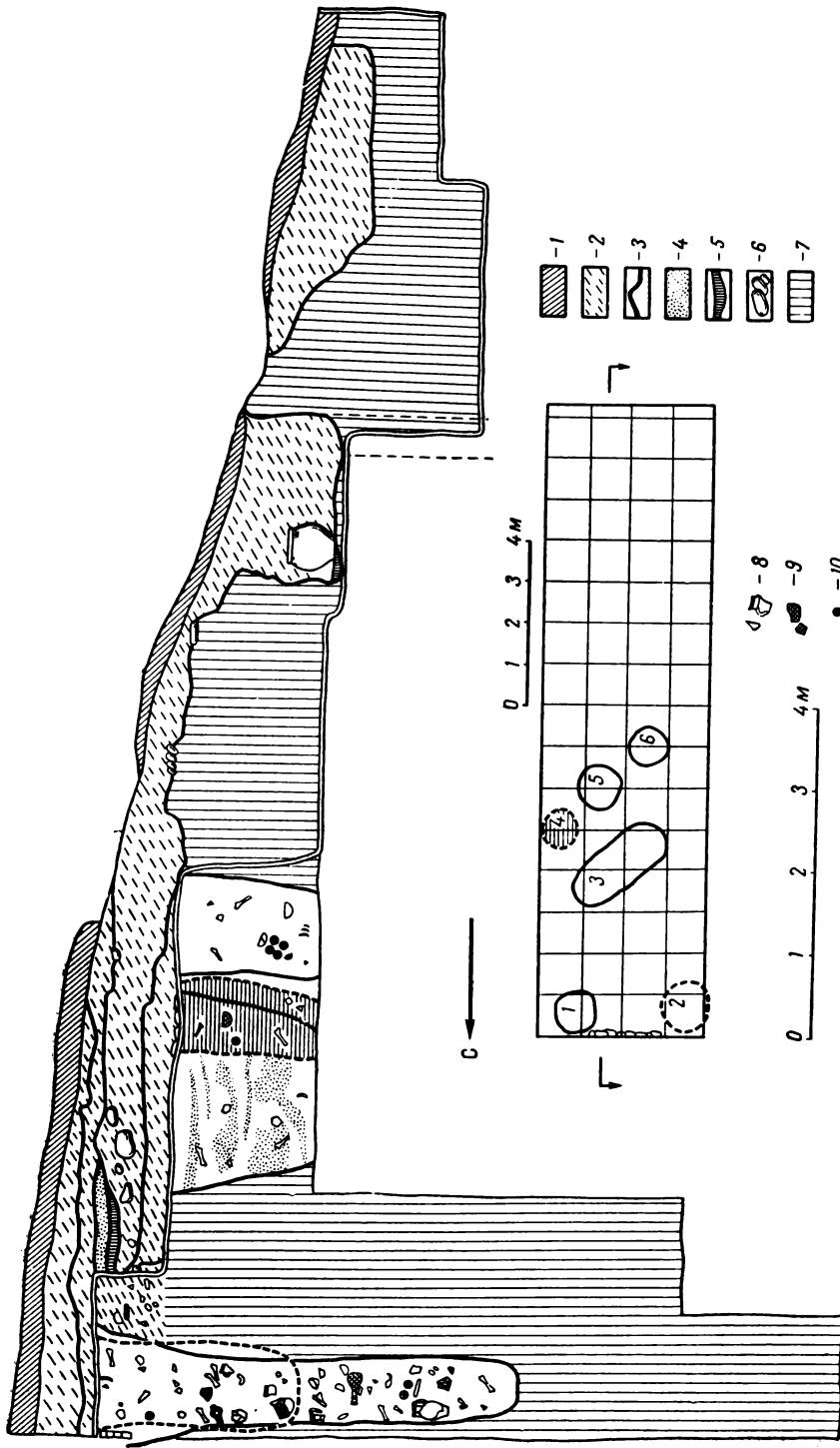


Рис. 44. Узген III. План и разрез раскопа I:

1 — пахотный слой; 2 — рыхлый лёсс; 3 — горизонт культурного слоя; 4 — зола; 5 — очаг; 6 — камни; 7 — материковый лёсс;
 8 — керамика; 9 — стекло; 10 — монеты



Рис. 45. Фундамент крепостного вала в раскопе I I

доказательством отсутствия более ранних слоев, чем слои караханидского времени, в юго-западной части центрального городища. Тем самым подтвердилось предположение Н. Н. Забелиной о незначительной толщине культурных напластований на южном склоне городища. Однако здесь при переброске земли на глубине 2,3 м во вторичном залегании был найден черепок с росписью. По фактуре и характеру орнамента он сходен с керамикой Чуста и Дальверзина и может быть отнесен к эпохе бронзы. Наличие такого обломка в средневековом слое, возможно, сигнализирует о нахождении поблизости остатков более древнего поселения.

Второй раскоп в виде траншеи был заложен на верхней площадке того же городища, в его восточной части. Он перерезал широтную крепостную стену. Раскоп состоит из трех секций: южной 8×6 м (к югу от вала), средней — 9×3 м и северной 8×6 м (к северу от вала). Общая площадь раскопа равна 123 м^2 . Траншея была заложена с таким расчетом, чтобы при продолжении на север она могла соединиться с небольшим шурфом 1953 г. в северо-западном углу большого здания, стены которого четко видны на поверхности. Углубление начали в средней секции, расположенной между внутренним валом на юге и южной стеной большого здания. Здесь на участке шириной 3 м расчистили часть вала, являющегося остатками крепостной стены. Стена эта в виде низкого вала пересекает все городище в направлении с запада на восток. На глубине 60 см под дерном был открыт фундамент крепостной стены. Сама стена, очевидно, была сложена из сырцовых кирпичей и не сохранилась. Верхнюю часть фундамента составляли три ряда жженных кирпичей, положенных под углом на ребро. Под ними находился ряд крупных валунов. Промежутки между свободно лежащими валунами заполнены гумусным грунтом и обломками гуваяка. Пространство между кирпичами также заполнено землей. Ширина этой стены в обресе равна 1,4 м. Высота кладки (рис. 43) от дневной поверхности около 1,2 м.

Ниже слоя кладки, на глубине 1,8 м, в обресе найдена часть большого кувшина. Рядом с ним находилось зольное скопление, а ниже кувшина проходила мусорная прослойка с костями животных, обломками керамики и железных предметов. Здесь собрано несколько крупных сердоликовых бусин. На глубине 2,6 м обнаружено несколько валунов, и культурный слой здесь закончился. Ниже в северном обресе секции раскопа оказался

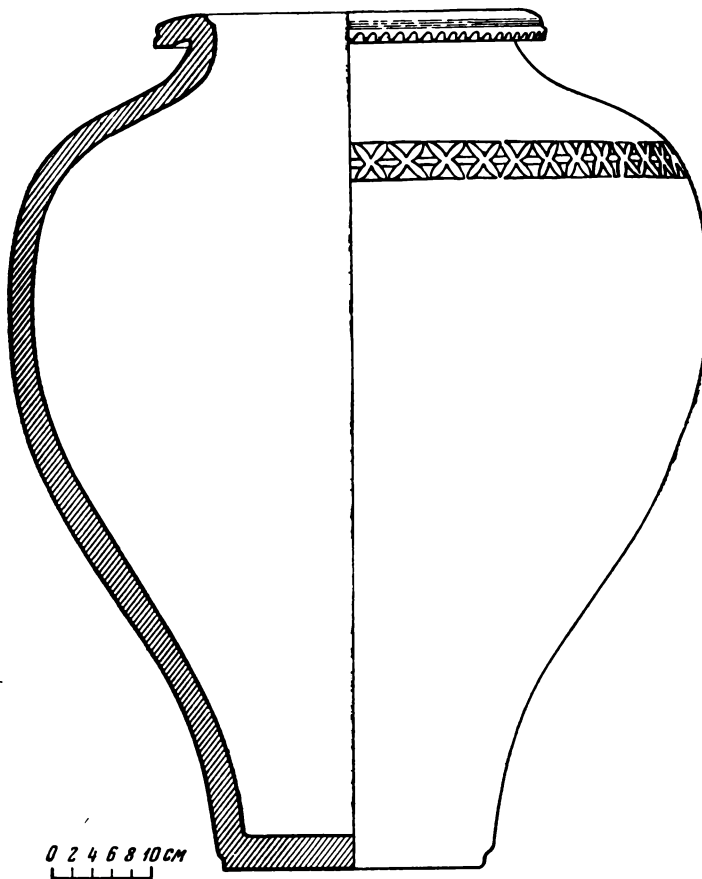


Рис. 46. Хум из раскопа II на городище Узген III

целый хум, дно которого находилось на отметке 3,6 м. Высота его равна 82 см (рис. 46). Горловина хума была прикрыта жженным кирпичем (размером $23 \times 26 \times 5$ см). Отдельные предметы в нижней части культурного слоя — на уровне горловины хума, встречались на всей площади средней секции. В ее северо-западном углу расчищена мусорная яма 70×90 см, глубиной 40—50 см. Верхняя прослойка на глубине 1,8 м также была четко видна на всей площади. Культурные остатки исчезли на глубине 2,6—3 м на всей площади секции. Ниже идет материковый лёссовидный суглинок. Работы в средней секции II раскопа закончились на глубине 4,2 м от основного репера (на вершине вала).

В южной секции на глубине 70 см проходил земляной пол, выложенный на отдельных участках жженным кирпичем. Под слоем кирпича в северной части секции обнаружена мусорная яма с обломками железных гвоздей, стержня, кусками стекла, расписной и полированной керамикой и

бусами.¹ Мусорная яма закончилась на глубине 1,6 м, но находки продолжались до отметки 2,5 м, где была обнаружена выкладка в один ряд кирпичей и валунов. Эта вымостка составляла часть пола помещения караханидского периода, к которому относится хум, открытый в средней секции. Крепостная стена возведена на развалинах этой постройки. Северный ее край четко выделяется, южный край прослеживается очень плохо. Сверху стена сильно разрушена ямами.

У восточной стены раскопа расчищен тандыр сплюсненной формы, диаметр его 70 см, высота 40 см, толщина стенок 4 см. Внутри него ничего не оказалось, кроме золы. Возле тандыра расчищена зольная яма с небольшим количеством обломков керамики. Эта яма продолжалась до глубины 3,5 м. На всей остальной площади культурный слой доходил до глубины 2,2—2,4 м. В западной стенке раскопа перерезана еще одна мусорная яма, в которой найдены обломки поливного горшка с четырьмя плоскими ручками (рис. 47,з). В этой яме оказался поливной сувак.

В южной секции можно выделить три слоя: первый — на глубине 2,5 м, на уровне вымостки и горловины хума в средней секции, второй — выше, до вымостки на глубине 70 см и третий — разрушенный, с земляным полом и вымосткой на отметке 70 см.

Совершенно иная картина открылась в северной секции. Здесь расчищена глинобитная стена большого здания. Ширина стены 1,7 м. Севернее ее на всей вскрытой площади шел мощный культурный слой, начиная от уровня горловины хума караханидского времени (на глубине 2,8—3 м) и до глубины 9 м от центрального репера (на вершине вала). В восточной части раскопа открыт стык южной и восточной стен. В северо-восточной части раскопа не удалось углубить, так как здесь хоронили скот. В этой части раскопа найдены три почти целых чирага, покрытых белой поливой с коричневым узором, обломки стеклянной посуды, в том числе вазы из черного стекла, каменное точило, фрагменты расписной и поливной керамики и обломки кирпича. Культурный слой шел и глубже, но продолжить работы не удалось и до материкового грунта этот раскоп не дошел.

Таким образом, было установлено, что культурные слои на верхней площадке центрального городища имеют значительную толщину — свыше 9 м, в то время как на южном склоне они не превышают 2—3 м. Можно полагать, что сооружение широтной стены на городище относится к позднему времени, не исключена возможность, что она была построена в XVII—XVIII вв. на развалинах более ранних построек.

На городище Узген II заложено два шурфа — первый на верхней площадке, в 40 м от ее северного края и в 125 м к западу от раскопа 1945 г. Второй шурф в 35 м западнее того же раскопа 1945 г. и в 60 м от восточного края верхней площадки. Городище Узген II, так же как и центральное, отвесно обрывается к северу (здесь высота холма над уровнем поверхности достигает примерно 15 м) и полого спускается к берегу Кара-Дарьи на юге. В обресе южного склона видны выходы культурного слоя толщиной до 2 м, находящегося на глубине 20 м от вершины городища. На верхней площадке толщина культурного слоя в раскопах не превышала 2—3 м. Такое залегание культурного слоя позволяет предполагать, что площадка городища была разбита на несколько террас, уступами спускавшихся к берегу реки.

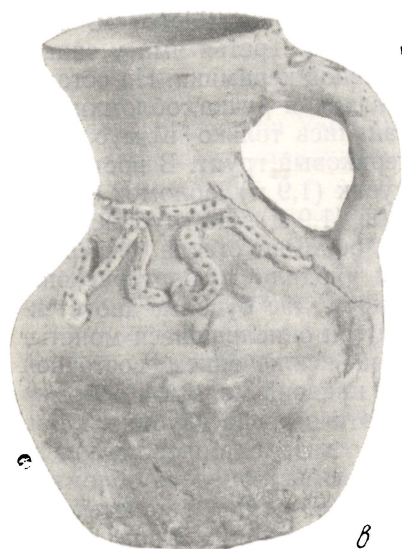
В первом шурфе (размером 6 × 4 м, ориентированном по странам света) на глубине 60 см оказалось несколько зольно-мусорных скоплений в разных частях. В них находились битые и целые жженные кирпичи, шлак,



а



б



в

г



д

Рис. 47. Неполивные (а—г) и поливной (д) сосуды. Узген.

угольки и зола, кости животных и обломки глиняной посуды. На этой глубине в северо-восточном углу обнаружен верх разбитого хума, дно которого находилось на глубине 1,4 м. Обломок венчика этого хума найден на глубине 1,2 м вблизи мусорной ямы. Отдельные скопления культурных остатков прослеживались до глубины 1,6 м. Самая большая мусорная яма в центре, размером 2×1,4 м, была вырыта в то время, когда на этом месте уже стоял упоминавшийся хум. При рытье ямы хум был разбит и часть его, обращенная в сторону ямы, отсутствует. В центре ямы на глубине 2 м найден целый кувшин с вертикальной ручкой и горловиной в виде раструба, опоясанный вокруг основания рельефными жгутами, изображающими змей (рис. 47, в). Яма закончилась на отметке 2,1 м. Последние находки сделаны на глубине 2,75 м. Следует упомянуть о находке обломанной стеклянной пробирки. Для контроля раскоп был углублен в материковый грунт до глубины 4,4 м, но внизу не было обнаружено никаких следов культурного слоя.

Толщина культурного слоя в этом шурфе равна 1—1,6 м и только мусорные ямы доходят до отметки 2,75 м. Вполне очевидно, что мусорная яма и найденный кувшин не одновременны хуму, хотя они относятся к одному хронологическому периоду — XI — начало XIII в.

Шурф II (размером 4×4 м) заложен на небольшом возвышении, в месте наибольшего скопления на поверхности жженных кирпичей и керамики. Здесь можно было ожидать обнаружения остатков крупной постройки. Большое количество разбросанных жженных кирпичей (размером 29×29×4,5 см; 30×15×4 и 20×17,5×4 см) и зольные пятна обнаружены в шурфе на глубине 75 см. Особенно богат находками слой в пределах 1,3—1,7 м. На этом уровне расчищена большая мусорная яма (2,4×1,3 м) у восточной стенки раскопа. В ней оказались обломок железного ножа и несколько гвоздей, костяная дужка, фрагменты керамики, скопление кристаллического вещества (кварца?), жженный кирпич 29×29×5 см. Вторая яма у северной стенки уходила в борт раскопа. Третья яма у западной стенки содержала большое количество поливной керамики. На остальной площади найдены горловина водолея, стеклянная ручка, обломки железа. Начиная с отметки 1,8 м находки попадались только в мусорных ямах, а на остальной площади проходил материковый грунт. В восточной яме найдены обломок чирага (1,8 м), целый сувак (1,9 м), обломок кирпича с голубой поливой и половина кесы с поливой (1,9 м). На глубине 2,8 м восточная яма сократилась, в ней попадались обломки стекла. Северная яма на этой глубине закончилась, а западная уходила в борт раскопа. В последней на отметке 2,9 м обнаружены чираг, две бусины, дно стеклянного сосуда, венчик стеклянного флакона и три окислившиеся монеты.

На глубине 3 м на всей площади шурфа, за исключением восточной ямы, идет материковый грунт. В восточной яме найдена монета и обломки нескольких стеклянных сосудов. Закончилась эта яма на глубине 3,5 м. Культурный слой в шурфе II толщиной до 2,6 м оказался более насыщенным находками, чем шурф I. Особенно много здесь встречалось обломков стеклянной посуды. Найдены также целые глиняные сосуды и монеты.

Несмотря на то, что оба шурфа были доведены до конца, в них не обнаружено следов IV слоя (кушано-тюркского), который был выявлен в раскопе 1945 г. на этом городище⁷⁹. Следует отметить незначительную толщину культурных наслоений на этом городище, по сравнению с тем, что было открыто на центральном городище. Ни в шурфах, ни в подъемном

⁷⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 258.

материале совершенно не попадалось керамики более ранней, чем относящаяся к XI — началу XIII вв. Сравнение материалов из раскопок на городищах Узген III (центральном) и Узген II показывает, что между ними нет существенных различий и что они относятся к одному периоду.

В результате наших работ были выявлены места, наиболее перспективные для стационарных раскопок. Их следует провести на верхней площадке центрального городища, в его восточной части, где открыты наиболее мощные культурные слои.



Рис. 48. Образцы расписной керамики. Узген

Культурные слои Узгенского городища богаты разнообразными находками: глиняная и стеклянная посуда, монеты, предметы из камня, железа, разные украшения и т. д.

Средневековая керамика Узгена чрезвычайно разнообразна по типам и формам и богато орнаментирована. Можно выделить семь типов керамики, различающихся по составу массы и способу изготовления, характеру орнаментации и назначению.

I — лепная грубая керамика, украшенная расписным растительно-геометрическим орнаментом. Разновидностью этого типа является монохромно раскрашенная посуда.

II — кухонная керамика, изготовленная из глины с большой примесью дровы.

III — бытовая посуда, изготовленная, как правило, на гончарном круге, покрытая белым ангобом и богато орнаментированная. Сюда же следует отнести и тонкую сероглиняную посуду.

IV — хумы.

Все перечисленные типы составляют группу неполивной посуды.

V — поливная керамика.

VI — керамические изделия специального назначения, изготовленные в особых технологических условиях: сферо-конические сосуды высокого клинкерного обжига и очажки. К этому типу следует отнести также водопроводные трубы.

VII — строительные материалы — жженный кирпич и терракотовые орнаментальные плиты.

Наиболее характерную черту керамического комплекса Узгена составляет значительное количество керамики I типа — своеобразной расписной посуды. Она по многим признакам отличается от расписной посуды эпохи бронзы и древнего периода (рис. 48).

На залощенную серо-желтоватую поверхность лепного сосуда наносили узор буро-коричневой краской. Орнамент покрывал только внешнюю поверхность и занимал в большинстве случаев почти всю поверхность сосуда от дна до ручек и носика. Такой орнамент встречается на различных формах сосудов: кувшинах, горшках, кружках, вазах, а также на небольших хумах. Чаще всего применялись следующие элементы орнамента: две волнистые линии, взаимно пересекающиеся, полоса S-овидных завитков, растительные побеги и завитки, зигзагообразная линия, меандровидный узор и др. (рис. 49). Преобладают в росписи криволинейные растительно-геометрические мотивы, причудливо заполняющие поверхность сосуда. Орнамент производит впечатление пестроты и в то же время нарядности. Роспись наносилась свободно, не по трафарету. Художественный эффект достигался контрастом светлого фона и коричневого узора. Следует отметить, что в росписи применялась только коричневая краска. Единственный образец украшен двухцветной росписью: красноватой и коричневатой красками (рис. 49, 42). Он относится к другому виду средневековой расписной посуды, которая представлена сосудами-водолями (мургоби). Этот обломок составляет исключение в Узгенской керамике.

Интересен расписной фрагмент с трапециевидной ручкой-выступом. На всех плоскостях выступа имеются вставки пасты зеленоватого цвета (рис. 49, 12). В 1953 г. был найден обломок вазы с фигурным венчиком (рис. 49, 43). Второй обломок подобного сосуда с накладным жгутом найден нами. Эта находка свидетельствует о том, что форма вазы характерна для Узгена. Интересно, что сходная форма венчика повторяется в стеклянном графине. Это соответствие позволяет предположить, что такая форма, не характерная для глиняной посуды, заимствована от стеклянной посуды Узгена или, может быть, металлической. Интересна клювовидная ручка на одном расписном фрагменте, напоминающая по форме ручки, характерные для керамики городища Мархамат и других памятников последних веков до н. э. и первых веков н. э. (49, 15). В этом прослеживаются следы традиции, характерной для более ранней керамики.

Расписная керамика найдена в слоях XI — начала XIII вв. Эти находки свидетельствуют об устойчивом и длительном сохранении в Фергане традиции применения росписи для украшения посуды. Истоки этой традиции восходят к эпохе бронзы. Наряду с ней сосуществует, но в значительно меньшем количестве керамика с облицовкой красно-карминного цвета, несколько похожая, с одной стороны, на крашеную посуду Шурабашатского городища, а с другой — на керамику с красным ангобом древнего периода. Последнюю напоминают образцы крашеной посуды, которые подвергнуты лощению. Наличие такой керамики, четко отличающейся от древней посуды с красным ангобом, но в известной степени продолжающей ее традиции, и послужило А. Н. Бернштаму основанием для утверждения о переживании кушанских традиций в керамическом производстве Узгена до караханидского времени. Найдены плоские овальные в разрезе ручки от подобных крашенных сосудов.

Таким образом, в керамике средневекового Узгена удерживаются некоторые традиции местной расписной, монохромно раскрашенной



Рис. 49. Расписная средневековая керамика. Узген

и покрытой красным ангобом и лощением посуды значительно более раннего периода.

Среди остальных типов четко выделяется керамика II типа — кухонная посуда серо-черного цвета с примесью дресвы, вволившейся для придания огнеупорности. Этот тип керамики представлен в основном котлами и горшками для варки пищи. Котлы изготовлены на гончарном круге, имеют ровные тонкие стенки. На плечиках расположены горизонтальные

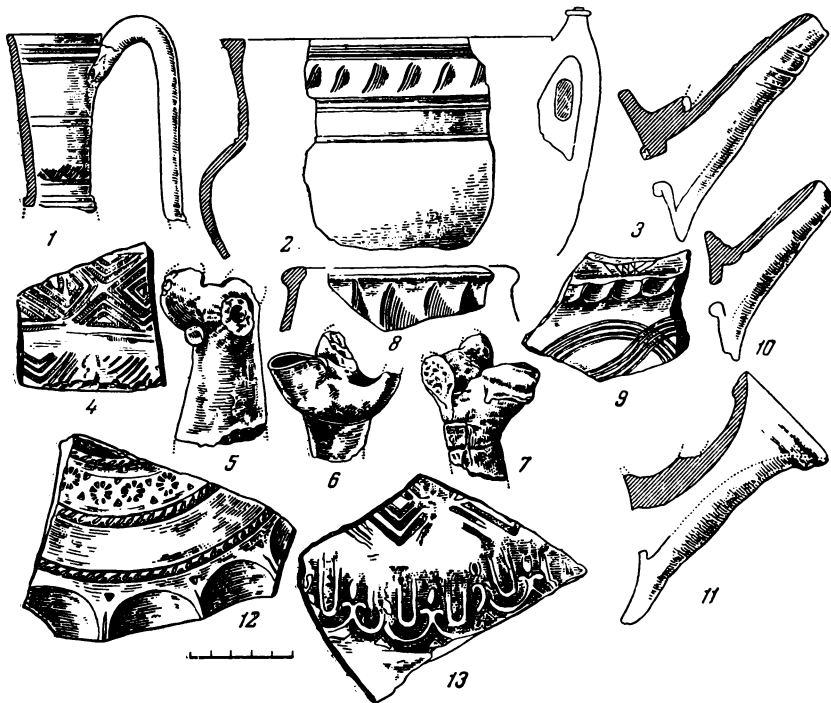


Рис. 50. Неполивная керамика. Узген

ручки в виде подковки. На одном фрагменте на дне имеется кольцевой выступ, свидетельствующий об изготовлении этой посуды на круге.

Керамика III типа — бытовая, неполированная посуда представлена несколькими разновидностями с белым ангобом и сероглиняная. Вся посуда этого типа, за некоторыми исключениями, изготовлена на гончарном круге из смешанной глины и хорошо обожжена. На городище найдены трехконечные подставки, служившие прокладками при обжиге посуды. Следует отметить некоторые особенности изготовления этой посуды. Интересен способ прикрепления ручек и носиков. Ручки изготовляли отдельно и на их концах оставляли штыри, которые при прикреплении ручек входили глубоко в стенки сосуда, а иногда и проникали насквозь. Этим путем достигали более прочного присоединения ручек к стенкам сосуда. Носики сосудов также формовались отдельно. Встречаются фрагменты с небрежно присоединенными носиками: после прикрепления носика не убраны куски глины и они закрывают изнутри отверстие носика.

Для керамики Узгена характерны длинные конические носики (рис. 50, 3, 10, 11). Особую группу составляют горловины сосудов в форме головы животного (рис. 50, 5—7). Представлены они тремя образцами. На одном из них заметно, как накладывались полоски глины. Грубо показана морда,

на голове два уха или рога. Какое животное изображено — непонятно. Одна фигурка несколько напоминает кабана. В 1953 г. найдены сходные водолеи с двумя высокими рогами.

Еще более схематично изображена морда животного на третьем образце. Это трубка с двумя лопастями в виде гребня по обеим сторонам, в основании лопастей посажены круглые налесты, очевидно, изображающие глаза.

На городище найдено несколько целых неполивных сосудов.

1. Плоскодонный кувшин с высокой и узкой горловиной и вертикальной ручкой, прикрепленной одним концом к горловине, а другим к корпусу. Врезные концентрические линии украшают горловину и плечики. Высота сосуда 44 см (рис. 47, а; 51, 1).

2. Плоскодонный горшок вытянутой формы со срезанной придонной частью, с венчиком, отогнутым под прямым углом (рис. 47, б). По форме он напоминает сувак из Чуйской долины караханидского времени⁸⁰. Аналогичный сосуд был получен из раскопа в юго-восточной части Мархаматского городища⁸¹. В Узгене найдены также два сходных сосуда, покрытые поливой.

3. Кувшин с широким корпусом, горловиной раструбом и вертикальной ручкой. Он найден в шурфе I на городище Узген II. Вокруг основания горловины идет накладной пояс, украшенный дырочками. Ниже наложено несколько извилистых жгутов, также с дырочками. Несомненно, они схематически изображают змей. Еще ниже на корпусе сосуда видна резная розетка. Ручка кувшина также украшена дырочками. Высота его 18 см, диаметр дна — 9 см (рис. 47, в). Близкий сосуд с более реалистичским изображением змеи найден в слое XI—XII вв. на Мунчак-тепе у Беговата⁸². Изображение змей на неполивной посуде было широко распространено в XI—XII вв. в разных местах⁸³. Кувшин изготовлен от руки.

Сероглиняная керамика представлена несколькими образцами: горловиной сосуда в виде раструба с вертикальной ручкой, горизонтальными нарезками у верхнего края и волнистым гребенчатым узором у основания. Высота горловины 8 см, диаметр ее — 4,6 см (рис. 50, 1). Другой обломок от кувшинчика — с округлым корпусом и прямой, резко отделенной горловиной. Край горловины отогнут наружу, вдоль венчика кувшин украшен гребенчатым орнаментом. К верхнему краю горловины прикреплен один конец ручки, на вершине которой посажен кнопковидный выступ, другим концом ручка присоединена в середине корпуса (рис. 50, 2).

Находки хумов (IV тип керамики) представлены тремя целыми образцами и множеством фрагментов. Хум, найденный в 1954 г., имеет узкое дно и расширяющийся сверху корпус без горловины, венчик его резко отогнут наружу. На плечиках проходит орнаментальная полоса шириной в 4 см со штампованным узором. Высота хума 82 см, диаметр венчика 32, дна — 26 см (рис. 46).

В раскопках и на поверхности городища собрано много венчиков хумов, которые дают представление о разнообразии их форм. Были хумы

⁸⁰ См. МИА, вып. 14, табл. LXXIX—5, стр. 135.

⁸¹ Раскопки А. Н. Бернштама 1950 г. Хранится в Андижанском областном музее.

⁸² Не опубликован. Находится на выставке истории культуры Средней Азии в Эрмитаже.

⁸³ Они найдены, в частности, и в средневековом Херсонесе. См. А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, вып. 17, 1950, стр. 203 и сл. В этой работе приведены аналогии из Ирана и подробно рассмотрен вопрос о значении изображений змей, которые имели, возможно, и изображения на узгенском сосуде.

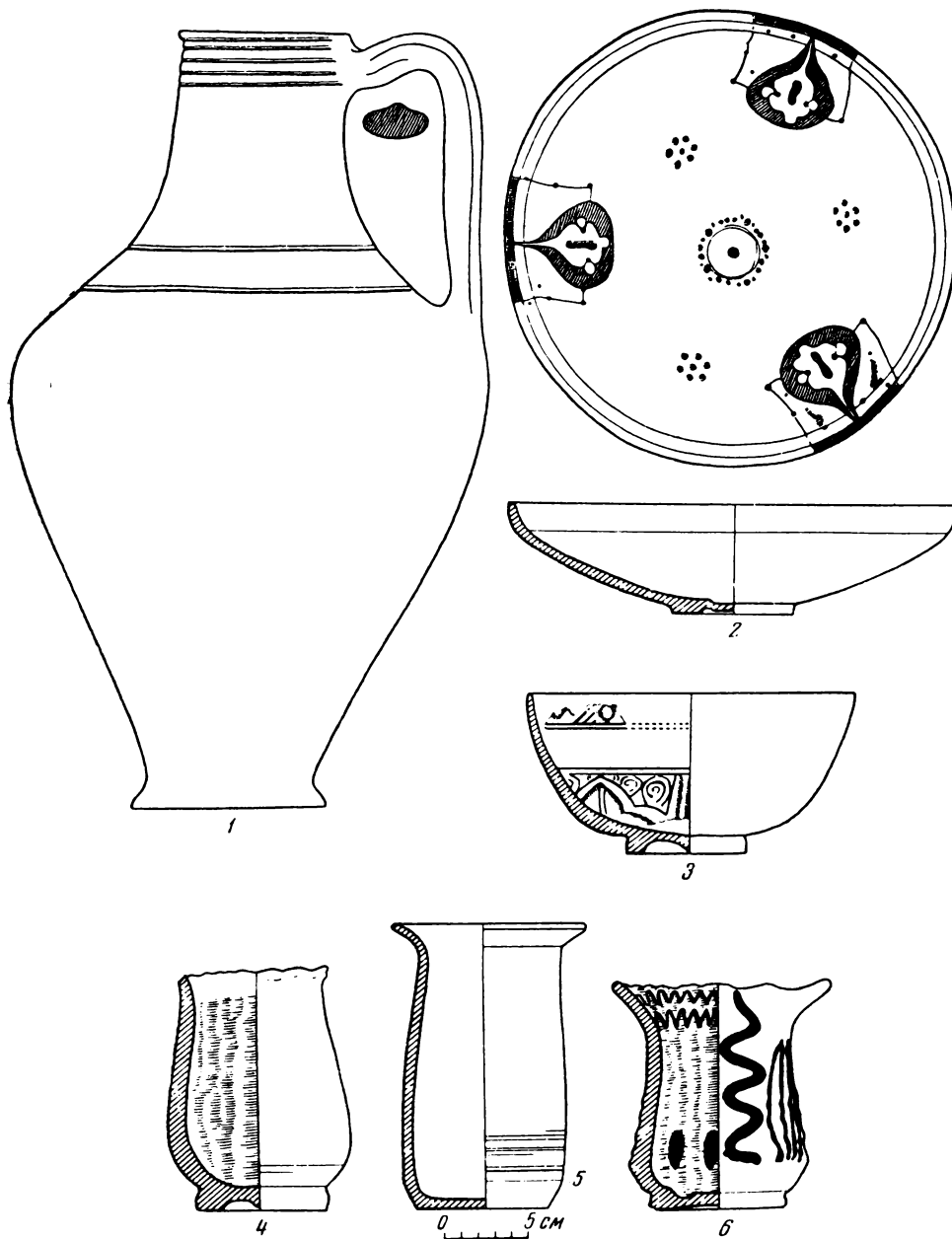


Рис. 51. Неполивные (1, 5) и поливные (2—4, 6) сосуды. Узген

с простым плавно отогнутым венчиком, иногда украшенные на плечиках резным узором. Есть фрагменты хумов с массивным венчиком, имеющим прямую верхнюю плоскость. На одном подобном фрагменте нанесен знак в виде креста. Очень часто венчики хумов украшались защипами различной формы и размеров. Такой узор встречается в сочетании со штампованным орнаментом на плечиках. Штампы применялись самой разнообразной формы (рис. 52,2).

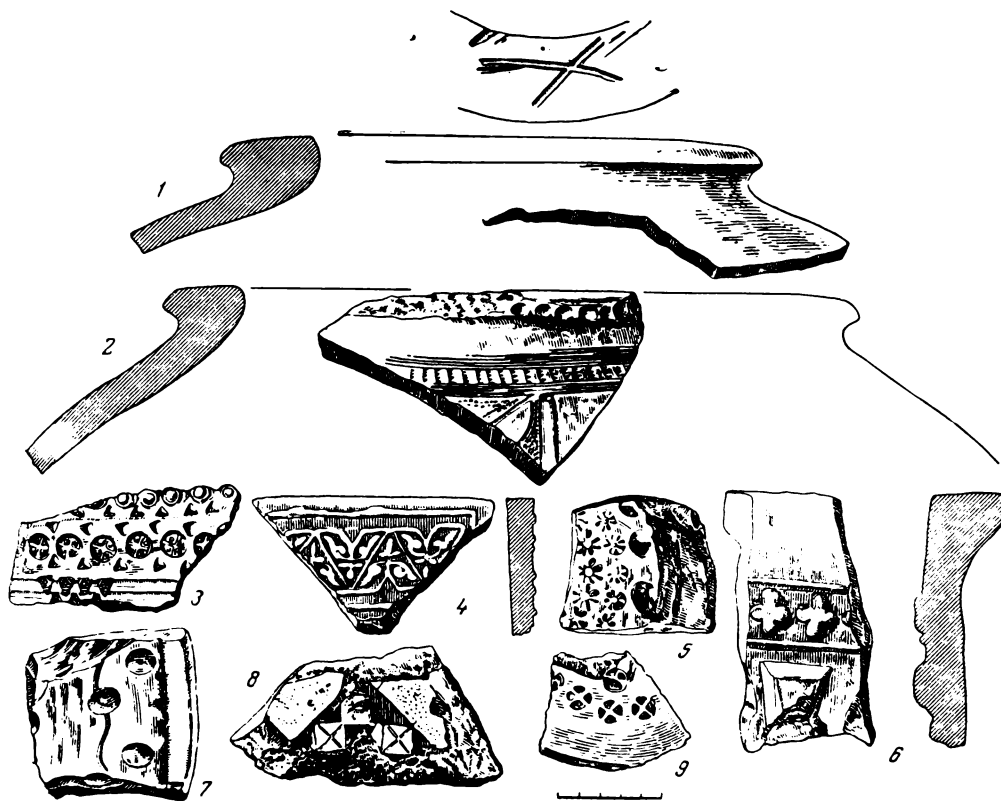


Рис. 52. Хумы (1, 2), очажки (4, 6), достарханы (5,7) и орнаментированная керамика (3, 8, 9). Узген

Найдено три фрагмента больших блюд — достарханов. Первый с невысоким бортиком, с закругленным переходом от дна к стенкам. Внутренний край бортика украшен защипами. Вдоль основания бортика проходит ряд вмятин, оставленных пальцем. С обеих сторон достархан покрыт беловатым ангобом. Другой фрагмент с вертикальным, слегка выделяющимся бортиком и с глубокими вмятинами на поверхности. Дно не сглажено и не ангобировано. На третьем обломке вдоль основания бортика проходит ряд неглубоких вмятин. Остальная поверхность покрыта оттисками крупного штампа (рис. 52, 5,7).

Разнообразны крышки: плоские круглые большого диаметра, слегка утолщающиеся к краю. Верхняя поверхность их покрыта ангобом. Второй фрагмент сходной крышки имеет по краю невысокий бортик. Третья крышка толстостенная с полого поднимающимися краями. На внешней поверхности, покрытой ангобом, оттисками кольца образован пояс вдоль ее края.

Широко были распространены конические крышки с ручкой в центре. На одном экземпляре диаметром 20,5 см выпуклая часть дна покрыта насечками.

Поливная посуда (V тип) составляет сравнительно небольшую часть керамики, находившейся в употреблении в то время. Появление ее знаменует новый и важный этап развития керамического производства в сред-

ние века. Это была дорогая столовая посуда. Сосуд из красной глины, хорошо прокаленный, покрывался белым ангобом и раскраской, а затем прозрачной свинцовой поливой. Глазуриями покрывали сосуды разной формы: миски, чаши, блюда, небольшие кувшины, кринки, чираги и т. д.

Основную массу поливной керамики Узгена можно, вслед за А. Н. Бернштамом и Н. Н. Забелиной, отнести к XI — началу XIII вв., но среди находок имеются и более ранние и более поздние образцы.

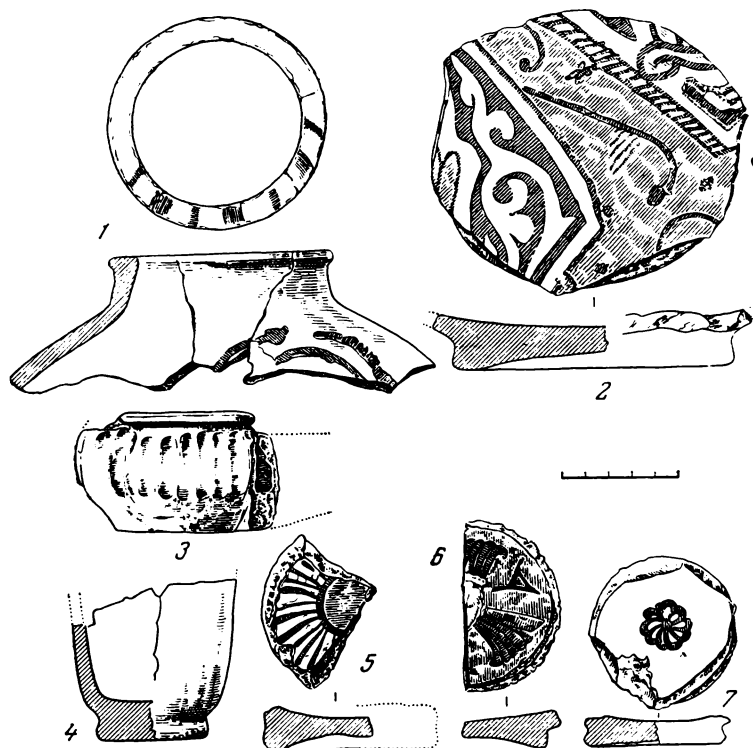


Рис. 53. Поливная керамика. Узген

Наиболее многочисленны фрагменты посуды с белой поливой, украшенные узором темно-фиолетового или темно-коричневого цвета, а также белой поливой с зеленым и оливковым узором. Довольно часто встречаются черепки с зеленой и голубой поливой. Очень редко попадались черепки с коричневой поливой. К более позднему времени надо, очевидно, отнести керамику с белой поливой и размазанным синим орнаментом (XVI—XVII вв.). Более ранние образцы, покрытые белой поливой с темно-коричневым орнаментом, соответствующие саманидской керамике Афрасиаба, очень трудно отделить от посуды караханидского времени. Ввиду того, что слои IX—X вв. пока на городище не обнаружены, разграничить поливную керамику саманидского и караханидского времени в настоящее время невозможно.

Полivная посуда Узгена представлена следующими формами.

1. Кринка с двусторонней белой поливой, напоминающая сосуд из Афрасиаба⁸⁴. Сохранилась только ее верхняя часть. Диаметр горловины —

⁸⁴ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1926, рис. 60.

9,6 см. На плечиках остатки орнамента, исполненного оливковой и темно-фиолетовой красками. На верхнем крае горловины нанесены полосы зеленой и оранжево-красной красками (рис. 53, 1).

2. Блюдо с небольшим углублением в центре, в середине которого нанесено круглое пятно зеленой краской. Вокруг углубления гирлянда из перемежающихся крупных зеленых и оранжево-красных кружков с темно-коричневыми точками. По краям блюда три пальметки темно-коричневого цвета с оливковой полоской. На полях блюда в промежутках между пальметками помещены три скопления из шести круглых зеленых кружков, обрамляющих такой же кружок в центре. Между кружками внешнего кольца поставлены темно-коричневые точки. Диаметр блюда 25 см, диаметр поддона — 9,6 см (рис. 51,2). По форме и орнаменту это блюдо сходно с блюдами из Мунчак-тепе у Беговата.

3. Горшок с резким перегибом бортика. Верхний край бортика срезан наклонно внутрь. На бортике четыре лежащие одна против другой плоские ручки. Горшок покрыт грязновато-голубой поливой и раскрашен темно-фиолетовой краской. Вдоль бортика несколько зигзагообразных линий. Нижняя часть украшена наклонными полосками, и вокруг дна снова проходит зигзагообразная линия. На ручках две поперечные широкие полосы (рис. 47, 2).

4. Чаша на кольцевом поддоне с прямыми стенками. Вверху вдоль края проходит плохо сохранившаяся орнаментальная полоса, нанесенная темно-фиолетовой и синей красками. В центре чаши также видны остатки такого же узора. Диаметр — 19 см, высота — 9 см (рис. 51,3).

5. Две пиалы на поддоне со следами белой поливы внутри. Пиалы совершенно одинаковые, только у одной дно слегка выпуклое в середине. Диаметр — 9,6 см, высота — 4 см.

6. Сувак вытянутой формы на кольцевом поддоне. Светло-голубая полива покрывает только внутреннюю поверхность сосуда (рис. 51, 4).

7. Сувак несколько приземистой формы, на поддоне. Обе поверхности покрыты синей поливой. На внешней поверхности темно-фиолетовой краской нанесены вертикальные полосы и зигзаги. Сверху на венчике проведены две зигзагообразные полосы. Внутри у самого дна проходит несколько полосок, нанесенных той же темно-фиолетовой краской (рис. 51, 6).

8. В большом количестве встречались чираги трех разновидностей. Наиболее часто попадались чираги с круглым резервуаром и петлевидной ручкой, покрытые белой поливой с темно-коричневым узором. Довольно много чирагов, покрытых зеленой поливой, с граненым резервуаром и петлевидной ручкой, заканчивающихся пятой, украшенной рельефным узором. Чираги этого вида имеют более закрытый резервуар, расширяющийся иногда кверху, а иногда к низу (рис. 54). Значительно реже встречались чираги с круглым резервуаром, замкнутым сверху, и с желобками на корпусе. Ручка в виде выступа, очевидно, заканчивалась пятой. Такие чираги покрыты бледно-голубой поливой (рис. 53,3).

Среди фрагментов имеются образцы художественной керамики каранидского периода.

1. Фрагмент блюда на поддоне диаметром 9,6 см. На белом фоне изображены четыре радиально расположенных листика, соединенные в центре большим кружком. Листья исполнены темно-коричневой краской и затем гравированы. Между листочками в одном углу изображены красновато-бурые и оранжево-красные завитки, оконтуренные темно-коричневой полоской. В мусорной яме рядом с этим обломком находились другие части этого блюда. Однако склеить его полностью не удалось. Вдоль бортика проходит орнаментальная кайма из стилизованных арабских букв

(рис. 55). Этот орнамент находит ближайшие аналогии в керамике Афрасиаба и идентичен блюду из Чуйской долины в Семиречье⁸⁵.

2. Фрагмент блюда на поддоне диаметром 5,6 см. В центре его помещена плетенка, которая делит поверхность на четыре сектора. Плетенка красновато-бурая и оконтурена темно-коричневой полосой. В каждом секторе помещен треугольник оливково-серого цвета, оконтуренный красной краской, в середине вертикальная красновато-бурая полоска. По

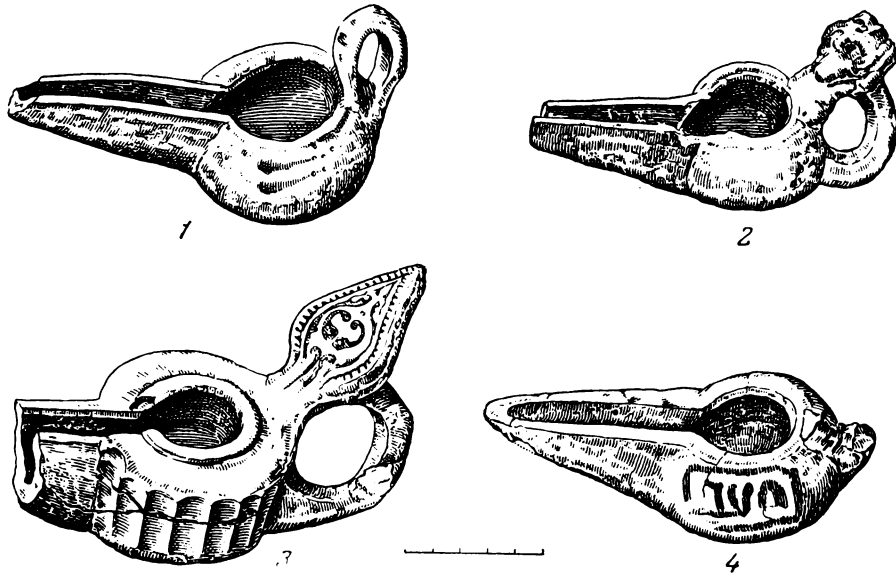


Рис. 54. Поливные чираги. Узген

бортику проходит красновато-бурая кайма с меандровым узором, нанесенным темно-коричневой краской, а выше — ряд горошин того же цвета. Верх бортика покрыт белой поливой (рис. 55).

3. Обломок чаши на поддоне диаметром 12 см. Полоса терракотового цвета с узором, нанесенным темно-коричневой краской, делит поверхность блюда на два орнаментальных участка. На одном участке темно-коричневым контуром на фоне белой поливы выделен узор в виде растительного побега, дополнительно окаймленный оранжево-красной полосой. На белом фоне другого участка сохранилась часть завитка темно-сливового цвета, оконтуренного темно-коричневой полоской (рис. 53,2).

В узгенской керамике часто встречается узор в виде причудливо переплетающихся растительных побегов, нанесенных темно-коричневой краской по белому фону⁸⁶. Найдены также образцы с использованием в орнаментации арабских букв. Имеются образцы керамики с белой поливой, гравировкой и зелеными пятнами, типичной для посуды XI—XII вв.

В целом поливная керамика Узгена имеет много общего с находками на Калаи-Боло в Исфаре, Мунчак-тепе у Беговата и других керамических центрах Мавераннахра, а также Семиречья. Наряду с местной керамикой, в Узгене попадалась привозная посуда, например, люстр (Н. Н. Забелина).

⁸⁵ См. МИА, вып. 14, табл. LXXXV, 2, 3.

⁸⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, рис. 113.



Рис. 55. Фрагменты поливных блюд из Узгена



Рис. 56.
Водопроводная
труба. Узген

Среди керамических изделий VI типа особенно выделяются сферо-конические сосуды, широко распространенные в Фергане и Южной Киргизии. Они попадают на всех городищах в Узгене. Сосуды богато орнаментированы штампованным и пунсонным орнаментом. Выделение локальных особенностей форм и орнаментации сферо-конических сосудов, вероятно, даст возможность определить центры их производства и проследить направления торговых связей и районы обращения. Изучение их с этой точки зрения следовало бы продолжить⁸⁷.

К этому типу можно отнести и очажки. В 1953 г. найден почти целый очажок. Несколько их фрагментов было обнаружено и в 1954 г. (рис. 52, 4, 6).

Сюда же мы относим и водопроводные трубы. Существование в средние века водопровода в Ферганской долине засвидетельствовано находками в Ахсчкете⁸⁸, Тюячи⁸⁹, Касане⁹⁰ и Узгене⁹¹. Водопроводные трубы и их обломки, найденные в Узгене, представляют три разновидности. Первый вид представлен целой трубой, расширяющейся к концам, с небольшой втулкой и невысоким бортиком на узком конце, имеющем в разрезе овальную форму (8,4 × 7,4 см.) На широком конце, диаметром 11 см, внутри имеются специальные срезы для соединения с овальной втулкой другой трубы. Горизонтальные желобки, поднимающиеся по диагонали, свидетельствуют о вытягивании трубы на гончарном круге. Длина трубы — 52 см (рис. 56). Такая труба найдена на городище Узген IV.

Второй вид — тонкостенная труба (толщина стенок 5—8 мм) с частыми горизонтальными желобками на внутренней поверхности. Диаметр ее приблизительно около 20 см. Обломок такой трубы найден на городище Узген I.

На том же городище найден и обломок трубы третьего вида. Это труба, изготовленная ручной лепкой. У края выступает бортик. Снаружи по неровной поверхности труба покрыта бело-розовой обмазкой. Диаметр ее около 20 см.

⁸⁷ З. Виноградов. Сферо-конические сосуды с узким горловым отверстием. «Казанский музейный вестник», 1922, стр. 75 и сл., стр. 112 о ферганском сферо-конусе; А. А. Сауков. Древняя добыча ртути в Фергане. «Тр. Памирской экспедиции», 1930, вып. 3 (13), Л., 1932; В. Т. Сургай. Новые археологические данные о разработке рудных месторождений Киргизии. «Тр. Ин-та геологии Киргизского филиала АН СССР», вып. V, 1954, стр. 83—84, рис. 8. Интересно отметить, что сферо-конический сосуд, найденный в Риштане, был покрыт зеленой поливой. В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. «Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР», т. IV, 1951, стр. 72.

⁸⁸ ОАК за 1882—1888 гг., стр. LXXI.

⁸⁹ Т. Г. Оболдуева. Указ. соч., стр. 31.

⁹⁰ Ю. А. Заднепровский. Отчет об археологических работах на городище древнего Касана в 1951 г. Рукопись. 1952 г. Фонды Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР.

⁹¹ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана, стр. 38.

Первый вид водопроводных труб очень характерен для средневековья. Аналогичные трубы встречаются во многих городах Мавераннахра и Семиречья. Об особенностях второго вида по небольшому обломку судить нельзя. Особо выделяется последняя находка. Она изготовлена от руки и имеет иную форму и размеры и к тому же покрыта обмазкой. Эта труба несколько сходна с трубами, открытыми нами на Кувинском городище; они, очевидно, относятся к первым векам н. э.⁹² Этот обломок найден на поверхности, и нет никаких данных для его точной датировки. Находки водопроводных труб на двух городищах в Узгене свидетельствуют о высокой культуре этого города.

Рассмотрим VII тип керамики — строительные материалы и архитектурные детали. Из строительных материалов широкое распространение в средние века получил жженный кирпич.

Кирпичи Узгена разного формата — квадратные и прямоугольные, с желобками на поверхности, проведенными пальцами. Размеры их разнообразны (табл. 1).

Таблица 1

Размеры (см) образцов кирпичей из раскопок 1945, 1953 и 1954 гг.

1945 г.	1953 г.	1954 г.	
		Узген III	Узген II, шурф II
34×14×4,5	35×18×5	35×18×2,5	39×19×6
	34×16×6	33×17,5×6	29×29×5
	27—28×14×3	29×14,5×5,5	30×15×4
	21×13×3	28,5×25,5×4	28×14×5
		27×13—14×4—5,5	26,5×13×4
		26×13×3	23×12×3
			23×17,5×4

Найдены также три обломка жженных кирпичей, покрытых синей поливой; по всей вероятности, они относятся к более позднему времени — послемонгольскому.

На городище Узген II был открыт прекрасный образец резной терракотовой плиты. Узор выполнен глубокой резьбой. Эта находка свидетельствует о существовании монументальных сооружений в караханидское время на городище Узген II (рис. 57).

В раскопе II на центральном городище при расчистке на глубине 2,2—2,3 м были найдены два глиняных шарика размером около 2 см. Такие же шарики неоднократно встречались на более древних памятниках. Они найдены в кладке стен в Тешик-кала в Хорезме⁹³ и в Каунчи⁹⁴. С. П. Толстов полагает, что их закладывали в стены с магической целью. Находки в Узгене показывают, что этот обычай дожил до средневековья.

⁹² Ю. А. Заднепровский. Раскопки на Кувинском городище. Рукопись. 1952. Фонды Ленинградского отделения Ин-та археологии АН СССР.

⁹³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 141; его же. К вопросу о датировке культуры Каунчи. ВДИ, 1946, № 1, стр. 175.

⁹⁴ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940, рис. 28, стр. 7.

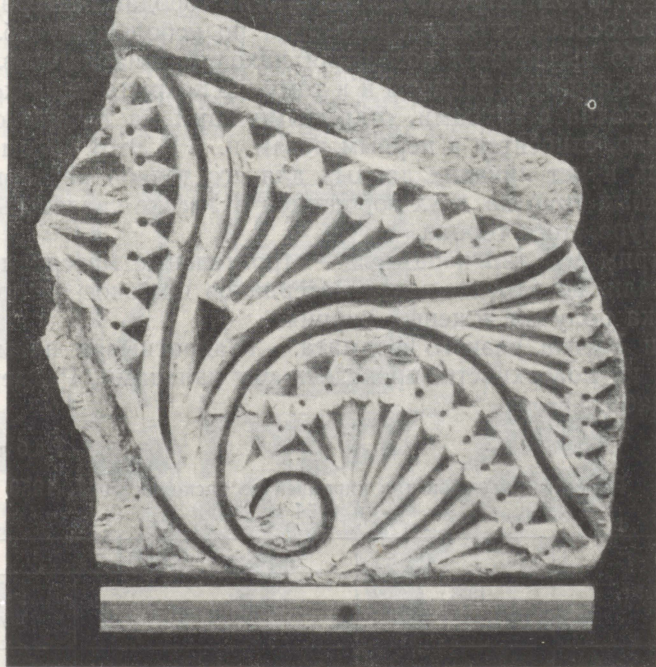


Рис. 57. Архитектурная деталь. Узген

В 1954 г. собрано более 60, а за два года работ на Узгене около 100 фрагментарных образцов стеклянной посуды, дающих представление о ее разнообразии и высоком качестве. В сборах имеется стекло разного цвета: прозрачное (бесцветное), желтоватое, зеленоватое и совершенно черное. В большинстве случаев стекло сильно ирризировано. Толщина стенок стеклянной посуды в среднем 1 — 1,5 мм, но имеется и очень тонкое стекло, толщиной менее 0,5 мм. На стеклянной посуде Узгена часто встречаются рельефные украшения. На одном образце внизу проходит полоса кружков, а над ней полоса растительных побегов. На другом образце рядом с растением изображена какая-то фигура, от которой сохранилась только голова с рогами (возможно, козла) (рис. 58, 11). Иногда орнамент представлен малозаметным рельефом, который виден только на просвет. Сосуд, изображенный на рис. 58,12, украшен ячеистым орнаментом. На других фрагментах изображено несколько рядов кружков (рис. 58,5), концентрических кругов и S-овидный узор (рис. 58,9). Венчик вазы из черного стекла также украшен подобным орнаментом (рис. 58,8).

Несколько образцов (рис. 58, 17,19) имеют рельефный наклепной орнамент в виде завитков и нитей.

Удалось восстановить форму нескольких сосудов. Наибольший интерес представляет графин с шаровидным корпусом и высокой горловиной, заканчивающейся фигурным венчиком. Венчик украшен нитями стекла, уложенными в несколько концентрических рядов. В верхней части горловины два горизонтальных валика. Высота сосуда около 30 см, диаметр венчика — 7 см, дна — 10 см (рис. 58,1). Сходные стеклянные графины из-



Рис. 58. Стеклопосуда. Узген

вестны на Афрасиабе⁹⁵. Найдена стеклянная полусферическая пиала с прямыми стенками, с утолщением по бортику. Диаметр ее — 12,6 см (рис. 58,2). Очень часто встречаются обломки ножек от рюмок. Удалось восстановить форму одной рюмки из находок 1953 г. (рис. 58,4).

Встречаются очень высокие ножки рюмок, до 8 см (рис. 58,3). Очень интересны вазы большого размера, от которых сохранились венчики

⁹⁵ В. Л. Вяткин. Указ. соч., табл. IX, стр. 64 и, особенно, рис. 72.

диаметром 12 и 16 см. Края венчика загнуты. Венчики богато украшены. От флаконов сохранились только горловины, имеющие венчик раструбом (рис. 58, 13, 14). Найден обломок стеклянной пробирки, сходной с находкой в Нисе (рис. 58, 15)⁹⁶.

В большом количестве представлены обломки доньев разнообразной формы: от плоского с утолщением в середине до сильно вогнутого дна. Размеры их варьируют от 46 до 10—12 см (рис. 58, 20—29, 32—33). Имеются массивные донья небольших размеров на кольцевом поддоне (рис. 58, 30, 31). Очень много подставок от рюмок, по которым можно проследить способ их изготовления (рис. 58, 35—37). Один экземпляр дна имеет на внешней поверхности рельефный узор в виде розетки. Эта деталь очень характерна для стеклянной посуды Афрасиаба. В Узгене известны также кувшины с массивными ручками (рис. 58, 38).

Обломки стекла в Узгене обнаружены во всех раскопах. Особенно много найдено их в шурфе II на городище Узген II, где оказались фрагменты стекла, шлаков и куски кварцевой породы. Скопление этих находок в одном месте, возможно, свидетельствует о том, что где-то рядом находилась стекольная мастерская. Большое количество найденного стекла дает основание сделать заключение о его широком распространении в быту городского населения Узгена. Исходя из этого, можно предполагать существование стекольного производства на месте, в самом Узгене, хотя сюда могли попадать и привозные изделия.

Ознакомление с коллекциями стекла в Государственном Эрмитаже (собрание Кастальского, сборы на Афрасиабе, Мунчак-тепе у Беговата, в Пайкенде) убеждает в том, что стеклянная посуда Узгена сходна с посудой других городов Мавераннахра (табл. 2).

Таблица 2

Результаты анализа древних стекол из Узгена (XI—XIII вв.)
Определение М. А. Безбородова *

Состав	Светло-желтая ваза № 210	Бесцветная пиала № 211	Зеленая рюмка № 212
Кремнезем	69,45	65,38	67,56
Глинозем	2,32	2,52	1,09
Окись железа	0,40	0,30	0,21
« кальция	4,73	6,25	5,87
« магния	1,62	3,50	2,83
« свинца	Нет	Нет	Нет
« марганца	2,47	1,97	1,05
Серный ангидрид	0,77	0,96	0,80
Окись калия	1,10	3,27	2,82
« натрия	16,88	15,55	17,54
Сумма	99,74	99,70	99,77

* М. А. Безбородов. Стеклоделие в Древней Руси. Минск. 1956, стр. 80—81, табл. 32.

Все найденное стекло пока что приходится датировать суммарно XI—началом XIII вв., потому что стеклянная посуда Ферганы, как и дру-

⁹⁶ Е. А. Давидович. Стекло из Нисы. Тр. ЮТАКЭ, вып. 1, 1949, табл. 2, рис. 5. Там же аналогии и других форм стеклянной посуды Узгена.

гих областей Средней Азии, совсем не изучена⁹⁷. Значительное количество стеклянной посуды, найденной в Узгене, несмотря на фрагментарность находок, пополняет наши знания о стекле средневековой Средней Азии.

В раскопе на центральном городище и на городище Узген II найдено более десятка монет. Большой интерес представляют китайские монеты с уйгурскими буквами, очевидно, выбитые в городах Восточного Туркестана. А. А. Быков предположительно отнес их к XVIII в. Там же найдены и караханидские монеты, которые находятся на определении в Отделе нумизматики Эрмитажа.

Среди изделий из камня упомянем обломок верхнего камня ручного жернова круглой формы с отверстием в центре, плоской нижней и выпуклой верхней поверхностями. Диаметр жернова 29 см, толщина — 4,5 см (рис. 59, 3). Найдено также каменное фигурное грузило (?) с центральным двустороннего сверления отверстием и четырьмя радиальными желобками. Диаметр его — 10 см (рис. 59, 2). В разных местах на поверхности и в раскопах найдено несколько точильных брусков из серого и фиолетового камня. Они имеют разную форму, у некоторых поверхность сильно сработанная (рис. 59, 6, 7). Во втором шурфе на Узгене II найдено обломанное каменное острие с одним заостренным концом, употребившееся, вероятно, для сурьмления (рис. 59, 5). Подобные сурьматаши были широко распространены в древности, но по этнографическим материалам⁹⁸ они известны и в более позднее время.

Среди находок имеется также обломанная каменная поделка с желобком (рис. 59, 4).

Обнаружены также обломки стеатитовых котлов с прямой утолщенной закраиной и вертикальными срезами на внешней поверхности (рис. 59, 1). Изредка на верху венчика можно встретить простой резной орнамент. Каменная (стеатитовая) посуда была широко распространена в разных районах Средней Азии: Хорезм, Южная Туркмения, Южный Таджикистан и др.

Во всех раскопах встречались обломки железных предметов и сильно окисленные куски железа. Сохранившихся целиком предметов немного (рис. 60). Представляет интерес треугольной формы обломок кетменя (?) с довольно массивным полотном и загнутым бортиком. Рабочий край кетменя затуплен (рис. 60, 1). Хорошо сохранилась мотыга небольших размеров (длиной 10 см). Найдено несколько обломков железных ножей, однолезвийных с заостренным концом. Один с широким лезвием шириной 3 см (длина обломка 12 см), а другой с узким лезвием шириной 1,3 см (длина обломка 7 см).

В большом количестве встречались массивные гвозди разных размеров, скобы, обломки железных колец, пластинок, железный четырехгранный стержень с заостренным концом длиной 16 см и др. Найден длинный бронзовый стержень с круглым навершием (рис. 60, 20). Сходный по форме стержень обнаружен на городище Пенджикент.

В раскопках собраны разнообразные бусы. Большой интерес представляют крупные сердоликовые бусы разной, иногда причудливой формы. Во многих случаях бусы с отверстием двустороннего сверления. Одна

⁹⁷ О находках стекла в Фергане имеются упоминания в отчетах о работах на Большом Ферганском канале, на Мунчак-тепе у Беговата. (В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. 14, 1947, стр. 108).

⁹⁸ Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников и их аналогии у таджиков. «Докл. АН Таджикской ССР», 1952, № 3, стр. 27—32.

бусина призматической уплощенной формы с восемью гранями, размер обломка 2,5 см⁹⁹.

Три бусины ребристые, выпукло-семигранные, одна бусина призматическая со скошенными углами. Все эти бусы из сердолика. Одна бусина из пасты бирюзового цвета с четырьмя дольками. Маленькая эллипсоидная бусина из черного стекла имеет глазчатый узор. Есть бусина, у которой

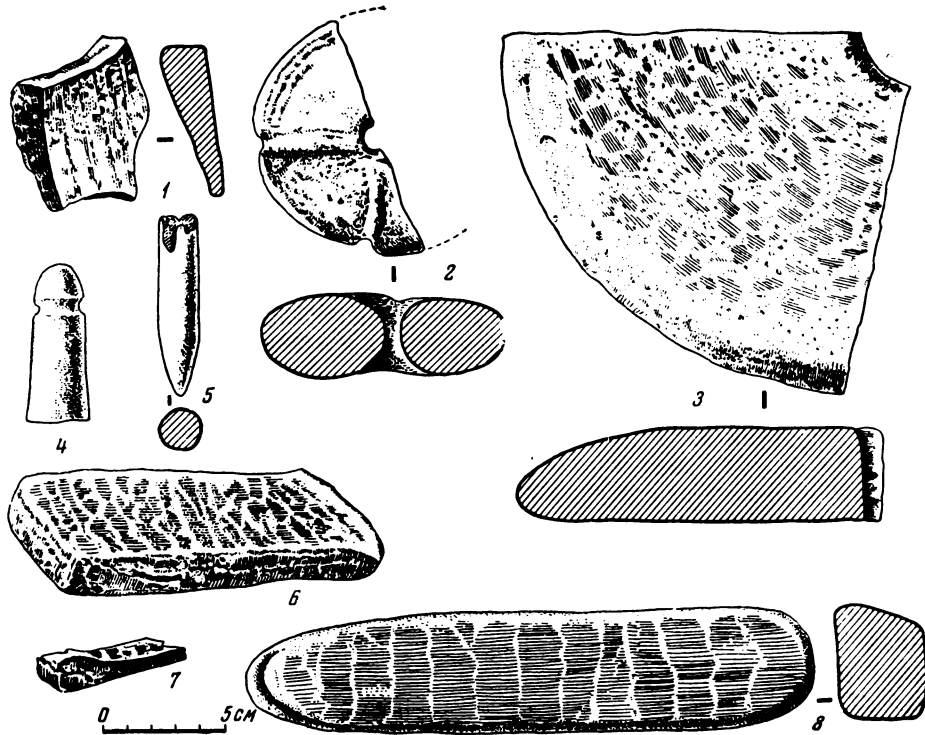


Рис. 59. Изделия из камня. Узген

одна половина серого цвета, а другая — черная с тонкими белыми прожилками. Три кольцевидных бусины изготовлены из камня синего цвета. Одна фасетированная многогранная бусина из кварца (?). Другая бусина веретенообразной формы из желтоватого стекла с белыми прослойками узора.

В качестве украшения применялась, очевидно, и небольшая раковина каури с отверстием на одном конце.

Обнаружены также деревянная подвеска неизвестного назначения и обломок костяной дужки. Совершенно аналогичная по форме и материалу дужка найдена в Ургенче¹⁰⁰.

По находкам в Узгене можно довольно полно охарактеризовать керамику средневекового города. Примечательно разнообразие материалов, из которых изготовляли тогда посуду: глина, камень, стекло, металл.

⁹⁹ Аналогичная бусина найдена на поселении Кават-кала IX—XI вв. в Хорезме. (См. И. В. Пташников а. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма. «Тр. Хорезмской экспедиции», т. I, 1952, стр. 117, табл. VII, 2).

¹⁰⁰ Экспонирована на выставке «Древний Хорезм» в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

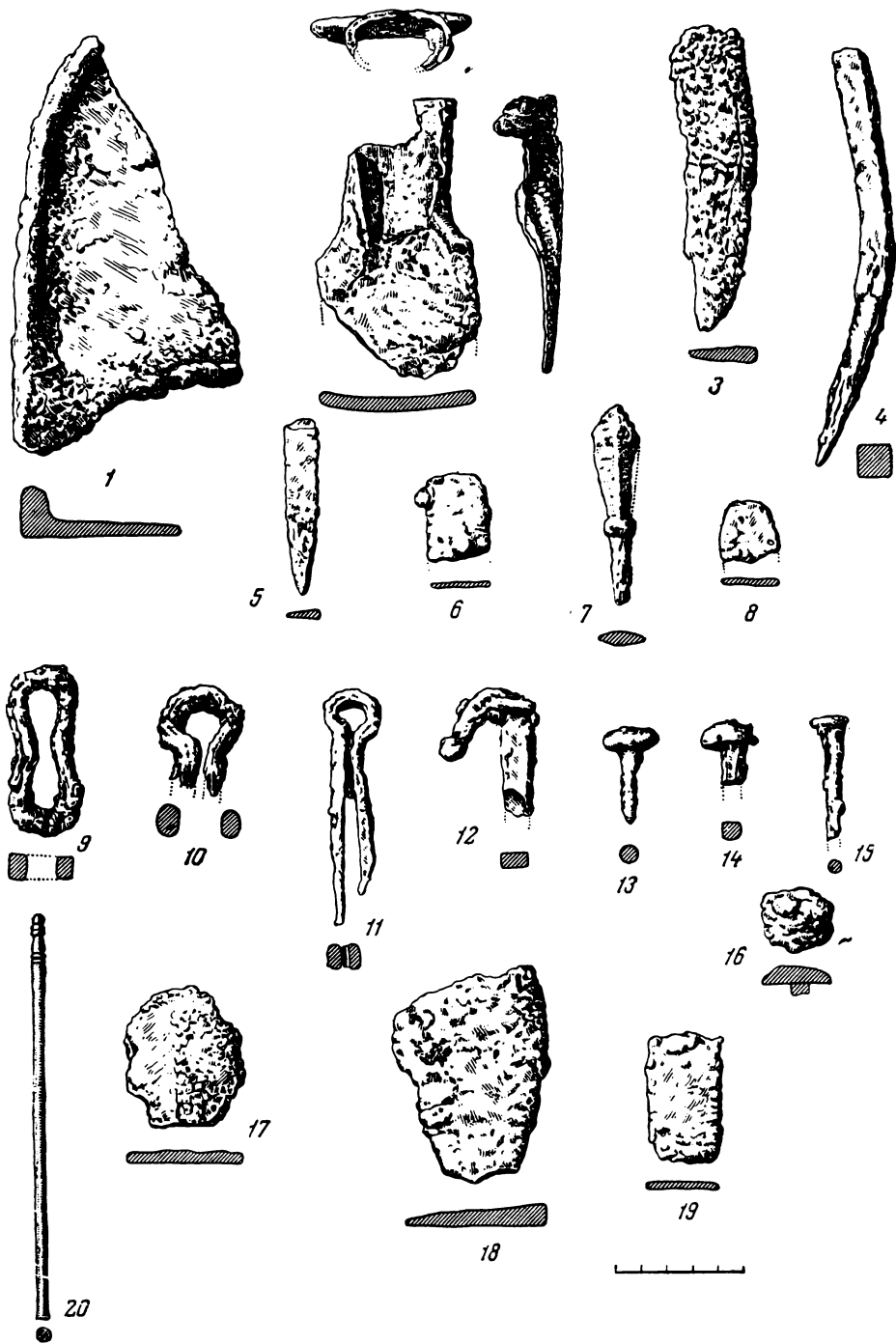


Рис. 60. Изделия из железа (1—19) и бронзы (20) Узген

Поэтому большой интерес представляют причины появления в период высокого развития керамического производства в комплексе Узгена, наряду с высококачественной неполивной и поливной посудой, изготовленной на гончарном круге, — лепной керамики с расписным орнаментом. Это явление не местного и не случайного порядка. Сходная с узгенской расписная посуда обнаружена в слое X—XII вв. на городище Мунчак-тепе у Беговата¹⁰¹. Расписная керамика найдена так же в замке Қалаи-боло в Исфаре в слое XI—XII вв.¹⁰²

Средневековая расписная посуда в Фергане обнаружена в трех пунктах в разных частях долины. Учитывая довольно частые находки кувшинов типа мургоби, украшенных росписью (Ош, район Пахтаабада, на Большом Ферганском канале и др.), можно говорить о широком распространении расписной посуды в средневековой Фергане. Следует напомнить, что относящаяся к этому времени расписная посуда встречается и в других районах Средней Азии. Так, в Ташкентском оазисе на городище Ханабад обнаружена посуда, изготовленная на круге и расписанная полосами в виде потеков¹⁰³. По стилю орнамента узгенская керамика больше всего напоминает находки А. М. Беленицкого на городище Шахр-и-Минг в Южном Таджикистане¹⁰⁴. Там же расписная керамика открыта еще на городище — Хишт-тепе (средневековый Хульбук)¹⁰⁵. Несомненно, в этой связи следует вспомнить и о псевдогрипольской расписной керамике Афрасиаба, которая также относится к средневековью¹⁰⁶. В небольшом количестве расписная керамика обнаружена на городище Баба-Ата X—XII вв.¹⁰⁷ на северном склоне Қаратау. Таким образом, в разных частях Средней Азии в X—XI вв. вновь возродилось применение росписи для украшения посуды.

В Фергане расписная керамика средневековья генетически мало связана с предшествующей ей древней керамикой. Их разделяет, по крайней мере, пятисотлетний период, для которого пока не известна расписная керамика. По всей сумме признаков средневековая керамика своеобразна и отличается от расписной посуды бронзового века и древности. В ней совершенно другие приемы нанесения узора, иной стиль и элементы орнаментации. Также различаются формы сосудов, цвет их поверхности и орнамента.

Обнаружение средневековой расписной керамики свидетельствует о возрождении традиции, уходящей корнями в глубокую древность. Появление ее не только в Фергане, но и в других районах Средней Азии почти в одно и то же время, по-видимому, не случайно. Интересно, что она найдена в Южном Таджикистане, где не известна расписная посуда бронзового века и древности. Здесь впервые примитивная роспись появилась, по-видимому, только в раннем средневековье. Кувшины с потеками крас-

¹⁰¹ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 108.

¹⁰² Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работе Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. «Докл. АН Таджикской ССР», вып. 11, стр. 47, прим. 1; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 109—110.

¹⁰³ В. М. Массон. Городище Ханабад. «Сборник студенческих работ САГУ», вып. III (гуманит. науки), 1951, стр. 81—82.

¹⁰⁴ А. М. Беленицкий. Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. МИА, вып. 15, 1950, стр. 130—131, 138, табл. 64, 13, 15.

¹⁰⁵ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работе Хуттальского отряда..., стр. 40, 47.

¹⁰⁶ В. Л. Вяткин. Указ. соч., стр. 38 и след., табл. IV—V.

¹⁰⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. О работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1956, стр. 39, рис. 5.

новатой и коричневатой краски открыты в слое Кобадиян V на городище Мунчак-тепе¹⁰⁸.

Сходные факты отмечены и для Северного Таджикистана, где роспись встречается раньше, чем на юге, в слоях II и III Тали-Барзу (первые века н. э.)¹⁰⁹ и в более поздних слоях. Роспись в виде красочной полосы известна в керамике Пенджикента (VII—VIII вв.)¹¹⁰. Очень интересны находки расписной керамики в замке на горе Муг (орнамент в виде решетки)¹¹¹.

Вопрос о причинах устойчивости традиции расписной керамики в Ферганах и других районах Средней Азии, а также о причинах возрождения этого приема украшения посуды в средневековье заслуживает специального рассмотрения и дальнейшего изучения.

Появление в средневековых городах расписной керамики Б. А. Литвинский связывает с переселением сельского таджикского населения в города и утверждает, что «расписная керамика в керамических комплексах Хульбука, Самарканда и др.— следствие и свидетельство переселения в города в X, и, особенно, в XI—XII вв. крупных масс крестьянства, принесшего с собой излюбленные керамические формы и приемы гончарной техники»¹¹². Это заключение, высказанное в такой категорической форме недостаточно обосновано, поскольку сельские поселения, синхронные городам X—XII вв., еще не изучены и нам не известно, какая керамика характерна для сельского населения. Обращение к этнографическим параллелям — к расписной посуде горных таджиков, в данном случае ничего не доказывает. У нас нет оснований связывать появление ее обязательно с переселением сельского таджикского населения. Какое, например, сельское таджикское население в это время было в районе Каратау?

Предположение Б. А. Литвинского — одно из возможных объяснений, правильное для одного определенного района. Несомненно, при дальнейшем изучении и появлении новых фактов будут найдены и другие толкования этого явления.

Работы 1954 г. позволили уточнить топографию средневекового Узгена. Расположение города на четырех площадках объясняется последовательным расширением его территории и связано, очевидно, прежде всего с географическими условиями. Теперь появилась возможность по-новому представить развитие Узгена и определить время существования его отдельных частей. Предположение А. Н. Бернштама о непрерывности слоев от периода государства Давань и до XIX в. не подтвердилось. Во всех пяти раскопках не обнаружено пока более ранних слоев, чем слои караханидского периода XI — начала XIII вв. Никаких следов даваньского и кушано-тюркского периодов не оказалось, за исключением немногочисленных находок на поверхности центрального городища посуды с красным ангобом, которая, очевидно, может быть датирована древним периодом. Эти находки свидетельствуют вероятно о существовании здесь небольшого поселения того времени.

На городище не найдено также слоев IX—X и XIV—XVI вв., хотя в добытой керамике некоторые группы могут быть отнесены к этим

¹⁰⁸ Материалы Таджикской археологической экспедиции. Не опубликованы.

¹⁰⁹ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, стр. 93, рис. 3, е, ж;

¹¹⁰ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. МИА, вып. 37, 1953, табл. IX, 3 из наусов Пенджикента.

¹¹¹ С. В. Иванов. О находках в замке на горе Муг. «Изв. Отдел. обществ. наук Таджикской ССР», 1952, № 2, стр. 43, табл. I, а, б.

¹¹² Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана., стр. 61—62.

периодам. Из этого нельзя, конечно, заключить, что город в то время находился не на этом, а на каком-нибудь другом месте. Никаких других синхронных памятников, которые можно было бы сопоставить с Узгеном, в этом районе не обнаружено.

В настоящее время установлено, что основная и, возможно, наиболее ранняя часть Узгена находилась на центральном городище (Узген III). Здесь на верхней площадке, в ее восточной части, обнаружены наиболее мощные культурные слои, достигающие толщины 9 м. На всем протяжении слоя попадался материал исключительно караханидского времени. В 1954 г. до конца культурного слоя здесь не удалось дойти и не исключена возможность, что на этом месте будут обнаружены слои IX—X вв., а может быть, и более раннего периода.

На других площадках найдены материалы только средневекового периода. Во всех раскопах на Узгене II толщина культурного слоя не превышала 2—3 м. По находкам можно заключить, что городище Узген II было обжито только в караханидское время.

Развитие Узгенского городища можно представить таким образом. Из небольшого поселения древнего периода, находившегося на одном центральном городище, город распространился на соседние площадки и вырос в крупный средневековый центр.

Отсутствие в Узгене значительных остатков древнего периода заставило пересмотреть сопоставление Узгена с древним городом Ю, упомянутым в китайской хронике. Такой пересмотр был подсказан также тем, что нами были открыты три крупных городища древнего периода. Городища Шурабашат, Карадарьинское и Кошбулакское имеют равные, если не большие, чем Узген, основания претендовать на сопоставление с древним Ю-чэном.

Работы в течение трех сезонов (1945, 1953—1954 гг.) на Узгенском городище носили разведывательный характер и служили подготовкой к большим стационарным раскопкам, которые необходимо организовать на этом памятнике.

МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ

Во время маршрутных обследований по долинам рек бассейна Кара-Дарьи (Яссы, Кара-Кульджи, Куршаба, Чанкент-Сая), а также Киргиз-Ата и Соха в 1954 г. выявлено значительное количество новых памятников. До этого работами А. Н. Бернштама (1941, 1944—1945 гг.) и Н. Н. Забелиной (1953 г.) в указанном районе было зарегистрировано несколько тепе и городищ, а также группы курганов. Основное внимание было обращено на обследование Узгенского района. Оказалось, что здесь количество памятников значительно больше, чем можно было предполагать. В Узгенском оазисе обследовано несколько замков-крепостей, которые образуют оборонительную систему этого оазиса — важного участка на большой торговой дороге. Одно из таких городищ-крепостей находится южнее Узгена, на противоположном левом берегу Кара-Дарьи. Это Южно-Узгенское городище расположено на высоком обрывистом мысу, выдвинутом далеко в русло реки. Оно служило, очевидно, для охраны брода через Кара-Дарью (рис. 61,5).

Поселение имеет неправильную треугольную форму и состоит из двух рядом расположенных холмов-тепе. Размеры городища приблизительно 150 × 180 м. Характер укреплений с напольной стороны, со стороны склонов гор, не удается установить, поскольку здесь проходит проселочная дорога, а за нею пашня. Городище занято современным кладбищем. На вершине основного, более высокого тепе разбросаны куски жженого кирпича

от разрушенного мазара. В обрыве северного и северо-восточного краев городища виден на большом участке мощный очажно-зольной слой.

Это городище А. Н. Бернштам определил, как «кушанского типа замок» и сопоставил с замком тюркского князя Чуртегина (IX в.), о котором упомянуто в арабоязычных источниках¹¹³.

В собранном на городище Н. Н. Забелиной в 1953 г. подъемном материале представлена крашенная керамика карминно-фиолетового цвета, сходная с шурабашатской. Найден один фрагмент чаши с перехватом, идентичный чашам Шурабашата. Собраны черепки посуды с красным ангобом и один фрагмент с росписью, сходный с находками, характерными для периода Дунбулак I. Здесь найдена также средневековая керамика и обломки стекла. Следовательно, возникновение Южно-Узгенского городища можно отнести к последним векам до н. э., жизнь на нем продолжалась вплоть до средневековья. В 1954 г. был снят план городища.

К северо-западу от Узгена находятся остатки другого городища¹¹⁴. По дороге из Узгена на Кампыр-Раватский мост на правом берегу Кара-Дарьи в пойме расположено два небольших полураспаханных тепе.

Впервые обследовано правобережье Яссы от Кампыр-Раватского моста до сел. Кош-Булак, где заканчивается проезжая дорога. В 6 км восточнее моста на правом берегу Яссы среди полей расположены два пологих тепе.

В месте поворота и сужения долины Яссы, на левом берегу высятся трапециевидный (если смотреть сбоку) холм Кзыл-Октябрьского городища (рис. 62). Оно находится вблизи городища Шурабашат, на противоположном берегу реки. Площадка городища, в плане треугольной формы, занимает высокий и обрывистый мыс (рис. 61, 6). Городище-крепость находится на высоком левом берегу Яссы и господствует над окружающей местностью и над пологим и низким правым берегом. Так же как и Южно-Узгенское городище, эта крепость, очевидно, охраняла брод через Яссы, которым пользуются и в наши дни. Река огибает мыс почти с трех сторон, а с четвертой, напольной, стороны, крепость отделена глубоким и широким рвом. За рвом, западнее городища, среди современного кладбища находятся фундаменты мазаров, сложенные из жженных кирпичей. В подъемном материале с Кзыл-Октябрьского городища имеются фрагменты лепных сосудов с росписью буро-коричневой краской на темно-сером фоне, сходные с керамикой слоя Дунбулак I. Найдены также обломки посуды с красным ангобом, в том числе и чаши с перехватом, аналогичные чашам Мархаматского городища. На городище обнаружена также и средневековая керамика. По подъемному материалу можно заключить, что это городище синхронно памятникам древнего периода: Шурабашату и Дунбулаку. Жизнь на нем продолжалась и в средние века.

На том же левом берегу Яссы между Кзыл-Октябрьским городищем и современным Узгеном хорошо видны развалины еще одного поселения — Северо-Узгенского. Таким образом, на небольшом участке левого берега Яссы расположено несколько городищ-крепостей: Дунбулак, Северо-Узгенское и Кзыл-Октябрьское, которые образуют цепочку укреплений. Эти памятники в древний период, несомненно, были связаны с центром Узгенского оазиса, каким являлось Шурабашатское городище. Находки средневековой керамики на Дунбулакском, Кзыл-Октябрьском и Южно-Узгенском городищах немногочисленны. Это свидетельствует, вероятно,

¹¹³ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии..., стр. 38—39; О Чуртегине см. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, 1900, стр. 157.

¹¹⁴ Это Кампыр-Раватское городище, оно было обследовано в 1955 г.

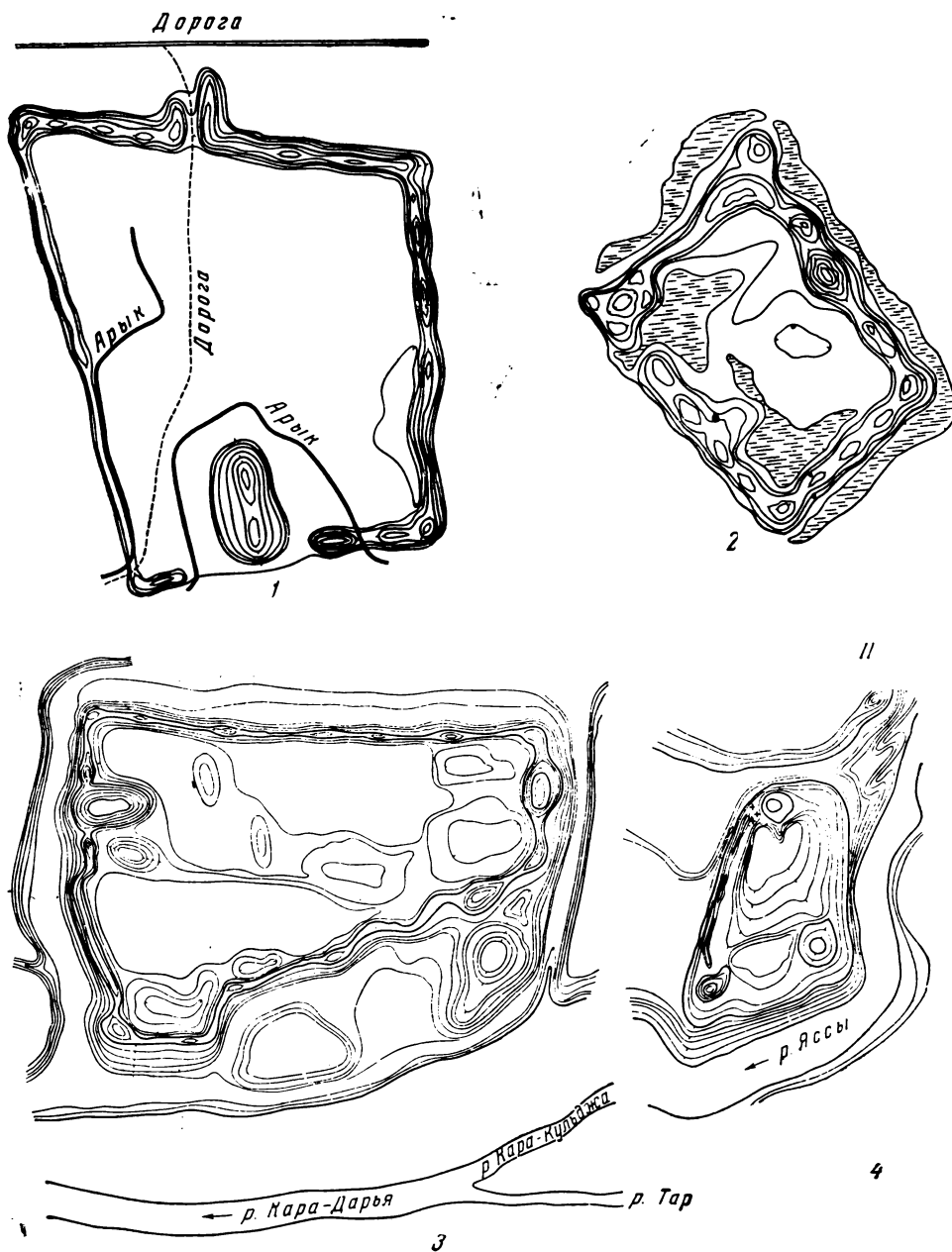


Рис. 61.

1 — Ягги-Базарское; 2 — Северо-Куршабское I; 3 — Кара-Дар'нянское; 4 — Кошбулакское; 5 — ткуль юго-



Рис. 62. Кзыл-Октябрьское городище. Вид с северо-востока

о потере ими в средние века былого значения. В средние века количество поселений в Узгенском оазисе сократилось за счет роста города Узгена.

Узгенская группа памятников непосредственно связана с обширным оазисом в месте слияния рек Кара-Кульджи и Тар. Здесь, на обширном участке правого берега Кара-Дарьи разбросано несколько десятков тепе и несколько крупных городищ. На план удалось заснять только небольшую часть памятников в северо-западном конце оазиса, южнее Узгенарыка. На тепе были собраны черепки посуды с красным, а также с черным ангобом и несколько фрагментов с росписью, сходных с шурабашатской керамикой.

Почти у самого берега Кара-Дарьи обнаружена еще одна группа тепе. На одном из них найден черепок с красной облицовкой и характерным темным пятном, полученным при обжиге. Этот фрагмент сходен с керамикой Дальверзина. находка его сигнализирует о возможном существовании в этом месте памятников более ранней культуры — эпохи бронзы.

Центром всего Карадарьинского оазиса служило большое городище, стоящее у слияния рек Кара-Кульджи и Тар (рис. 61, 3). Четырехугольное в плане, с башнями, часто поставленными на валах, и окруженное с трех сторон глубоким и широким рвом — это сильно укрепленное городище в древности было, вероятно, значительным городом. С южной стороны к валу городища примыкает высокая платформа, очевидно, не укрепленная, составлявшая единое целое с остальным городищем. К западному валу с внутренней стороны примыкает прямоугольной формы тепе, которое являлось, очевидно, цитаделью. Размеры городища — 450×320 м, площадь его около 12 га. Городище возвышается над низкой поймой и охраняет выходы из долины Кара-Кульджи и Тара, сливающихся здесь и образующих Кара-Дарью.

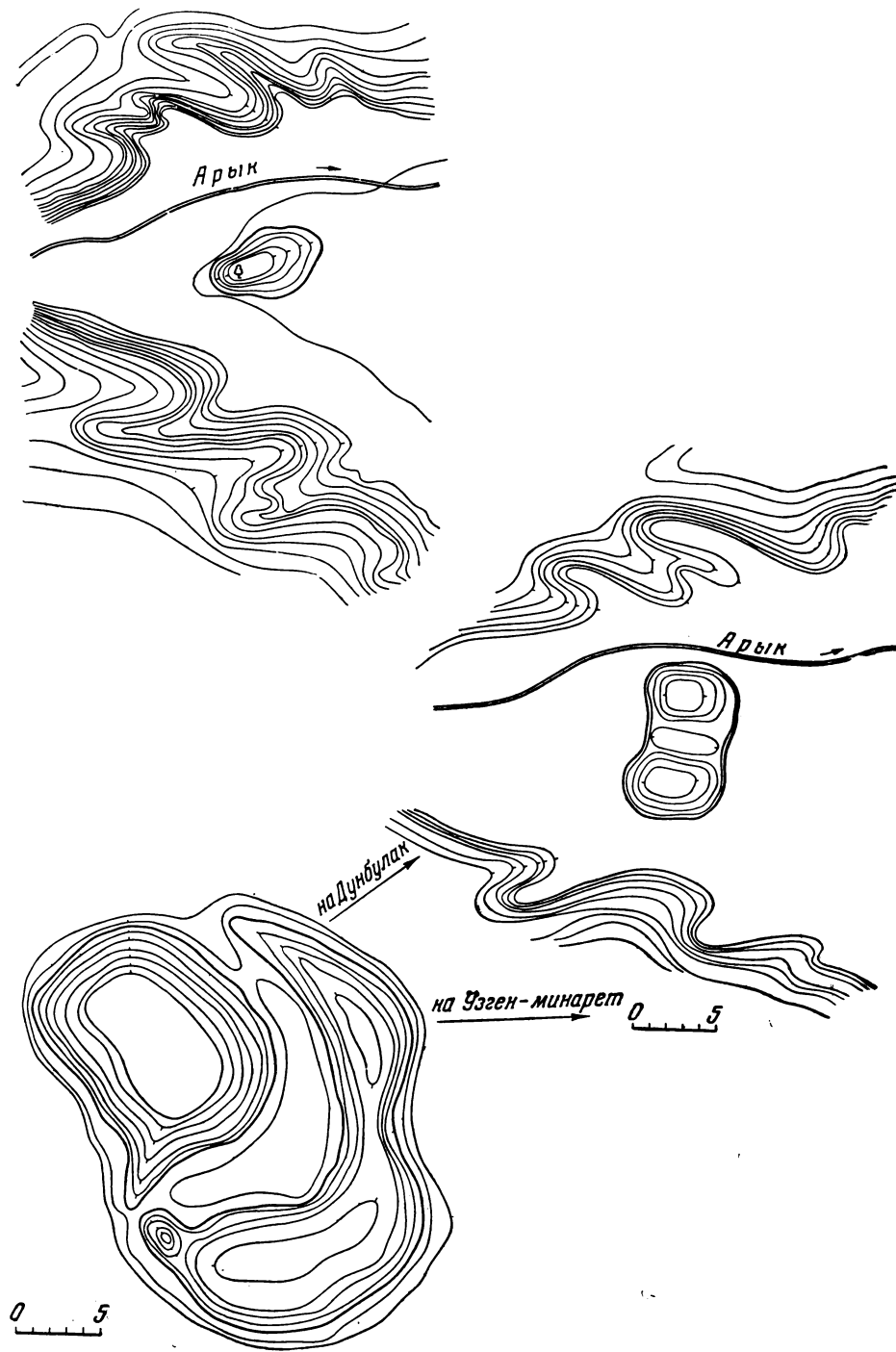


Рис. 63. Планы тепе и городища Джиланда:

1 — Кальти; 2 — то же, в долине Ирису; 3 — городище Джиланда

На поверхности его собрано большое количество разнообразной керамики, в том числе несколько фрагментов, сходных с шурабашатской. В значительном количестве представлена посуда с красным ангобом. Среди собранной керамики — два фрагмента лепных чаш с прямой и вогнутой закраинами, поверхность их темно-серого цвета. Найдены также венчик хума и фрагмент стенки хума с отпечатками веревочки. Хумы с отпечатками веревочки очень характерны для последних веков до н. э. и первых веков н. э. и известны в нескольких памятниках (Кюль-тепе у Хакулабада, тепе в 11 км от г. Ош из сборов 1954 г. и др.). По собранной керамике Карадарьинское городище относится также к древнему периоду — к последним векам до н. э. и первым вв. н. э. На этом городище совсем не найдено средневековой керамики.

Памятники оседлого населения отмечены и далее на восток, в долине р. Кара-Кульджи, на западной и восточной окраинах сел. Советское (Кара-Кульджа), на левом берегу реки. Наиболее отдаленным районом, где, по распросным сведениям, имеются следы древней земледельческой культуры, является долина р. Ойтала, одного из истоков р. Кара-Кульджи (здесь в 1955 г. был обнаружен один турткуль).

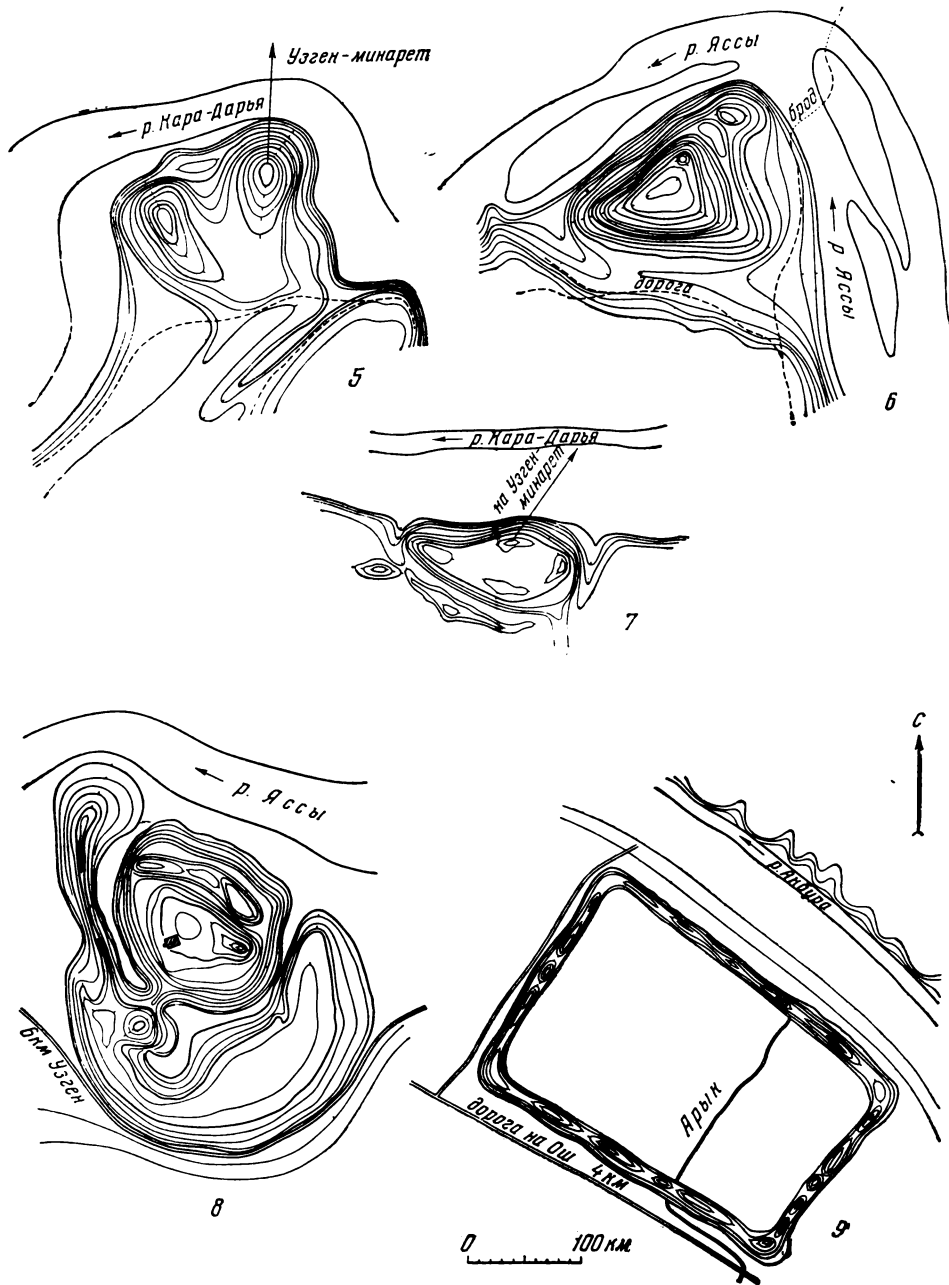
На левом берегу Яссы памятники оседлого населения зарегистрированы также и к востоку от Дунбулака. Здесь в 1945 г. А. Н. Бернштам отметил три тепе в пойме реки, из них в настоящее время сохранилось только одно, в 2 км к востоку от Дунбулака. Среди болотистой низины у западной окраины сел. Мирза-Аки находилось еще одно тепе, которое весной 1954 г. было снесено при землеустроительных работах. В настоящее время его местоположение отмечено большим количеством обломков посуды с красным ангобом. Одно тепе находится на территории современного сел. Мирза-Аки.

На правом берегу Яссы к северо-востоку от Шурабашата обследованы городище и группа тепе возле сел. Джиланда. На одном тепе найдены фрагменты расписных чаш, сходных с шурабашатскими. Здесь же собрана посуда с красным ангобом. В 4 км севернее Джиланда, близ сел. Кальти имеется тепе, расположенное по середине узкого ущелья. На вершине тепе растет развесистое дерево (грецкий орех). Далее на север по направлению к совхозу Ирису на северной стороне перевала, в долинке вдоль ручья, расположены три невысоких тепе (рис. 63).

К востоку от сел. Джиланда вверх по течению Яссы, было зарегистрировано несколько тепе в долине р. Заргер. На одном из них найдены фрагменты посуды с красным ангобом. На пути от Джиланда до реки Донгус-Тоо в долине Яссы среди полей отмечено 3—4 тепе. К западу от Донгус-Тоо обнаружено еще три тепе. По обеим сторонам р. Донгус-Тоо при впадении ее в Яссы находятся два тепе, на которых найдено несколько маловыразительных черепков. С правого берега видно городище на противоположном берегу Яссы, зарегистрированное в 1953 г. в 21 км от сел. Мирза-Аки по дороге на Туюк.

Наиболее интересным памятником в восточной части долины Яссы является городище на окраине сел. Кош-Булак¹¹⁵. Оно расположено на высоком мысу правого берега Яссы. Наклонные пласты скальной породы делают неприступным городище с южной стороны. В плане городище имеет трапецевидную форму, с более широким основанием на юге (рис. 61, 4). Стены городища четко видны на южной, восточной и северной сторонах. С севера и востока городище дополнительно укреплено

¹¹⁵ Этот памятник показал секретарь Узгенского райкома тов. Э. Кошоев, который оказывал нашему отряду постоянную и всестороннюю помощь.



Планы городищ:

Южно-Узгенское; 6—Кзыл-Октябрьское II; 7—Северо-Куршабское II; 8 —Дунбулакское; 9—тур-западнее г. Ош

глубокими рвами. С остальных сторон обрывистые берега мыса создают естественную защиту городища. На поверхности высятся три холма-тепе: два по краям южной стороны и один в северо-западном углу. Размеры городища 150×200 м. На поверхности его собрано большое количество черепков, в том числе крашеной керамики шурабашатского типа. В сборах имеются также керамика с красным ангобом, фрагменты лепных чаш, часть массивного венчика хума с широким отворотом. Средневековая керамика на городище не обнаружена. По подъемному материалу Кошбулакское городище синхронно Шурабашатскому и Карадарьинскому, оно существовало, очевидно, только в древний период.

Небольшой маршрут от Шурабашатского городища на северо-запад через плоскогорье водораздела Яссы — Чанкент-Сая, привел в долину последней, где у подножья гор открыта группа тепе. На одном из них обнаружена расписная керамика, сходная с шурабашатской.

Отряд обследовал также долину р. Куршаб. Юго-западнее Узгена на второй террасе левого берега Кара-Дарьи по сторонам шоссе находится группа холмов, которые А. Н. Бернштам считает курганами¹¹⁶. Эти полусферические земляные насыпи высотой в 5—6 м могут быть или курганами или остатками глинобитных построек — тепе. Выяснить это можно только раскопками. На поверхности одного из них найдено несколько маловыразительных обломков керамики.

Севернее шоссе на одной из площадок второй террасы левого берега Кара-Дарьи обнаружено небольшое городище, сходное по форме и местоположению с Дунбулакским и Кызыл-Октябрьским. Это Северо-Куршабское II городище. В плане оно имеет треугольную форму и вытянуто в широтном направлении. Площадка городища отделена с западной и восточной сторон глубокими оврагами, а с южной стороны — рвом. В юго-восточной части находится вход на городище и имеются остатки пандуса. Размеры верхней площадки 150 × 80 м (рис. 61, 7). Подъемный материал немногочисленный и маловыразительный.

На участке между этим городищем и сел. Ленинское (Куршаб) разбросана большая группа тепе, часть которых нанесена на план. Одно из них находится в саду возле второго городища. На этом тепе найдено несколько обломков посуды с красным ангобом, в том числе и горловина кувшина, сходного по форме с кувшинами Мархаматского городища.

Северо-Куршабское I городище прямоугольное в плане ориентировано углами по сторонам света (рис. 61, 2). Размеры его 250 × 200 м. На валах имеются остатки башен, особенно мощные башни стоят по углам. На восточной стене в середине находится башня, которая по размерам превосходит все остальные. Очевидно, она служила своеобразной цитаделью. Углубления на поверхности городища заполнены водой, так же как и остатки рвов вдоль южной, восточной и северной сторон. Подъемного материала не обнаружено. Это городище, по-видимому, относится к древнему периоду, так как имеет характерную для того времени правильную планировку.

Несколько тепе зарегистрировано на территории самого сел. Ленинское (Куршаб). Однако здесь пока не удалось обнаружить остатки средневекового города Хуршаба, упомянутого Ибн-Хаукалем и автором анонимного сочинения «Худуд ал-Алем» (X в.).

В долине р. Куршаб обследован участок на правом берегу от шоссе Ош-Узген и до конца проезжей дороги, где начинается подъем на перевал;

¹¹⁶ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии., стр. 36.

ведущий в долину Гульчи. На этом участке выявлено восемь курганных групп. В наиболее южной группе преобладают курганы с каменными выкладками, в остальных группах преимущественно с земляными насыпями. Количество курганов в группах колеблется от 5 до 25. В двух пунктах ясно видны курганы на противоположном берегу Куршаба. Граница между памятниками кочевого и оседлого населения проходит у сел. Кизыл-Сангир, где зарегистрировано первое тепе, на вершине которого стоит дом. На юго-западной окраине сел. Куршаб находится еще два тепе.

По окончании работ в Узгенском оазисе отряд повторно обследовал некоторые другие районы Южной Киргизии. На 11-м километре по дороге Ош — Карасу осмотрено место, где находилось тепе, на котором в 1947 г. экспедиция А. Н. Бернштама произвела зачистку¹¹⁷. В 1954 г. тепе было снесено. На его месте подобрана керамика с красным, а также с черным ангобом, фрагменты кухонного котла с горизонтальной ручкой в виде подковы и с ручкой-выступом. Найден также обломок лепной чаши со следами росписи, сходный с керамикой Шурабашата, а также жаровни и стенки хума с отпечатком веревочки. Очевидно, крашенная керамика, несколько фрагментов которой были найдены в 1947 г., относилась также к эйлатанскому или шурабашатскому типу.

Восточнее г. Ош в 2 км от него по Памирскому тракту на одном из тепе найден фрагмент керамики с отпечатком ткани.

В 1954 г. обследован турткуль в 4 км к западу от Оша и снят его план (рис. 61, 9). Турткуль находится на второй террасе левого берега Акбуры. Прямоугольник, ограниченный валами (размером 320×220 м), ориентирован углами по странам света. Городище внутри валов, очевидно, не было застроено. На валах видны остатки нескольких башен. Подъемный материал мало выразителен и не позволяет определить время существования турткуля.

В 12 км юго-западнее г. Ош находится группа курганов, которую открыл Ю. Д. Баруздин. Здесь вскрыт один курган, в котором, однако, не найдено следов захоронения.

Затем отряд обследовал район сел. Иски-Наукат. К югу от него на обоих берегах р. Киргиз-Ата раскинулось курганное поле, насчитывающее около 100 насыпей. Т. Г. Оболдуева раскопала здесь три кургана, в которых не оказалось следов погребений. Недалеко от этих курганов, на высокой террасе правого берега Киргиз-Ата, осмотрено небольшое поселение, сходное по местоположению с Дунбулакским городищем.

В 6—8 км на юго-восток от сел. Иски-Наукат повторно обследовано Янги-Базарское городище. Оно неправильной четырехугольной формы (размером 400 × 280 м), ориентировано по странам света. У южной стены находится большое тепе, служившее цитаделью (рис. 61, 1). Западная и часть южной стены разрушены. На других стенах видны остатки башен. Вход на городище был с северной стороны, где имеются следы дополнительных предвратных укреплений. Северный и восточный валы возвышаются над окружающей местностью на высоту до 3 м. Среди собранной керамики преобладает посуда с красным ангобом.

В долине Соха обследован участок на правом берегу реки, от сел. Сох до сел. Кштут. Севернее сел. Таян, на мысу, находится курганная группа из 10 насыпей. Вторая группа курганов зарегистрирована южнее этого селения. На левом берегу р. Кштут, в месте впадения ее в Сох, найдено большое количество черепков древней посуды, что говорит о существова-

¹¹⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 229.

нии здесь поселения. В подъемном материале преобладает керамика с красным ангобом. Найдено несколько образцов с процарапанным орнаментом.

Разведки 1954 г. еще раз подтвердили на большом материале важный факт значительного развития оседлых поселений в Южной Киргизии, особенно в древний период. К настоящему времени оседлые поселения древнего периода обнаружены в разных местах: в Чаткале, в Узгенском оазисе, в Алае (Гульча), возле Иски-Наукат, в долине Соха и Баткен-Бужума. Поселения Южной Киргизии по планировке, размерам и находкам аналогичны памятникам равнинной Ферганы¹¹⁸.

Среди открытых памятников имеется городище, которое по нашей классификации соответствует I типу прямоугольных большого размера городищ Ферганы древнего периода — это Янги-Базарское, площадью более 12 га. Второй тип поселений представлен большим неправильной конфигурации Карадарьинским городищем (около 12 га). К III типу можно отнести Северо-Куршабское I и Кошбулакское городища, площадью 3—5 га. В 1954 г. удалось выявить новый тип поселений — крепости, расположенные на мысах или на отдельных площадках адыра. К этому типу относятся Дунбулакское, Южно-Узгенское, Кызыл-Октябрьское и Северо-Куршабское II городища. Все они имеют площадь, не превышающую 1,2—3 га. По форме и местоположению эти памятники напоминают многочисленные замки в долине Зеравшана¹¹⁹ позднеантичного и раннесредневекового периодов, тесно связанные с рекой и торговыми путями.

Получены материалы для характеристики поселений эпохи бронзы, которые имеют неправильную конфигурацию, как Чустское и Дальверзинское.

Материалы, собранные во время работ А. Н. Бернштама, А. Кибирова и других и дополненные нами в 1954 г., создали основы для дальнейшего изучения культуры оседлого населения Южной Киргизии. Маршрутные обследования в бассейне Кара-Дарьи позволили уточнить на карте прохождение древних торговых путей из Синьцзяна и Китая через Фергану в Среднюю Азию. Один из основных путей, засвидетельствованный многочисленными памятниками, проходил, вероятно, через перевал Суек, по долине Ойтала и выходил к сел. Советское. Караванная дорога отсюда, очевидно, вела к броду через р. Кара-Кульджу, вблизи слияния этой реки с р. Тар. Количество памятников, сконцентрированных вокруг Карадарьинского городища, свидетельствует о большом значении этого оазиса на древнем пути. Отсюда дорога шла вдоль правого берега Кара-Дарьи и выходила в долину Яссы, в районе сел. Мирза-Аки, и вдоль левого берега Яссы, минуя Дунбулакское, Северо-Узгенское и Кызыл-Октябрьское городища, приводила к Шурабашату. Далее через легкодоступное плоскогорье караваны выходили в долину Чанкент-Сая и в равнинную Фергану.

Отсутствие памятников на участке между Куршабом и Савайской степью вдоль современного шоссе, возможно, свидетельствует о том, что в древности здесь дороги не было. Другой путь проходил со стороны Тянь-Шаня от перевала Яссы и мимо Кошбулакского городища на Шурабашат.

Торговые пути по долинам рек Яссы и Кара-Кульджи, судя по количеству памятников оседлого населения, имели более важное значение, чем Алайский и Чон-Алайский пути.

¹¹⁸ Классификацию поселений древней Ферганы см. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, стр. 10 и след.

¹¹⁹ А. Ю. Якубовский. Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946—1947 гг. МИА, вып. 15, 1950, стр. 15, 19, 20.

На всех обследованных памятниках, как уже было сказано, преобладали материалы древнего периода. Можно предположить, что возникновение крупных городищ Карадарьинского, Кошбулакского и Шурабашатского, а также других поселений в этом отдаленном районе в известной степени связано с функционированием древних торговых путей.

Китайские источники сообщают о значительном развитии торговли Китая с западными странами. Возникновение ее относится ко II в. до н. э. В «Цяньханьшу» (История старшей династии Хань) путь от Кашгара в Фергану и дальше в Среднюю Азию назван Северной дорогой¹²⁰. Начиная со II в. до н. э. и в первые века н. э. Северная дорога являлась одним из главных торговых путей в международной торговле. Этот же путь в античных источниках называют Великим шелковым путем.

Средневековые материалы на обследованных памятниках в большинстве случаев отсутствовали. Однако письменные средневековые источники содержат сведения о существовании этого пути в средние века вплоть до монгольского завоевания. Так, на карте Махмуда Кашгарского упомянут перевал Кавак-Арт между Узгеном и Кашгаром, который сопоставляют с современным Туруг-Артом¹²¹. Это упоминание свидетельствует о широкой известности названного перевала. Путь из Ат-Баши на Тянь-Шане в Узген через перевал Яссы упоминается начиная от Ибн-Хордадбега (X в.) и до истории Тимура (XV в.)¹²². Находки в Фергане и в Узгене караханидских монет, битых в городах Синьцзяна, являются доказательством торговых связей между Синьцзяном и Ферганой в XI — начале XIII вв. В некоторые периоды в XI—XII вв. Фергана в политическом отношении была подчинена Кашгару¹²³. Однако в средние века торговля по этому пути уже имела местный характер, ферганско-среднеазиатский, а не международный, как в древний период. Караваны по этой дороге проходили и позднее. О торговле между Кашгаром и киргизами Южного Киргизстана и Ферганой в конце XVIII — первой половине XIX в. сообщают источники, рассмотренные К. Риттером, В. В. Григорьевым¹²⁴ и Ч. Валихановым¹²⁵. О том же свидетельствуют находки в слое на Узгенском городище китайских монет. Однако в это время торговое значение данного пути еще более уменьшилось и ограничивалось только пределами Ферганы и Киргизии.

Открытие трех крупных городищ древнего периода в Узгенском оазисе выдвигает необходимость пересмотреть отождествление Узгена с древним городом Ю китайской хроники. Это сопоставление было выдвинуто Н. Г. Маллицким в 1924 г.¹²⁶ и развито А. Н. Бернштамом¹²⁷. А. Н. Бернштам исходил из того, что Узген — наиболее восточное и близкое к горам городище, кроме того, в нем предполагалось наличие слоев даваньского времени, и, наконец, Ю-чэн — столица Давани, был расположен на большой реке.

¹²⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М., 1950, стр. 170; на поздней китайской карте она показана под № 18. См. Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, 1953, карта 1.

¹²¹ И. И. Умняков. Самая древняя турецкая карта мира (XI в.). «Тр. Самаркандского Гос. педаг. ин-та», т. I, вып. 1, 1940.

¹²² В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. «Эап. Восточного Отделения Русск. археолог. об-ва» (ЗВОРАО), т. VIII, 1894, стр. 17, прим. 4.

¹²³ O. Pritsak. Die Karahaniden. «Der Islam», Bd. 31, № 1, 1953, S. 17 и след.

¹²⁴ В. В. Григорьев. Восточный или Китайский Туркестан, СПб., 1873.

¹²⁵ Ч. Валиханов. Собрание сочинений. 1900, стр. 399, 498.

¹²⁶ Н. Г. Маллицкий. Указ. соч., стр. 223.

¹²⁷ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии., стр. 38.

Однако нами были открыты крупные древние городища, находящиеся значительно восточнее, чем Узген. Раскопками 1945 и 1953—1954 гг. пока не обнаружено древних слоев на Узгенском городище. От сопоставления столицы Давани с городом Ю. А. Н. Бернштам отказался в своих последующих работах и высказал предположение, что столицей древней Ферганы был город Эрши, который он сопоставил с величественными руинами Мархаматского городища¹²⁸.

В китайском источнике «Цяньханьшу» ничего не сказано о том, что столица Давани находилась у большой реки. Город Ю упомянут трижды в переводе Н. Я. Бичурина¹²⁹.

В «Цяньханьшу» говорится о том, что даванские старейшины велели задержать китайского посла «на восточной границе в городе Ю». Далее рассказано о том, как во время первого похода на Давань в 99 г. до н. э. китайские войска взяли город Ю штурмом и убили множество людей. Хроника сообщает также о том, что владетель города Ю бежал в Кангюй. Из этих сообщений можно узнать лишь то, что город находился на восточной границе Давани и имел своего правителя, а также о сильных укреплениях города, который довольно долго сопротивлялся осаде китайских войск. Из всего сказанного явствует, что археологические, историко-топографические данные и сведения, содержащиеся в письменных источниках, не дают достаточных оснований для сопоставления с даванским городом Ю именно Узгена, так же как и любого другого древнего поселения.

Если и существовало на месте средневекового Узгена древнее поселение, то оно было сравнительно небольшое. Во всяком случае, оно перекрыто мощными средневековыми слоями. В то же время в Узгенском оазисе известны крупные городища, преимущественно древнего периода — Шурабашатское, Карадарьинское и Кошбулакское. Они не перекрыты средневековыми слоями и относятся к периоду существования Даваньского государства, поэтому каждое из них с равным успехом может претендовать на сопоставление с древним городом Ю. Вопрос о возможной локализации города Ю может быть решен только раскопками.

Работами, проведенными А. Н. Бернштамом, и нашими разведками на территории Южной Киргизии открыто большое количество разнообразных памятников. Работа эта далека еще от завершения. Обследованы только главные и более доступные долины и районы. Следует подчеркнуть большое значение и необходимость проведения первичной регистрации и обследования памятников для решения вопросов исторической топографии, определения мест расселения кочевого и оседлого населения, установления торговых путей и т. д. В ближайшие годы необходимо закончить сплошное и детальное обследование всей территории Южной Киргизии, так как иначе многие памятники исчезнут бесследно в связи с развитием ирригации и землеустроительных работ в Южной Киргизии. С этим теперь приходится постоянно сталкиваться. Все это заставляет обратить серьезное внимание на учет и фиксацию археологических памятников.

¹²⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая., стр. 226. Другие сопоставления Узгена с древним городом Хумынь (там же, стр. 114), а также сопоставление Ю-чэна с Антиохией Скифской (К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, стр. 10), Узгена с Кирополем (А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1881, стр. 371, прим. 1) в этой работе не будут рассмотрены.

¹²⁹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 162 (в примечании сказано, что точное местоположение города Ю неизвестно), стр. 163 и стр. 166.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮЖНОЙ КИРГИЗИИ¹⁸⁰

Группы курганов отмечены во всех обследованных долинах рек бассейна Кара-Дарьи: Кара-Кульджи, Тар, Яссы, Куршаба, а также возле Оша сел. Иски-Наукат и в долине Соха. В долине Кара-Кульджи курганы разбросаны по склону правого берега. Одна группа находится в местности Курташ, в наиболее восточной части долины, где заканчивается проезжая дорога. Здесь курганы тянутся меридиональными цепочками, по несколько насыпей в каждой. Насыпи с каменной наброской четко выделяются среди распаханного поля. Вторая группа — Караджарский могильник — расположена в 4—5 км западнее первой. Здесь одиночные курганы тянутся полосой длиной до 2 км. Третья группа расположена вблизи переправы через Кара-Кульджу, она состоит из 20 насыпей.

На левом берегу Кара-Дарьи курганы зарегистрированы на землях колхоза им. Токтогула в 10 км от Узгена. В 1953 г. здесь было раскопано два кургана, в которых не оказалось следов погребения. Вторая группа курганов находится в 29 км от Узгена, и третья, состоящая из 13 курганов, в 33 км от Узгена.

На правом берегу р. Тар, южнее сел. Кара-Кульджа, в 1953 г. были обследованы две группы: могильник Советское I, состоящий из 13 курганов с каменными насыпями, расположенных цепочкой с севера на юг (раскопано 3 кургана), и Советское II, ниже первой группы, почти у самого берега р. Тар. В нем насчитано 16 курганов, из них вскрыто два.

В долине Яссы, на левом берегу реки по дороге Мирза-Аки-Туюк курганные группы отмечены на 18-м километре (около 20 курганов, расположенных тремя цепочками по пяти насыпей, вокруг трех больших курганов с земляной насыпью), на 35—36-м километрах и последняя на 42—43-м километрах.

Курганы зарегистрированы также на участке между Куршабом и Кара-Дарьей — в 25 км к юго-востоку от сел. Ленинское (Куршаб), по дороге на Елпакташ. Восемь курганных групп зафиксированы в долине Куршаба.

За два года раскопано всего 23 кургана в семи пунктах (Караджарская и Каракульджинская группы, Советское I и Советское II, на землях колхоза им. Токтогула, в местности Керметау, юго-западнее г. Ош и южнее сел. Иски-Наукат), а также пять погребений на кладбище Дунбулакского городища.

В Узгенском оазисе за два года раскопано 19 курганов. Большой интерес представляет открытие в могильнике Караджар в 1953 г. катакомбного погребения. Насыпь кургана, диаметром 5 м, высотой 35 см, выложена большим количеством крупных камней. Под насыпью обнаружен дромос шириной 65 см, заложный восьмью вертикально-стоящими камнями. Дромос уходит в южную стенку. На глубине 2,4 м от дневной поверхности вдоль южной стены вырыта ниша-подбой размером 2,8 × 1,4 × 0,7 м. На дне ее оказались два костяка, лежащие на боку, лицом друг к другу. Ноги перекрещены. Один костяк лежал головой на юго-запад, лицом к реке, а другой — головой на юго-восток. У таза первого костяка находилось глиняное прясло, у бедренной кости — обломки преднамеренно разбитого бронзового зеркала с широким ободком, диаметром 16 см. У таза второго костяка стояли два сосуда: чашка и кувшинчик. В чашке оказался обломок железного кольца (?). У середины позвоночника второго костяка ле-

¹⁸⁰ В этом разделе использованы материалы Узгенского отряда 1953 г. о регистрации курганов на левом берегу Яссы и возле сел. Елпакташ. Поскольку в отчете Н. Н. Забелиной курганы не датированы и охарактеризованы весьма кратко, приводим здесь более полное описание их и некоторые заключения о времени захоронения и об этнической принадлежности погребенных.

жали два обломка грубого толстостенного глиняного сосуда, на которых находился альчик и угольки.

В том же могильнике Караджар нами в 1954 г. раскопано 10 курганов и только в одном (№ 6) оказалось захоронение с инвентарем (рис. 64). Во всех остальных следов погребения не обнаружено. Земляная насыпь диаметром 5 м, высотой 54 см, с выкладкой из крупных камней, оплыла к югу. Могильная яма заложена крупными камнями. Размер ямы $2,1 \times 0,8$ м.

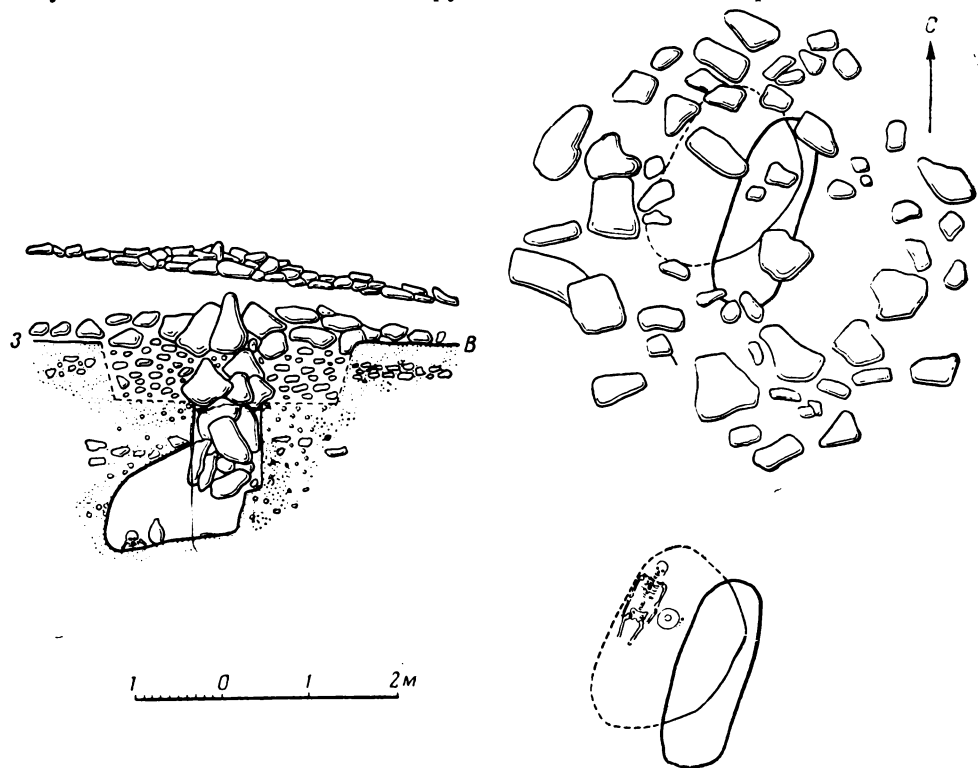


Рис. 64. Могильник Караджар. Погребение в подбое кургана № 6

В ней на глубине 2 м вырублена небольшая ступенька высотой в 50 см. В западной стенке могильной ямы сделан подбой в виде камеры, размером $2,2 \times 1,5 \times 0,6$ —1 м. У западной стенки подбоя лежал костяк в вытянутом положении на спине, головой на северо-северо-восток. Справа у локтя костяка стоял кувшин с ручкой и около него несколько угольков. На грудной клетке были разбросаны восемь бипирамидальных сердоликовых бусин. Аналогичные сердоликовые бусы найдены в кургане № 102 в Аламышике (Тянь-Шань)¹³¹. Кости голени и стопы сохранились. Череп оказался плохой сохранности, и взять его не удалось. На склоне горы, возвышающейся над Караджарским могильником, найдены наскальные изображения (рис. 65 и 66).

В курганной группе у переправы напротив сел. Кура-Кульджа в 1954 г. было открыто захоронение в катакомбе. Камера размером $2,4 \times 1,2$ м ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением к западу. С юго-западной стороны в камеру ведет дромос шириной 1 м. На глубине 1,8—2 м

¹³¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая., стр. 84 и рис. 47, 14.

в южной половине камеры были обнаружены разбросанные обломки длинных костей и таза человека. Курган, очевидно, был ограблен, так как никаких находок в нем не оказалось.

Караджарское погребение, открытое в 1953 г., не датировано Н. Н. Забелиной, как и другие раскопанные курганы. Однако в примечании указано, что В. П. Шилов и С. С. Сорокин относят его ко II—I вв. до н. э. В курганах найдены следующие вещи, которые позволяют определить их дату.



Рис. 65. Наскальные изображения в районе могильника Караджар

1. Небольшой кувшинчик с плоским дном и отпечатками ткани на его внутренней поверхности. Высота — 10—11 см. Снаружи покрыт кармино-фиолетовой краской (рис. 67, а).

2. Плоскодонная чашка с вогнутыми стенками покрыта краской того же цвета, что и кувшинчик. Оба сосуда имеют полные аналогии в керамике Шурабашата.

3. Коническое пряслице со срезанной вершиной и выемкой на другой стороне. По форме оно отличается от биконических пряслиц последних веков до н. э.

4. Обломок бронзового зеркала.

В подбойном погребении, открытом в 1954 г., находились кувшин и бусы. Кувшин округлой формы с уплощенным дном, небольшой ручкой и узкой горловиной. Высота — 30 см, диаметр горла — 11 см (рис. 67, б). Поверхность кувшина не покрыта ангобом. По форме он близок к кувшину с ручкой из Буранинского кургана на Чуйской долине¹³². Отличие между ними только в размере горловины (диаметр Буранинского кувшина 16 см, высота 30 см).

¹³² М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., рис. 37.



Рис. 66. Валун с изображением сцены охоты. Из района могильника Караджар.

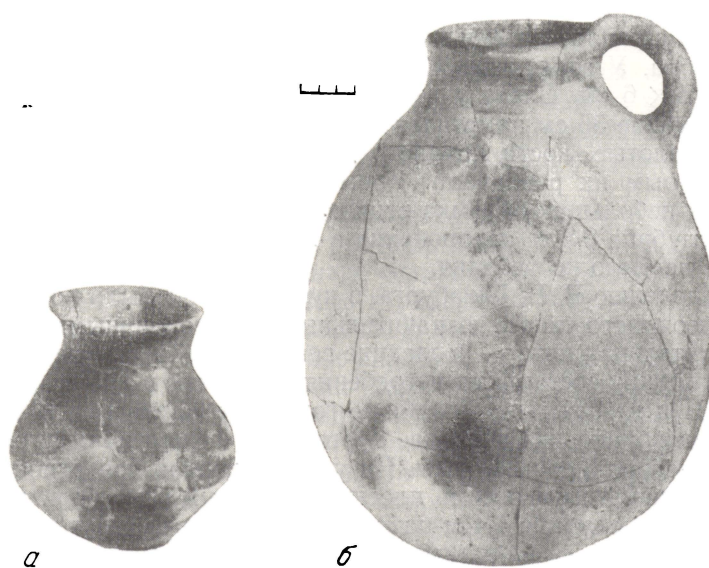


Рис. 67. Кувшины из могильника Караджар:
а — из погребения, открытого в 1953 г.; б — из погребения в кургане № 6,
открытого в 1954 г.

Эти три погребения входят в круг катакомбно-подбойных памятников, известных во многих районах Средней Азии и расширяют наши представления о территории их распространения. Некоторые особенности погребального ритуала — форма могилы, следы костра, преднамеренно поломанное зеркало — находят аналогии в памятниках прохоровского периода сарматской культуры¹³³. Кувшинчик из кургана, вскрытого в 1953 г., имеет полные аналогии с керамикой Шурабашатского городища, а кувшин из кургана 1954 г. сходен с усуньской керамикой.

На основании этих данных наиболее вероятной датой их следует считать III—I в. до н. э. Эти погребения являются, следовательно, одними из наиболее ранних катакомбно-подбойных памятников Ферганской долины.

Находки преднамеренно разбитого зеркала отмечены Б. А. Литвинским в катакомбно-подбойных погребениях Варухского могильника в долине Исфары¹³⁴. Бронзовые зеркала, найденные на Фархадстрое в 1947 г.¹³⁵ и в погребении Биш-талы-юкары возле сел. Пишкарон в 1915 г.¹³⁶, были поломаны, так же как китайское зеркало из захоронения у городища Мунчак-тепе около Беговата. Эта деталь погребального обряда, очевидно, была распространена в первых веках до н. э. в Ферганской долине, и вряд ли в данном случае можно говорить о сарматском влиянии.

Курганы другого типа вскрыты в 1953 г. в группе Советское I. Один из них (№ 13) находился на вершине холма в стороне от основной цепочки. Около него лежал камень с выбитыми изображениями козлов и других животных. Под насыпью, в твердом суглинке на глубине 1 м был обнаружен костяк. Он лежал на дерновой подстилке в вытянутом положении на спине, головой на север. Возле черепа собрано большое количество рассыпанных жемчужных бусин. По обеим сторонам черепа находились серьги из проволоки с каплевидными шариками на концах — одна из бронзы, другая из серебра. У голени левой ноги лежал плоский железный предмет размером 12 × 6 см. Слева у таза — обломки дерева. В другом кургане (№ 6) на глубине 35 см наметился контур могильной ямы, в которой оказались расколотые кости крупного домашнего животного со следами орудия, которыми их разбивали. Кроме того, на разных глубинах были найдены три небольших обломка венчиков сосудов. Могильная яма закончилась на глубине 2,2 м, захоронения в ней не оказалось. В третьем кургане также не было погребения.

По определению В. В. Гинзбурга, в кургане № 13 была погребена женщина европеоидного типа с незначительными монголоидными признаками. Предположительная дата — последние века до н. э. и первые века н. э.

Особую группу составляют погребения, вскрытые в 1953 г. в курганах Советское II и в 1954 г. на кладбище городища Дунбулак. В группе Советское II раскопано два кургана. Курган № 16 имел прямоугольную насыпь из камней, размером 4 × 2 м. На уровне дневной поверхности лежали поперек могильной ямы восемь плоских каменных плит большого размера. Под ними на глубине 1,4 м находился костяк в вытянутом положении на спине, головой на север и лицом на запад. Левая рука согнута в локте и касается правой, ноги перекрещены. По определению В. В. Гинзбурга,

¹³³ Б. Н. Граков: Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 104—5, 112 и сл.; И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. 17, 1947, стр. 22 и др.

¹³⁴ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 64, 65, 70.

¹³⁵ С. К. Кабанов. Указ. соч., стр. 74, рис. 2 и 3.

¹³⁶ Г. В. Григорьев. «Сасанидское блюдо» из Ферганы. «Изв. Узбекского филиала АН СССР», 1941, № 4, стр. 87.

здесь была захоронена женщина средних лет европеоидного типа с признаками монголоидности. Вещей в могильной яме не оказалось. Во втором кургане (№ 4) на глубине 1,3 м был обнаружен костяк ребенка без сопровождающего инвентаря. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой на север и лицом на юго-запад.

В отчете Н. Н. Забелиной эти погребения не датированы. Однако близкие по обряду погребения курганы были исследованы экспедицией А. Н. Бернштама в Алайской долине на правом берегу Кызылсу в местности Арча-Булак. Здесь было вскрыто три кургана: два содержали погребения взрослых и одно — детское.

Под курганной насыпью находились выкладки из крупных каменных плит, которые перекрывали захоронение в грунтовой яме, находившееся на глубине 1,1—1,5 м. Для этих захоронений тоже характерно положение на спине и ориентация погребенных головой на север, лицом на запад. Погребальный инвентарь также отсутствовал. А. Н. Бернштам отмечал, что подобные курганы известны на левом берегу Кызылсу и на Тянь-Шане, он датирует их XVIII—XIX вв.¹³⁷ Те же характерные признаки отмечены и для погребений на Дунбулакском городище. Костяки лежат в грунтовой яме на спине в вытянутом положении, головой на север и лицом на запад. Возле захороненных не обнаружено вещей. Всего вскрыто семь погребений и взято пять черепов. Интересно, что одна из могил, как это видно в обресе северной стенки раскопа, имела форму катакомбы с дромсом. Захоронения в курганах Советское II, Арча-Булак и на кладбище Дунбулакского городища можно выделить в особую группу. Для них характерна устойчивая меридиональная ориентация, обращение лица на запад и юго-запад, положение костяка на спине в вытянутом положении и без вещей.

Женский череп из кургана № 16 в могильнике Советское II относится к европеоидному типу с примесью монголоидности. Все черепа с Дунбулакского кладбища монголоидной расы и по антропологическому типу соответствуют современным киргизам. Черепа из могильника Арча-Булак также монголоидного типа¹³⁸.

Определить время этих захоронений затруднительно из-за отсутствия сопровождающего инвентаря. Их можно рассматривать как позднекиргизские погребения и ориентировочно датировать XVIII—XIX вв. Накопление новых материалов, возможно, позволит в будущем установить такие особенности погребального ритуала, которые помогут уточнить их дату.

Следует отметить полное сходство ритуала погребения в Узгенском оазисе и в Алайской долине — в разных пунктах Южной Киргизии. Открытие этих поздних, заведомо киргизских захоронений, представляет интерес для решения вопросов о сложении физического облика и для выяснения этногенеза киргизского населения Южного Киргизстана.

Курганы в Узгенском оазисе до работ 1953—1954 гг. не были датированы. Хронологические определения А. Н. Бернштама некоторых курганных групп основывались на внешнем виде и форме курганной насыпи. Поэтому отнесение курганов междуручья Яссы, Кара-Кульджи и Кара-Дарьи к сако-усуньскому типу¹³⁹, курганов Куршаба к сакскому и тюркскому

¹³⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 187.

¹³⁸ По определению В. В. Гинзбурга, два мужских, один женский и два детских черепа с кладбища в Дунбулаке монголоидного типа центральноазиатского варианта.

¹³⁹ А. Н. Бернштам. Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая. «Изв. Киргизского филиала АН СССР», вып. II—III, 1945, стр. 63.

времени ¹⁴⁰, а курганов в долине Яссы, Кугарта, Онуйгура — к тюркскому времени ¹⁴¹ является сугубо предварительным и должно быть проверено раскопками.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ 1954 года

Основное внимание в работах 1954 г. было обращено на уточнение классификации и периодизации памятников материальной культуры Южной Киргизии, предложенной А. Н. Бернштамом. Раскопки на памятниках трех периодов: эпохи бронзы, древности и средневековья дали значительный материал, главным образом керамике, что позволило внести изменения и дополнения в существующую классификацию и периодизацию памятников.

Создание уточненной шкалы развития керамики является одним из основных результатов работ 1954 г.

Изучение керамических комплексов обследованных памятников показало, в частности, правильность нашей классификации керамики древней Ферганы ¹⁴². Находки на Дальверзине расписной керамики, сходной с материалом Чустского поселения, расширяют наши представления о распространении в Ферганской долине чустской культуры бронзового века (II—начало I тысячелетия до н. э.).

Сопоставление эйлатанской расписной керамики с находками в Чусте и Дальверзине, с одной стороны, и с материалами Шурабашата, с другой — подтвердили датировку ее серединой I тысячелетия до н. э.

Установлен новый, ранее не известный этап развития расписной керамики древнего периода по находкам на городище Шурабашат (IV—I вв. до н. э.). Комплекс керамики Шурабашата увязывается, с одной стороны, с Эйлатаном, так как в нем имеется аналогичная крашенная керамика, а с другой стороны — с Мархаматом, так как в нем представлена посуда с красным ангобом, сходная с керамикой Мархаматского городища и отсутствующая в Эйлатане. Таким образом, в результате обнаружения расписной керамики шурабашатского типа удается объединить в единую цепь памятники эйлатанского, шурабашатского и мархаматского периодов.

Наряду с посудой, покрытой ангобом и украшенной процарапанным орнаментом, расписная керамика шурабашатского типа представляет собой отличительный и наиболее выразительный признак оседло-земледельческой культуры Ферганы последних веков до н. э.

Раскопки на городище Дунбулак дали стратиграфическую колонку, которая позволяет увязать керамические комплексы, сходные с Шурабашатом и Мархаматом, с более поздней — раннесредневековой керамикой касанского типа (VI—VIII вв. н. э.). Находки на Дунбулаке подводят непосредственно к средневековому Узгену. В результате работ на Узгене собран материал для уточнения характеристики средневековой керамики Ферганы (конец IX—начало XIII в.).

Изучение керамики, помимо характеристики гончарного производства и чисто археологических источниковедческих целей, может способствовать разрешению некоторых общих вопросов. В эпоху бронзы состав керамики был ограничен двумя — тремя типами. Посуда Дальверзинского поселения представлена, как уже было сказано, двумя типами: керамикой с кра-

¹⁴⁰ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии... стр. 36.

¹⁴¹ То же, стр. 39; его же, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 95, 96.

¹⁴² Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана.

сн^{ой} облицовкой (расписной и без росписи) и кухонной. Вполне возможно, что в то время употребляли и большие сосуды для хранения жидких и сыпучих тел. Посуда изготовлялась от руки, ленточным способом и при помощи матерчатого шаблона. Изготовление посуды составляло отрасль домашнего производства. Никаких приспособлений не существовало и, по-видимому, не было также специальных обжигательных печей. Несмотря на разнообразие форм посуды, она была мало дифференцирована по назначению.

Керамика древнего периода (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.) отличается от посуды бронзового века. В этот период увеличилось количество типов керамики до четырех — пяти. Наряду с бытовой посудой (расписной, с белым ангобом и др.) и кухонной, появился совершенно новый тип тонкостенной керамики, покрытой плотным красным ангобом. Значительное улучшение качества керамики, главным образом последнего типа, произошло в результате применения гончарного круга и обжига в специальных обжигательных печах.

Изготовление такой керамики стало возможным только в условиях ремесленного керамического производства, когда были выработаны технологические приемы и, в частности, появилась возможность готовить высококачественный ангоб. Смена керамики Дальверзина — Чуста керамическими комплексами Эйлатана, Шурабашата, а затем и Мархамата произошла в результате коренных изменений в жизни населения Ферганы в первой половине I тысячелетия до н. э., выразившихся в отделении ремесла от земледелия. Это способствовало значительному развитию производительных сил общества и привело к расцвету хозяйства, городской культуры и ремесла в древней Фергане в конце I тысячелетия до н. э. и в первых веках н. э.

О дальнейшем развитии керамического производства в средние века можно составить представление, сопоставляя керамические комплексы памятников древнего периода и Узгена. Об этом свидетельствует разнообразие типов керамики, изготовление поливной посуды, керамики для технических потребностей (кубуров для водопровода, тиглей для литейного производства и т. д.), а также массовое производство жженого кирпича, получившего только в этот период широкое применение в строительстве.

В средние века почти вся керамика, как правило, изготовлялась на гончарном круге, даже кухонные котлы и хумы. Однако некоторые группы посуды продолжали лепить вручную. Средневековая керамика чрезвычайно разнообразна по формам и сильно дифференцирована по способу изготовления и по назначению.

Если для эпохи бронзы наиболее типична лепная расписная посуда, то в древний период наряду с расписной появилась посуда с красным ангобом, а в средние века — поливная керамика.

Архаичность и примитивность самого керамического производства порождали сходство некоторых типов керамики разного времени, например кухонной посуды с примесью дресвы. Однако, несмотря на сходство отдельных признаков кухонной посуды разных периодов — от бронзового века до средневековья, в ней отмечаются существенные отличия в способе изготовления, форме и украшении. Если кухонные котлы в бронзовом веке сделаны от руки на матерчатом шаблоне, то в средние века они формовались на гончарном круге и имеют тонкие стенки и правильную форму.

В Фергане в течение длительного времени применялась роспись для украшения керамики. Расписная керамика известна от эпохи бронзы до средневековья. Однако по многим признакам расписная керамика

каждого периода отличается друг от друга. Стиль, сюжет орнамента и весь характер расписной керамики в каждую эпоху менялся и не имеет сходства. Непрерывной линии развития от расписной керамики эпохи бронзы и древности до средневековья пока не удается проследить.

Сравнительное изучение комплексов керамики Дальверзина и Чуста (бронза), Шурабашата, Дунбулака и Мархамата (древность) и средневекового Узгена позволяет установить принципиальное различие керамики каждой эпохи, последовательное увеличение ее типов и улучшение качества.

Можно отметить важный факт постепенного расширения сферы применения керамики (в быту, литейном деле, строительстве и т. д.) и в связи с этим увеличение дифференциации гончарных изделий по способу изготовления, назначению и употреблению. Технологические возможности в каждый период обуславливали состояние и предел развития керамического производства. Например, хотя поливную посуду в Средней Азии научились изготавливать еще в древний период, массовое изготовление ее началось значительно позднее. Из всего этого явствует, что развитие керамики, последовательная смена керамических комплексов отражает прогрессивное изменение и развитие производства и косвенным образом свидетельствует также о развитии производительных сил общества.

Полевые исследования 1954 г. подтвердили факт значительного развития оседлой и городской жизни на территории Южной Киргизии. Оседлые поселения в настоящее время выявлены почти во всех районах: в Узгенском оазисе, в Ошском, в низовьях Кугарта, в районе Успеновка — Караван, в Чаткале, в Алае, около Иски-Науката, в долине Соха и Баткен-Бужума и др. Большинство обследованных памятников относится к древнему периоду. Количество средневековых поселений незначительно. Многие памятники опубликованы в упоминавшихся работах А. Н. Бернштама, который, кроме того, разработал классификацию этих памятников¹⁴³. В настоящее время представляется возможным внести некоторые изменения и дополнения в классификацию А. Н. Бернштама.

Прежде всего надо обратить внимание на географическое разделение памятников: Тянь-Шань, Фергана и Памиро-Алай. Объединение двух последних районов проведено несколько формально, так как они никогда не были связаны друг с другом. Вряд ли можно относить к памятникам оседлой Ферганы Тюлейкенский и Боркорбазский могильники и все наскальные изображения Саймалы-Таша. Более правильным было бы провести деление на памятники оседлой Ферганы и памятники кочевого населения подгорных и горных районов, ныне составляющих территорию Южной Киргизии. Для этого следует Тюлейкенский и Боркорбазский могильники и другие памятники кочевого населения на окраинах Ферганы перенести в графу «Алай» или более широко — «Южная Киргизия». При этом надо учитывать, что некоторые районы в прошлом были тесно связаны с Ферганой в политическом и культурном отношении.

В классификации А. Н. Бернштама приведено шесть поселений, расположенных на территории Южной Киргизии. К характерным памятникам эпохи бронзы отнесено тепе на 11-м километре дороги Ош-Карасу. С этим нельзя согласиться. На тепе в 1947 г. была произведена небольшая зачистка и обнаружена расписная керамика, сходная с эйлатанской. При датировке этого тепе А. Н. Бернштам исходил из старой, теперь пересмотренной, хронологии эйлатанской керамики. Дата нижнего слоя этого тепе

¹⁴³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

в связи с пересмотром датировки эйлатанской керамики должна быть также изменена и тепе надо отнести, очевидно, ко второй половине I тысячелетия до н. э. Кызыл-Курганское селище в Алае выделено как характерное для II—I вв. до н. э. Однако на нем обнаружена, по А. Н. Бернштаму, и более ранняя керамика —VI—IV вв. до н. э.¹⁴⁴ Остается неясным, почему же селище отнесено к памятникам II—I вв. до н. э. В керамике селища вместе с посудой покрытой красным ангобом, характерной для Ферганы (III в. до н. э. —III—IV вв. н. э.), найдена грубая лепная посуда с красной облицовкой, которую точно датировать нельзя. Достаточных оснований для датировки ее VI—IV вв. до н. э. не имеется. Других датирующих предметов на селище не найдено.

Предложенная А. Н. Бернштамом дробная периодизация поселений в некоторых случаях не оправдана вследствие неразработанности вопросов датировки керамики. Эта классификация после специального изучения поселений древней Ферганы и после работ Южнокиргизского отряда в 1953—1954 гг. должна быть дополнена и уточнена.

Можно предположить, что возникновение укрепленных поселений в Узгенском районе относится ко второй половине I тысячелетия до н. э. Так, возникновение Шурабашатского городища можно с известным основанием датировать IV—III вв. до н. э. Наибольшее развитие оседлых поселений приходится на последние века до н. э. и рубеж н. э. Именно к этому времени относится, судя по раскопкам, возникновение Дунбулакского городища.

Приблизительно в то же время появились оседлые поселения в Ошском оазисе, в Савайской степи, в долине Кугарта, Соха и др., т. е. почти во всех основных равнинных районах Южной Киргизии. Очень важно, что в это же время зародилась самобытная оседлость в отдаленных горных долинах Чаткала, Алая и Чон-Алая под влиянием Ферганы, о чем свидетельствует, например, находка на Кызылкурганском селище в Алае керамики с красным ангобом, идентичной ферганской. Древний период является временем наибольшего расцвета культуры оседлого населения в Южной Киргизии.

В средние века произошло сокращение количества поселений за счет роста и укрупнения нескольких центров: Оша, Узгена, Куршаба, Мады, Ардланкета в Чаткале и др. Однако основные политические и культурные центры в средние века находились в равнинной Фергане¹⁴⁵. В это время увеличилось также оседлое население в районах развития средневековой горной промышленности. Оседание киргизов на землю в Южной Киргизии, начавшееся задолго до появления здесь русских¹⁴⁶, в известной степени объясняется существованием традиций оседло-земледельческой культуры в Южном Киргизстане, уходящей корнями в древний период.

Работы Южнокиргизского отряда в 1954 г., охватившие изучением памятники трех периодов: бронзы, древности и средневековья, имели предварительный характер. Они позволили определить задачи дальнейшего изучения памятников Узгенского оазиса и наметить перспективный план археологических работ на территории Южной Киргизии. Настало время перейти от разведывательных работ к стационарным раскопкам. Первоочередным объектом для стационарных работ надо считать Шурабашатское

¹⁴⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 196.

¹⁴⁵ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии, стр. 38.

¹⁴⁶ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 39.

городище древнего периода. Необходимо также организовать большие раскопки на городище средневекового Узгена. Вместе с тем надо продолжать разведку памятников в микрорайонах, в частности в долине р. Кара-Кульджи и Ойтала, вплоть до границы с Китаем, и по долине р. Яссы до одноименного перевала с тем, чтобы закончить регистрацию памятников на трассах древних путей. Особое внимание необходимо обратить на поиски погребальных памятников кочевого населения Южного Киргизстана с целью накопления материала для решения вопроса об этногенезе населения Южной Киргизии.

